

Елизавета
Огнелис

Мусин Ринат

КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

2017

Пока еще никакой политики. Ну разве что в самом конце. А в основном — школа, друзья, маленькие мальчишеские проблемы. Первая любовь. Вроде все хорошо и прекрасно. Живи, казалось бы, и радуйся...

Елизавета Огнелис, Мусин Ринат

Как закалялась сталь — 2057. Том 1

Глава 1

Далеко за полночь, когда мертвенная тишина легла плотным одеялом на деревню, а луна висела над дальним лесом громадным фонарем, от одного из домов отделилась маленькая фигурка.

Это был мальчик, пятнадцати лет. Он передвигался в темноте и тишине очень уверенно, потому что знал здесь каждую кочку. Да и сегодняшний ночной маршрут юноша проходил днем не один раз, и даже не два. Чтобы случайно не влететь в заросли крапивы, и чтобы ни одна доска или ветка не нарушили своим треском его беззвучного шага.

Одет был мальчик довольно необычно для теплой летней ночи. В толстую брезентовую куртку, и такие же толстые штаны. За плечами — рюкзак. В этом рюкзаке лежало все, что необходимо, для сегодняшнего убийства.

Юноша миновал огороды и вышел в поле. Луна светила ярко, но только сгущала тьму, играя зыбкими тенями, и шелестел легкий ветерок, что давало ощущение нереальности происходящего. Еще больше таинственности и жути добавляли сами движения нашего героя. Если бы кто-то мог видеть, как он идет по полю, то удивлялся бы странному эффекту. Мальчик то свободно шел по открытому пространству, ясно и явно видимый при неверном лунном свете. То вдруг и совершенно внезапно исчезал из поля зрения. Нет, он не пригибался, и не ускорял шаг. Он просто шел, но каким-то непонятным способом, как только ветерок начинал дуть посильней — колыхался вместе с травой и движением воздуха. И тогда словно исчезал, даже для самого внимательного взгляда.

Очень скоро его ночной поход закончился. Сейчас он стоял чуть ли не посередине поля, напротив самого центра деревни. Юноша проверил свое оружие — трехгранный нож, сделанный из напильника. Покрепче зачихнул его за ремень, чтобы не дай бог не потерялся. Снял рюкзак. В нем оказались несколько камней, которые мальчик распахивал по карманам штанов.

Ножовку по дереву, и другой, обычный кухонный нож — оставил в рюкзаке. Натянул тонкие рабочие перчатки. Потом снял брезентовую куртку, и стал наматывать ее на левую руку. Аккуратно и не торопясь, пока рука не превратилась в толстый обрубок, в этакий брезентовый щит. Закинул рюкзак снова за спину, и, напружинившись, на этот раз — не слишком таясь, но напряженно, готовясь к самому худшему и внезапному — двинулся в сторону железного домика на колесах. Того самого, который стоял в самом центре деревни, рядом с бревенчатым магазином.

В этом железном фургончике обычно ночевал пастух. Рядом с входом, положив голову на толстые лапы, сейчас спала громадная собака, восточно-европейская овчарка. Черная, с рыжими подпалинами, с громадной зубастой пастью. Машина для убийства весом более полусотни килограмм. Она еще не подозревала об опасности, которая ей грозила, просто и мирно спала. Ее тревожный слух уловил шаги, но она не проснулась. Но когда первый из камней прилетел из темноты ночи и упал в нескольких метрах от нее — собака подняла голову, шумно несколько раз втянула воздух.

Юноша подошел с подветренной стороны — его запах не доносился до собаки. Именно для этого он взял камни, и в пятидесяти метрах от сторожки начал их бросать, предварительно тщательно протирая в руках ткань перчаток. К слову говоря, бросить камень на такое расстояние — не так то просто. Но мальчик легко забросил первый гольш

прямо к вагончику. Он еще не видел собаку в темноте, но уловил движение. Подступил еще на шаг, и бросил второй.

Собака вскочила на ноги, зарычала. Когда третий камень ударил землю буквально в полуметре от нее, она, наконец, увидела противника, и даже узнала. Тем более что человек начал говорить.

Страх — это незнание, — тихо сказал юноша в темноту. — Вот в кустах что-то шевелится, и тебе страшно. Увидел кошку, получил знание — и куда только страх девался...

Марат глубоко вздохнул и сказал, ровно и спокойно:

Иди сюда, тварь...

Но... все-таки, начнем по порядку.

У нашего героя звучное имя — Марат. Да-да, в честь того самого знаменитого французского революционера. И фамилия не менее знаменитая — Нечаев. И только звёздам известно, имеет ли отношение семья Марата (и он сам, естественно), к тому самому революционеру Нечаеву. Вполне возможно, что имеет...

С самого детства Марат отличался худобой. Но не мальчишеской, а именно жилистой худобой хорошо и быстро развивающегося тела. Многие его сверстники уже к четырнадцати годам обзавелись пухленькими животиками — но только не он. И вообще Марат был на удивление гармоничный и здоровый мальчик. Читать, например, он начал в пять лет, и уже в семь прочитал многое из Жуля Верна, Марка Твена и Джека Лондона. При этом зрение его оставалась острым, без какого либо изъяна. В семь лет, пойдя в школу, второго сентября сам записался в библиотеку. А через день, третьего сентября — в спортивную школу, в вольную борьбу. Вот так, очень обычно, и одновременно очень странно складывалась его жизнь. Она постоянно состояла из каких-то крайних противоречий. Борьба и чтение — эти занятия не мешали ему, а словно бы дополняли друг друга.

Учился он легко и непринужденно. В классе сидел за одной партой с самой красивой девочкой, которую провожал после школы домой — им было по дороге. Несколько раз она приглашала его к себе домой — на чай. Он сидел в ее комнате и смотрел, как она переодевается в домашнее — ничуть не стесняясь присутствия постороннего. У Марата не возникало никаких особых чувств, кроме восхищения — он реально восхищался этой девочкой, ее красотой, и веселой непринуждённостью.

Но, к сожалению, их дружба была недолгой, и прервалась уже на следующий год — семья девочки переехала в другой район города, и она стала ходить в другую школу. Марат к тому времени уже умудрился получить юношеский разряд, хотя это было крайне сложно, потому как противников в его весовой категории (менее двадцати восьми килограмм) — просто не существовало, и ему приходилось выигрывать поединки с куда более взрослыми и тяжёлыми соперниками.

Школа их была довольно странной, сейчас таких нет. Но тогда, каждый день после занятий, на заднем дворе постоянно собиралась толпа мальчиков. Что они делали? Дрались. По настоящему. Хотя и по детским правилам: «до сдачи», «до первой крови», «до первого крика». Многие, кто побывал в драках — получали прозвища. Получил его и Марат. А заодно заимел несколько серьезных врагов, которые постоянно пытались отравить ему жизнь, и показать свое превосходство в возрасте и весе.

Вечное противостояние держало его тело и ум в постоянном напряжении. Природа подарила ему крайне странную способность — трудности и невзгоды его только закаляли, и делали гораздо сильнее. Даже мышцы, которые были постоянно напряжены в ожидании

опасности — со временем сделались каменными. На секции он тоже был постоянно насторожен — юность не знает жалости, и «мелкого» разрядника всегда старались толкнуть, пнуть, лишний раз бросить через плечо. Иногда даже не на мягкие маты, а просто на пол.

И только дома Марат позволял себе расслабляться — за очередной книгой, которые глотал с невероятной скоростью.

Он еще не смотрел «Бойцовский клуб», но жил жизнью Тайлера Дердена. Только еще более жесткой и насыщенной. Он дрался не один раз в неделю — а каждый день. После чего боролся на тренировках, открытых коврах, соревнованиях. Тело, поставленное в такие условия, становится даже не деревянным. Оно становится железным.

И одновременно, находясь в том же сознании — жил жизнью Джека, проглатывая книгу за книгой. Не делая различий между классической литературой и современной фантастикой, серьезными научными книгами и откровенным псевдонаучным стебом и стимпанком, где на паровых машинах спокойно летали к другим планетам...

Пока гибкое, сильное и быстроразвивающееся тело — запоминало всевозможные умения, то мозг, ищущий и пытливый, планомерно заполнялся всевозможными знаниями. Марат равномерно тренировал и то и другое, стремясь к недостижимому совершенству. Сесть на шпагат — конечно! Это как минимум два месяца упорных тренировок. Улучшить быстродействие ума — обязательно! Вот тебе тренировки, перемножать двузначные числа, а потом и трехзначные. В уме, на скорость... Нужна улучшенная память? Стихи наизусть в помощь. Без принуждения, без учителей — сам по себе, сам для себя. Иногда он сравнивал сам себя с машиной, с неким терминатором, который самосовершенствуется, и только от личной воли будет зависеть — насколько это будет быстро.

Как бы это ни казалось странным — Марат терпеть не мог в себе недостатки. Они его по настоящему злили. Буйный дух соперничества постоянно заставлял его исправлять в себе то или иное. Прочитав «Белого Клыка» от Джека Лондона, он познал насколько важно равновесие, насколько важно то, что тебя невозможно сбить с ног. Повысить устойчивость? И вот возле школы появилось кольцо кирпичей, поставленных стоймя, на торец. По которым Марат пробегал как можно быстрее — и до школы, и после. Стараясь не уронить ни одного кирпича. На глазах у всей школы. Что? Разве это не победа, над собственной робостью? Над физической и психологической неустойчивостью?

Как то слишком рано Марат понял, что не надо менять мир. Надо менять себя, и тогда мир вокруг изменится сам собой. Надо измениться. Раньше ты проходил мимо ребят, которые обижали младшего. Ты выглядел трусом, как минимум. Но стоит измениться, стоит выступить против, пустить в ход руки и приемы, — и из труса ты превращаешься в карателя малолетних хулиганов. Ты изменился, что-то сделал — и мир принял тебя таким, поменял к тебе отношение.

И еще он понял, что мир этот не надо делать лучше. Да и что такое — «лучше»? Лучше чем что? Какой другой мир еще есть?

Марат не стал угрюмым волчонком — наоборот, острый ум, глубокие размышления и постоянная практика противостояния привели его к тому, что он всегда отвечал на угрозу едкой шуткой, легко приводя любого в состояние ярости. Это помогало.

И ещё странно — учителя его любили. Особенно учительницы. Они как то быстро угадывали в худощавом мальчике лидера класса, которого все побаивались, и который одним взглядом мог утихомирить разбушевавшегося хулигана. Любили его за этот открытый взгляд, за ровную внятную речь, невероятный кругозор и лёгкое усваивание любого материала. А он

просто так жил. Открывая глаза, он чувствовал вызов, который бросает ему новый день — и с удовольствием, даже не осознавая этого — принимал его.

Он рано познал что такое тяжёлый труд и трудовая копейка, заработанная потом. Однажды весной, когда ему было всего девять, его окликнула бабушка, которая шла из магазина с продуктами. Снег в тот день был мокрый, тяжёлый, и превратился в месиво, по которому даже юношеские ноги передвигались с трудом.

Старая женщина с трудом дышала и буквально волокла за собой сумку с картошкой, молоком и батоном хлеба. В этот момент Марат обогнал ее и собирался идти дальше.

Эй, молодой лоботряс! — вдруг прозвучал за его спиной злобный старушечий голос. — Хоть бы помог, сволочь! Видишь же, помираю. И мимо шлёпает, ублюдок.

Марат остановился как вкопанный. Ругательства не задели его. Слышал и пожестче. Но ведь он и так хотел помочь. А тут его — просят.

Он подошёл, протянул руку:

Бабушка, давайте я вам помогу.

Взял сумку (тяжеленная, зараза!), и, с трудом разгребая мокрый снег, двинулся за старой женщиной.

Как хоть тебя зовут, соколик? — спросила совсем уже незлобно старуха.

Марат...

Тут недалеко, только вот что-то утомилась я, по такой то каше...

Оказалось, действительно, совсем рядом. Но из-за тяжести на плече и мокрого снега — мальчик и сам взмок к концу их недолгого путешествия.

Вот, — старуха протянула к мальчику руку и разжала ладонь. В руке у нее был рубль — по тем временам сумма совсем маленькая, если не сказать — крошечная. Чтобы просто мороженное купить, самое дешёвое — надо было десять таких монеток.

Бери, — твердо сказала старушка. — Ты трудился, а значит заслужил. Любой труд должен быть оплачен. Это — правило.

И Марат взял монету. Старуха повернулась, и исчезла в подъезде, а он все стоял. Мальчик испытывал глубокое чувство какой то странной удовлетворенности. Все произошло как то очень правильно, так, как и должно быть.

Его попросили — ничего не обещая, и даже с руганью. Он помог, от чистого сердца, и потому что это было правильно и нужно. Но и человек, которому помогли, не забыл что за помощь — платят. И доброй улыбкой, и денежкой.

Марат зарабатывал и до этого. Совершенно честным трудом. С шести лет!

На каникулах в деревне сдавал на грибоварню дары леса. Чтобы купить себе: настольный хоккей, потом — настоящие механические часы. И каждый раз он оставался в разочаровании. Деньги, которые он зарабатывал, а потом и тратил на такие желанные (казалось бы) — вещи... Это были просто деньги. Бумажки. Без всякого чувства, без удовлетворения работой и приобретением. Но то, что произошло сегодня — это было что-то не совсем обычное. Это было хорошо, замечательно даже... И Марат стал помогать бабе Мане (так звали ту старуху). Когда родители посылали его в магазин (а это случалось часто) — мальчик всегда заскакивал в соседний подъезд. Он был абсолютно честен со старой женщиной, приносил сдачу до последней копейки, и старуха неизменно отдавала ему этот рубль. Он их копил, а потом покупал большую шоколадку... и шел опять к бабе Мане —

пить чай...

У нее была совершенно безумная коллекция полных собраний сочинений. Целый огромный шкаф: Герберт Уэльс, Марк Твен, Джек Лондон, Шишков, Толстой, Тургенев, Берроуз, Жюль Верн, Дюма, Конан Дойль...

А потом произошло то, что случается с каждым пожилым человеком. Была опять зима, за гробом бросали еловые ветки. А баба Маня возвышалась над всем этим — бледная и спокойная. Марат думал, что увидев вот так вот близко мертвого человека — он испугается, и будет плохо спать по ночам. По крайней мере, так утверждали взрослые. Но ничего такого — сон его остался так же крепок, и никто нигде не мерещился.

Может это был коренной перелом. А может быть — один из моментиков. Одна из ступенек. Но произошло именно так. Марат Нечаев перестал ценить деньги. Нет, конечно, он понимал их важность. Но блеск и шуршание бумажек стали для него не более чем скрипом песка под ногами.

В четырнадцать лет Марат обнаружил, что ему ужасно хочется...

Да, именно хочется. Именно секса. С красивой девушкой постарше. С опытной дамой. С юной девочкой, его ровесницей. По большей части — всё равно с кем. Желание его просто сжигало. На тот момент он был девственником, но опыт с противоположным полом у него был. Небольшой, конечно, как и у любого четырнадцатилетнего.

Желание было жутким. Это было что-то вроде голода, или жажды. Но не утолить ни едой, ни водой. Естественно, как и большинство представителей мужского пола, он быстро открыл мастурбацию, при этом чуть не захлебнувшись в ванной (где он в момент «открытия» находился).

Марат прекрасно понимал, что с ним происходило. Под мышками, на груди и в паху волосы у него начали расти еще год назад (хотя первоначально он принял все это за какую-то сыпь).

И тут — такое! Он вообще минуты не мог прожить, чтобы не представить в воображении, как прижимает к своему телу чье-то еще. Мягкое, податливое, с большой грудью, с дурманящим и волнующим запахом длинных волос.

Девушки, которых он встречал на улице — вводили в ступор. Он смотрел на них тайком, и если бы они знали, какие похабные мысли роятся у него в голове! Одноклассницы, повзрослевшие чуть раньше — вообще сводили с ума. Юные и свежие, они приходили к нему чуть ли не каждую ночь, зачастую далеко не по одиночке.

Его юное, сильное тело, перенасыщенное гормонами, желаниями и фантазиями — требовало удовлетворения.

Он постоянно и внимательно следил за сверстниками. Постоянно его грызла мысль: у них что, все то же самое?

И каждый раз убеждался — да, то самое. Кто-то становился агрессивней, уже не просто дергал, а драл одноклассниц за волосы, задирали юбки, подкарауливал под школьной лестницей, когда девчонки взбираются наверх. Кто-то становился угрюмым, замкнутым. Вероятно из-за постоянной мастурбации, которую они считали постыдной и недостойной. Кто-то наоборот — пускался во все тяжкие, разрисовывал туалеты женскими половыми органами, писал на парте непристойности, демонстрировал друзьям разные порнокартинки из интернета, и рассказывал всевозможные небылицы из своей и чужой жизни.

Каждый сходил с ума по-своему.

Глава 2

До сих пор много лет Марат жил по одному и тому же расписанию. Школа с понедельника по субботу. Тренировки и схватки, и в воскресенье тоже. Раз в месяц — жестокая драка. И чтение каждый день.

И вот теперь — новая напасть. Переломный момент, превращение из мальчика в юношу. Женщины, девушки, и потребность в любви. Желательно плотской. Чрезвычайно развратной.

И это тоже был переломный момент. Он понял, что из юноши в конце концов превратится в мужчину. Что все, что было до этого — только подготовка. Теперь ему необходимо, и категорически нужно — узнавать другой мир.

Тот, в котором присутствовали и женщины.

И как это сделать? Марат просто представил, как он подходит со своими проблемами к любой из одноклассниц... И его отшивают, жёстко, резко, с диким хохотом сначала, — и ехидными смешками потом.

Это было недопустимо.

Но Марат знал, что нет ничего невозможного. Да, сначала многое кажется недостижимым и невероятным, но на самом деле вполне достижимо и вероятно. Поначалу он тоже не знал, как можно справиться с противником, который вдвое старше и сильнее тебя. А потом, с приходом новых знаний, практики и опыта — это стало нормальным.

Нужны только знания и практика, которые преобразуются в опыт.

А где люди обычно берут знания? Ну конечно, в книгах, в тех же учебниках. И Марат занялся любимым делом. Читением. В интернете он нашел массу пособий, но прочитав их был разочарован. Они годились для взрослых отношений. Знакомство в сети. Знакомство на улице. Знакомство в публичных местах. И как вы это себе представляете, в четырнадцать лет? Тем более, что как раз со знакомствами у него было все в порядке. Он давно уже (ещё в первом классе) познакомился с одноклассницами. Знал множество девчонок во дворе и окрестностях. В подъезде у него жило много красивых женщин и девушек, которых он тоже знал по именам.

И что? Ему нужно было не очередное знакомство, а возможность общения. Желательно с последствиями. С очень глубокими последствиями, как бы пошло это не звучало.

Первой книгой, целенаправленно прочитанной на эту тему, стала «Первая любовь» Тургенева. И опять разочарование. Конечно, понятно, что ради любви девушка даст себя высечь... Но чего добились юные герои? Ничего! Всё взял себе более старший и опытный. Ситуация, в которой Марат точно не хотел бы оказаться.

И это — типа пособие по любви? Конечно, некоторые здравые мысли у Тургенева присутствовали. Но в целом — можно было бы гораздо короче, "не думай что можешь с наскоку победить более сильного и опытного" — но это Марат и так знал.

Второй, и необычайно полезной книгой-пособием стала "Анжелика". Про эту книгу ему рассказали школьные друзья, и по их словам это была чуть ли не порнография, только без картинок. Марат начал читать, и хотя поначалу был опять разочарован — но ближе к середине роман очаровал его. Тулузская школа любви — это основа основ. Для того, чтобы освоить эти самые правила любви, Марат завел дневник, как и раньше. Да, обычный

бумажный дневник. Марату нравились дневники, именно школьные. Занимаясь борьбой, он вел два параллельных дневника: школьный и спортивный. В одном записывались домашние задания по учебе. Во втором — домашние задания по спорту. Подтянутся — сто раз. Отжаться на кулаках — тоже сто раз, на пальцах — пятьдесят раз. Мостик — семь минут... И так далее.

«Любви заслуживает лишь достойный» — простые слова. Но сколько за ними скрывается. Ты должен быть достойным победы. Ты должен быть опытен, тренирован и готов ко всему.

«Никто не любит жадных, но все тянутся к щедрым». Тоже простые слова. Но как быть, если ты никакой не миллиардер, и даже не миллионер? Да очень просто! Не деньги делают человека щедрым. Но подарить другому человеку улыбку, теплое слово и одобрительное выражение лица — кто мешает?

Марат занялся собой. Он начал тренироваться.

Все как обычно. Улыбнуться — пятьдесят раз. Выправка осанки — пять минут. Изучить повороты головы — десять минут. Главным тренажером для него стали не гиря или кукла для бросков — но обычное зеркало. Во-первых, отработать эту самую улыбку. Но сами по себе губы, растянутые в оскал готового к броску зверя — ничего не значат. Марат улыбался сам себе в зеркальную гладь, и ставил себе выражение лица, вкладывал какое-то чувство. Улыбка одобрения, улыбка сомнения, улыбка изумления, озорная улыбка. Это только кажется, что мы это умеем — но на самом деле все эти гримасы требуют заточки и мастерства. Улыбка может сказать о человеке иногда больше, чем слова.

Гейши в Японии взглядом и улыбкой могли уронить человека, натуральным образом — сбить с ног. А как себе это представлял Марат? Скорее всего примерно так: идет юноша, погруженный в себя. Потом поднимает глаза, уголок губ едва дернулся, демонстрируя заинтересованность. Вот взгляд расширяется, появляется нотка одобрительного изумления, и если тебе улыбаются в ответ — улыбка переходит через много стадий — удивление, легкое смущение, и прямой вызов, веселье от предстоящего знакомства, разговора и дальнейшего... Это предвещают уже глаза, чуть суженные и подернутые томной поволокой. Кто может устоять перед таким?

Отработав это множество раз, и не один день — Марат попробовал применять свои, пока еще очень начальные умения на улице. Это работало. При этом ни к чему не обязывало. Тебе же не говорят: «прыгай в койку», не заламывают руки. Тебе просто улыбается незнакомый человек. Обычный мальчишка, который радуется жизни. Да просто в правилах вежливости требуется улыбнуться в ответ.

Через неделю Марат добился того, что все женщины, начиная от сопливых девчонок, заканчивая пожилыми старухами — улыбаются ему в ответ. Это вдохновило молодого человека. Он понимал, что его путь верен, что любовь — это такая же наука и искусство, в которых есть правила и законы, приемы и уловки. И эти правила он собирался изучить, а законы постичь так глубоко, как только это возможно.

Лето было в самом разгаре, и Марат к тому времени оказался в деревне, среди тучи внуков, которых работающие родители засылали к своим родителям-пенсионерам. Марат в первый же день опробовал свою улыбку на соседской девочке Дине.

Она казалась ему вовсе не девчонкой, а вполне взрослой шестнадцатилетней женщиной, опытной и прожженной (на взгляд пацана, которому только-только стукнуло пятнадцать).

Улыбка удалась на славу. Дина не просто обратила на нее внимание. Когда их ватага пошла купаться, эта самая Дина долго и неприкрыто изучала фигуру раздевшегося для купания мальчишки. Потом, когда все оказались в воде — подплыла к нему. И с самым зверским выражением лица положила Марату руки на плечи, едва не утопив, а потом ещё поднырнула, и попыталась стащить с него трусы в воде. Марат, конечно, обратил все это в шутку, хотя чуть не захлебнулся в результате такого ухаживания. Трусы он сберёг, и вылез на берег немного испуганный, но довольный.

Дину уже через день охомутил самый взрослый в их компании, высоченный и степенный парень, которого все называли «Сашок».

Что ещё кроме улыбки? Взгляд, конечно. Марат прочитал во многих книгах, что иногда влечение человека к человеку происходит с первого взгляда.

Но как это отработать? Опять зеркало? Но оно, к сожалению, не может само сказать, что возникает на душе у другого человека от той или иной твоей гримасы. Нужен был напарник, а лучше — напарница.

Поколебавшись немного, Марат решил обратиться к самой опытной девушке, которая была сейчас под рукой.

Двоюродная сестра Лена, на два года старше, красавица и умница. Марат колебался секунд тридцать, а потом пошел ее искать. И нашел, качающейся на качелях с задумчивым выражением лица.

Ленк! Тебе нравится, если мужчины на тебя смотрят? Причем так смотрят... с желанием? Поняла как? — взял Марат сестру сразу «за рога».

Сестрёнка особо не удивилась.

А тебе нравится, когда на тебя девушки смотрят, и чуть не облизываются от желания? — вернула она вопрос с уточнением.

Естественно нравится!

Ну, вот и ответил на свой вопрос, — резюмировала Лена.

Ну, так это другое, — продолжил наступление Марат. — А вдруг сегодня она устала, или думает, что плохо выглядит?

Да все равно в глубине души нравится, особенно если готовилась. А мы постоянно готовимся... — произнесла сестра.

Во-от, — удовлетворённо произнес Марат. — Вы готовитесь,

Постоянно перед зеркалом, у вас есть примочки. Там замазал, здесь подправил... А у нас, мужчин, такого нет. Мы как получится, так и делаем. Без всякой подготовки.

А ты, братик, решил вроде как подготовиться, — совершенно серьезно сказала Лена и перестала раскачиваться.

Она ко многим вещам относилась серьезно, чем и привлекла Марата.

Это похвально...

Ну а как по-другому? — продолжал он. — Вон в школе, читать-писать учат. Считать учат, законы всякие, правила, домашние упражнения. А просто как посмотреть на другого человека, чтобы ему что-то передать — никто не словечка не скажет. Никто не научит. Как будто никаких правил и законов в этом случае нет. Беспорядок, если честно.

Ленка задумалась.

Ну, ты прав. Я, честно говоря, как то об этом не думала. А от меня чего надо? — перешла она к делу.

Было бы здорово, если бы ты меня чуть поучила. Как надо глядеть на девушку, чтоб ее не испугать. Что надо делать, чтобы она заинтересовалась.

Диалоги тоже будем репетировать? — похоже, Ленка уже вошла во вкус.

Все знали ее страсть к театру. Она даже из сельских малышей пыталась сделать театральную группу, и пару раз в сезон они давали представления. Марат в тех представлениях обычно играл роль лошади или дерева. А именно — «берёзки». Стоял с привязанными к телу и рукам берёзовыми ветками, пока мелкие девки с завываниями «...во поле кудрявая стояла...» — водили вокруг него хороводы под дружные аплодисменты престарелых зрителей.

Да погоди ты с диалогами. Давай начнем с основ. Как в школе. Пишем сначала кружочки и палочки. Учимся правильно карандаш в руках держать. Уж до картин Айвазовского потом дойдем...

Логично, — сказала сестра. — Тогда... Изобрази как мне на своем лице восхищение моей красотой...

Вот прямо сейчас? — попытался увильнуть Марат.

Изображай! — отчеканила Лена. — Прямо сейчас. Мне же тоже надо понять, что к чему, и нормально подготовиться к следующему занятию... Это что за обезьянья гримаса, прямо страдающий по бананам павиан! — воскликнула она через секунду.

Восхищение твоей красотой, — съязвил в ответ Марат.

Бровями работай больше, — скомандовала Елена. — Глаза так расширяются. Выше брови, что ты куksiшься? Улыбочку, лёгкую, не как у крокодила, который антилопу кусает. Просто уголками губ. Голову не клони вбок, тебе не идёт, морда перекрашивается, как у обалделой собаки... Лучше просто чуть поверни... Нет, надо с зеркалом, пойду принесу...

Вернулась она с зеркалом и ассистенткой.

Евгения. Вторая двоюродная сестра Марата, его ровесница (на пару месяцев младше). За ними увязался и младший брат Женьки — Илья. Вчетвером они серьезно принялись за дело. Марат учился ловить взгляд, снисходительно (а не презрительно) улыбаться. Девчонки учились "хлопать глазками", изображать невинность и заинтересованность. Лена порекомендовала всем хорошо усвоить «таинственную мечтательность».

Когда девушка такое видит, она сама начинает развивать в голове мысль. Все люди мечтают, — говорила она. — Главное чтобы лицо действительно выражало мечтательность, а не похотливые фантазии. Все парни когда на девушек смотрят заинтересованно, у них прямо на лице читается. Естественно, это отталкивает. На тебя словно на кусок мяса смотрят, ещё чуть-чуть и слюни потекут...

А ещё можно вот так, — ввязалась в разговор ассистентка. Женька придала лицу игривое выражение и положила указательный палец себе в рот. Губы у нее собрались в едва заметную трубочку, и Марат почувствовал, что у него реально похолодело внизу живота — настолько это было развратно и легко читаемо.

Фу, Женька, сейчас научишь братцев всякой пакости, — смеясь, прервала ее выступление Лена. — Это потом будем изучать, я вам такие штуки покажу...

А Марат во все глаза смотрел на серую мышку Женю. Иногда ее ещё называли «пирожок с дырочкой». Полноватость и девичья худоба каким то странным образом уживались в ее фигуре. Но сейчас Марат видел — когда она подрастет, это будет просто бомба для мужского пола. А глазищи то какие! Лениво-развратные, зелёные, манящие. Тьфу ты черт...

Совершенно естественно, что их занятия практическим флиртом, как их окрестила Лена, привлекли внимание всей отдыхающей молодежи в деревне.

Занимались в основном днём. После утренней прополки грядок, или хождения в лес за ягодами-грибами. Неожиданно в роли главной актрисы проявила себя Дина. Ленка была вполне довольна своей ролью режиссера и директора, и поэтому отнеслась к этому снисходительно.

Динка уловила предстоящую выгоду сразу, моментально. Уже на первое занятие она пришла в высоченных, куда выше колен кожаных сапогах и в огромной соломенной шляпе. Не смотря на порядочную изношенность реквизита — выглядела она просто потрясающе.

"Хорошо выглядеть можно и в старой одежде. Главное не форма, а содержание" — отложил себе в память Марат, глядя на Дину.

Марат, — тем временем командовала Лена. — С тебя двадцать пять комплиментов Динкиным сапогам. Дина — считай. Отмечай удачные и неудачные...

Марат, слегка касаясь указательным пальцем губы, а большим — подбородка (это чтобы контролировать что челюсть расслаблена), начинал:

Какие у вас изумительные сапожки, — он старался больше налегать на интонацию, а не на слова. — Ничего себе, я просто потрясен вашими сапожками... Ваши сапоги просто великолепны. У меня просто нет слов когда я когда я смотрю на ваши сапожки. Сногсшибательные сапоги... Изящная у вас обувь, барышня...

С каждой фразой вокруг раздавались смешки, Динка снисходительно кивала, и Марат понимал, что как раз к этому он и стремиться. Надо чтоб к твоим словам прислушивались, нужно вызвать дружелюбный смех, а не досаду оттого, что к тебе пристает мелкий паренёк совершенно невзрачной внешности.

Вы потрясающе выглядите в этих сапогах...

Потрясающе уже было, — кокетливо запротестовала Дина.

Было — «я потрясен», — отпарировал Марат.

Ещё два, — гаркнула Ленка. — Не отвлекаемся. Готовится Шубарик! Комплименты шляпке!

Шубарик, толстый парень из дома напротив — быстро сник лицом, и попытался даже спрятаться за спину худосочному Илье.

Мне очень понравились ваши сапожки... Вот что я скажу, девушка, в этих сапогах вы высший пилотаж... Все, двадцать пять, — выдохнул Марат.

Ну..., я бы не сказала, что пятерка, — Дина глядела ему прямо в глаза, но Марат спокойно выдерживал этот взгляд, в голове вообще ни одной путевой мысли от напряжения.

Но четверка с плюсом точно...

Прошу учесть, что лицеисты, обучающиеся в лицее рядом с Екатерининским дворцом, среди которых учился и Пушкин, за урок делали по сто комплиментов. И урок не

заканчивался, пока все не пройдут упражнения. Это должно быть так естественно, как и дышать, — менторским тоном вещала Ленка, которая прошлым летом гостила в Питере и побывала там на экскурсиях где только можно. — Вы же с трудом наскребаете два десятка, и вид у вас после этого как у загнанной лошади...

Сама попробуй, — произнес Марат, действительно дыша не хуже вышеупомянутого животного после скачки.

А мне не надо, я девочка, — весело ответила Ленка.

Тотчас же между присутствующими начал разгораться спор: надо или не надо?

Шубарик! К барьеру, — пресекла разрастающийся диспут девушка.

Я не буду, — пропищал толстяк, и явно вознамерился свалить. Ленка посмотрела на Дину. Дина — на Сашку. Тот в свою очередь ни на кого смотреть не стал, сгреб своей длиннющей граблей несчастного Шубарика за шкуру, и вышел с ним вперёд.

Шляпка, — гавкнула Ленка.

Классная шляпа, — прогнусавил пытаемый.

Лена даже всплеснула руками:

Ребята, давайте посерьёзней. Какая на.... классная шляпа? — она, как и полагается настоящему режиссеру, не упускала добавить в собственную речь экспрессивных словечек. — Ты кому комплимент делаешь? Шляпе? Нет, дорогой мой, ты делаешь комплимент Дине, которая носит эту классную шляпу. Ее голове, например. В частности. Марат делал комплименты ей, ее ногам, используя сапоги в качестве объекта. Посмотри на Дину!

Шубарик посмотрел.

Она тебе нравится?

Да ни фига, — ответил насупленный парень.

Динка побледнела, а потом покраснела. Гневно проглядела на своего Сашу. Тот улыбнулся и развел руками.

Она мне нравится, давайте я ей про эту шляпу скажу, что думаю. А это недоразумение пусть шлёпает в амбар, — сказал Саша, продолжая улыбаться. — И там подрочит, если на другое не хватает.

Как ни странно, ребята быстро втянулись в эту захватывающую игру, которая, по их мнению, здорово помогала им подготовиться к "взрослой" жизни. Даже Сашок принял самое деятельное участие, а однажды, явно смущаясь, попросил Ленку поставить ему походку.

Хожу как пугало, не знаю куда руки-ноги девать, — пожаловался он. — Особенно с девушками маленького роста, — добавил он, и уши у него стали пунцовыми.

При чем здесь рост? — удивилась тогда Ленка. — Да при твоей высоте можно любую кадрить, не задумываясь. Тем более что поверь моему опыту, маленькие девочки очень любят высоких парней. Так они компенсируют свой недостаток роста. Да, мы тоже бывает комплексуем по этому поводу, что такого? Вам можно, а нам нельзя?

Сашок теперь был красным весь, до корней своих светлых пшеничных волос.

Да выдумаете тоже, — выдавил он наконец из себя. — Вот был бы я ростом как Марат, ух я бы развернулся.

Сам Марат, присутствующий при этом разговоре, чуть не поплыл, как от хорошего хука справа. Чего? Эта двухметровая с большим лишком дылда комплексует по поводу своего роста? Да Марат бы год жизни отдал, чтобы стать Сашке хотя бы по плечо! Букашка и козявка, мужичок с ноготок...

Вот оно как, — отложил Марат еще зарубочку на память. — Не в росте дело.

Потом были занятия по завязыванию и поддержанию разговора. Знакомство. Движения.

Движения были особо интересными.

Девчонки реально показали класс. На этот раз напарницей Марата была Женька. Она сидела боком к Марату. И вот бросила на него взгляд. Второй, третий. Потом стала копировать его движения. С задержкой, конечно. Но он уже чувствовал симпатию. И вдруг руки девушки прошли по волосам, по самым кончикам. Потом — по шее, едва касаясь кончиками пальцев кожи. По груди, причудливо вырисовывая формы. Спустились к поясице, и медленно, разглаживая невидимые складочки, заскользили по бёдрам. На лице истома. Хитрый взгляд ударяет не хуже молотка.

Ну как? — насмешливо спросила «Пирожок с дырочкой», широко открыв свои зеленущие глаза. В руке у нее откуда то взялся карандаш, который она медленно пропускала между пальцами. Рот приоткрылся, и острый язычок хищно облизал пухлые губки.

Офигенно, — сознался Марат. Потом сглотнул слюну. — Вот ей богу, Жень... Не была бы ты моей сестрой — влюбился бы, с первого взгляда.

Женька захохотала.

Так. Молодец. Пятерка. Твердая, — отчеканила Ленка, наблюдавшая за представлением. — Завтра будем учиться смеяться. Чтобы смех твой в ушах стоял у человека. Чтобы когда над его шутками смеются — он всегда помнил, как смеялась ты.

Ну, или ты, — добавила она, уже обращаясь к Марату. — А то вы, мужики, смеяться вообще не умеете. Ржете, как кони, только хуже, да ещё и с брызгами...

Они совершенно друг друга не стеснялись. Да и чего стеснятся? Бабка их до последнего мыла в бане всем скопом, и внуков и внучек. Да и купаться они ходили, если на дальние,

известковые пруды... Так как эти пруды были очень далеко, да ещё и через шоссе — взрослые крайне неохотно пускали туда детей. А сами идти ленились. А вода там была... Прозрачная. Каждый камешек на песчаном дне видно. И всегда теплая. Вот и возникла у ребят привычка — ходить туда одним, а чтобы взрослые не ругались, заметив мокрые разводы на штанах — купались обычно нагишом. Волосы — они что? Они высохнут по дороге от ветра. А вот труссы, как ни выжимай — все равно мокрые...

Так что стесняться им было совершенно нечего, и продвигалась их самодеятельное обучение флирту очень резвыми темпами.

В этом году семнадцатилетняя Елена закончила школу, и поступила... Нет, не в театральный, а в обычный Политех, на специальность "Архитектура". Она вообще считала себя творческой личностью. Играла на гитаре. Естественно — пела. И рисовала. Очень хорошо рисовала. В деревню в разное время она привезла (кроме альбомов и фломастеров) — довольно большую горку специализированной литературы. В основном пособия и учебники. И один из них был крайне интересный. Называлась сия книга "Художественное рисование (большими золотыми буквами на твердой зелёной обложке) человеческого тела". Последние слова были прописаны не золотом, а очень мелким черным шрифтом. Учебник имел массу картинок — великолепных, мастерски исполненных. Марат довольно часто и втайне от сестры рассматривал эту книгу, и однажды был пойман на месте преступления.

Лена сначала его отчитала, а потом вдруг спросила: чье тело он, Марат, считает более привлекательным? Женское или мужское? Марат с ответом не особо колебался.

Женское, — пробурчал он.

А вот и ни фига, — совершенно спокойно сказала Лена и начала листать по иллюстрациям. А рисуночки там были... ого-го-го! В основном назывались: "Натурщик" или "Натурщица". И все абсолютно голые. Редко-редко какая тряпочка.

Тело у мужчин куда более привлекательное, в рамках искусства, без сомнения, — продолжала меж тем Лена. — Одни мышцы рук чего стоят. Рисунок вен вообще зачастую индивидуален. А теперь представь взбухшие вены на женской руке... Привлекательно выглядит?

Марат представил. Да... Брр, хорошего мало.

Торс, шея, грудные мышцы, спинные, ноги... С ногами вообще интересно, — пальцы Ленки указывали на то или иное изображение. — Женщина с короткими кривыми ногами ужасна. А вот мужчины очень даже ничего. Длинноногие тоже котируются... Широкая спина... Ты представляешь женщину со спиной как у хоккеиста? Как впечатления?

Марат прыснул.

Вот про это и говорю. Женская фигура стремится к идеалу, к застывшему совершенству. А мужская всегда в развитии, и поэтому куда как привлекательней.

А моя фигура? — выдавил из себя Марат.

Твоя? — Ленка перестала терзать пособие, и посмотрела на брата. Сузила глаза. — Нормально, я бы поставила семь из десяти. Скорее всего, через пару лет будет девять... Надо не переставать качать руки, всегда держать пресс и талию, это у тебя самое выразительное. Подкачать надо будет плечи, и задницу.

Задницу? — удивился Марат.

Конечно, — без тени смущения Ленка ущипнула его за ягодицу. — Она у тебя плоская. А между тем половина женщин скорее всего назовет мужскую задницу самым привлекательным элементом у вас...

Ни фига себе, — не удержался Марат. — Нас по задницам оценивают?

Физическое состояние — да, — сказала Ленка. — Хотя, братец, запомни и заруби на своем любопытном носу. Женщина любит ушами. Это абсолютно, стопроцентно. Так что если ты будешь выбирать, что тренировать приоритетно: язык или жопу — выбирай первое, не ошибёшься. И да... Говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, так вот, — Ленка чуть замялась, — поговорка верна и для женщин. Поверь, умение мужчины накормить женщину — это уже половина победы.

Погоди, до кулинарии как-нибудь потом доберёмся, — пробурчал в ответ Марат. И так слишком много информации.

Вечером он решил подвести итог. Все в том же дневнике. За основу взял десятибальную систему. Итак. Что мы имеем в активе...

Улыбка. Девять из десяти. Да, как минимум девять из десяти любых встреченных Маратом женщин — улыбались ему в ответ. Осечки бывали, но крайне редко. Знаком он, или не знаком с женщиной или девушкой — значения не имело. Улыбка действовала на всех. Отработана она была «на ура». Сначала робкая, потом прищуренная, как будто вспоминающая. Потом — как будто не вспомнил, и просто широко улыбнулся, чуть пожав плечами, с капелькой сожаления, типа «извините», иногда с лёгким подмигиванием. Чтобы было даже не очень понятно — подмигнул или нет. Отработана перед зеркалом и ассистентками сто тысяч миллионов раз. Можно сказать — самое его убойное оружие на данный момент. И даже не девять, а скорее всего девять и пять десятых.

Второе, отработанное на восемь баллов — умение делать комплименты. За это лето он их столько наделал: и шляпкам, и туфлям, и платьям, фигуре, причёске, лицу, ногтям. Разбуди ночью и запросто выдаст... Ну, пусть не сто штук, как Пушкин и Кюхельбекер, но пять десятков точно. Конечно, далеко не высшего уровня, но и это умение для большинства недоступно. Так что — твердая восьмерка. Марат собирался поднять это умение как минимум до девятки.

Для этого ему придется перечитать кучу поэтов, желательно с мировыми именами, признанных гениев в своей области.

Марат додумался до этого, валяясь на веранде с томиком Александра Блока. "Дева Света, донна Анна — тишина..." упоминание в одном четверостишии сразу двух женских имен, причем никто не запрещает эти имена менять. Очень перспективно... Тем более современное поколение Блока не читало почти поголовно, а те, кто смогут его поправить (если он, например, исправит Анна на Жанна, или Алла, или ещё как-нибудь) — то это же прекрасный повод для развития беседы.

Читали когда-нибудь у Блока "Незнакомку"? Нет? А зря...

Естественно, потребуется знание не только Блока, но и, несомненно, Пушкина, Лермонтова, Есенина, Гумилева, Жуковского. На каждое женское имя найдется свое чудесное стихотворение. Надо просто найти. И заодно более-менее знать биографии вышеупомянутых личностей, особенно если в их жизни были роковые женщины, а такого у поэтов — пруд пруди...

К сожалению, поднять уровень комплиментов на последний, десятый уровень —

Марату не получится. Способностей к стихосложению у него нет. А то, что получалось — лучше сжигать, сразу. И уж ни в коем случае не показывать никому. Достаточно с него дикого хохота сестер, когда он прочитал свой первый потуг на стихотворном поприще. Ленка тогда, утирая набежавшие от смеха слезы, попросила больше так не делать. Никогда. И даже не пытаться... Ну да он не против. За него уже написаны мегатонны прекрасных строк, надо их просто знать, желательно наизусть. Да и память потренируем заодно, пригодится...

Да уж, это надо быть совершенно и безумно талантливым, чтобы написать такое: "...как мимолётное виденье, как гений чистой красоты". Вот ведь шельмец, Александр Сергеевич. И «ходок» тоже был — будь здоров. Да и какая устоит?

Язык тела — семь баллов. Да, ему поставили походку. Он больше не горбился, и не шаркал ногами. Голова не опущена, и не задрана. Взгляд ровный, спокойный, уверенный. Мимика отработана, теперь на его лице спокойно можно читать, что он думает. Руки теперь не только грабли, или крюки для захвата, но и знают как себя вести в необходимых ситуациях. Даже потирает пальцы он сейчас не с видом голодного людоеда, а как утонченный аристократ. Так, что девушке невольно в голову приходит мысль почувствовать эти руки где-нибудь у себя..., на теле. Вихлять бедрами ему скорее всего не потребуется, но если понадобится — он может так пройти, что любой вертихвостке даст фору. При этом не развратно отталкивающе виляет задницей, а просто показывает, на что способно это самое тело.

Артистические способности — около шести. Вряд ли он сможет достоверно претвориться сыном миллиардера или Казановой, но это дело наживное. Претвориться полицейским, кстати, у него здорово выходит. "Гражданочка, лейтенант Нечаев, к вашим услугам. Назовите ваше имя и фамилию. Пройдёмте, тут недалеко"... Забавно, но полицейских девушки в основном недолюбливают. Любить могут, но вот использовать такую роль как повод для знакомства — успех маловероятен. Скорее скажут: хорошо что отстал, наконец-то.

Теперь: внешность. Сюда входит вся физическая привлекательность. Лицо, фигура, волосы, общее развитие тела.

Семерка.

Конечно, неуклюжими движениями, мимикой натурального дебила и грязной одеждой любую внешность можно испохабить, это не сложно. Но все равно есть люди, «десятки, девятки и восьмёрки» — которым даже это не помеха, все равно привлекают внимание. Но и для Марата сейчас внешность не имела вообще никакого значения — он не собирался привлекать, он собирался — завоёвывать. Есть нормальная внешность? С баллом выше среднего? Ну и ладно.

Ну и самая последняя, самая неприятная строка: сексуальная практика. Твердый и ровный ноль. Девственник, короче. Хорошо подготовленный, напичканный по самые уши теорией девственник. Замечательно. Прелестно, как бы сказала ворона из мультика...

Эй, Казанова! — позвала его Ленка, просунув голову в дверь. — Пошли, там для тебя новое задание есть.

Что ещё? — захлопнул дневник Марат.

Будем сегодня учиться передавать эмоции без мимики, — Ленка вошла в дверь вся. — Как в старых фильмах. Я видела. Например, показывают лицо человека крупным планом, а у

него отчаяние на лице. А через пять секунд ему кричат за кадром что все хорошо, и на лице радость. А мышцы лица вообще почти не шевелились. Высший пилотаж, вот что я тебе скажу, братец.

Ну, давай посмотрим на твой высший пилотаж, — пробурчал Марат, всем своим видом демонстрируя, что его оторвали от дела необычайнейшей важности.

Закончились эти занятия практическим флиртом совершенно неожиданно. В тот день Марата и Илью послали в Центр, за хлебом.

Парнишки шли, разговаривая о чем то своем. Совершенно никого не трогая и не задевая. Почти рядом с деревенским магазином (который по сути был простым ларьком) стояла коробка от военного автомобиля. В ней ютился пастух, дядя Гена, с собакой Альмой. Это временное жилище для пастухов стояло здесь всегда, сколько Марат себя помнил. Привезли его сюда в незапамятные времена, когда ферму ещё только построили. Хотя какая ферма? Два огромных загона, вытопанные в ноль, и будка, где коров доили, на пять-шесть дойных мест. Коров запускали из первого загона, выдаивали, и прогоняли во второй. Делалось это дважды в день. В одиннадцать дня, и в восемь вечера. И вот когда шла дневная дойка, (а это часа два или три) — у пастуха было время передохнуть, для чего ему и привезли временное пристанище, подальше от фермы, поближе к магазину.

Дядя Гена, как и многие пастухи до него — так и ночевал в этой будке. Целую неделю, пока не прибывал сменщик — дядя Валя. Геннадий любил выпить, желательно каждый день. И сегодня у него были гости — какой-то мужичок и тетка. Втроём они сидели на скамейке перед будкой, и о чем-то разговаривали пьяными голосами.

На улице стояла жара, больше никого не было. И ничего не предвещало несчастья. Но в какой-то момент дядя Гена отвлекся от беседы, увидел пареньков, и сказал одно слово:

Фас!

Что это было? Временное помутнение сознания на ровном месте? Объяснения тут бессильны, честно говоря... Альма, здоровенная овчарка черно-рыжей масти рванула к паренькам.

Марат побежал от нее. А Илья замешкался. Псина схватила его за ногу — и сразу же отпустила. Может Геннадий успел ей крикнуть "ко мне!" или "фу"? Марат этого не слышал. Они побежали обратно к себе домой, Илья с каждым шагом прихрамывал все больше и больше. Потом остановился, задрал штанину. На тощей мальчишечьей икре, параллельно, справа и слева — кровоточили две глубокие ровные вмятины. Марат взял брата под руку, и ни слова ни говоря они доковыляли до крыльца. Потом были охи, и вздохи, и крики-вопли, машина соседа, на которой Илью увезли в районный центр, в больницу. А потом привезли, с уколom и туго перевязанной ногой. А Марат все сидел и смотрел в одну точку.

Вот оно как, вот так вот бывает. Идешь ты, идешь, и вдруг у тебя три секунды на всё, и про всё. А ведь он... Любил. Да, по-настоящему любил своего младшего непутёвого, озорного, и одновременно серьезного братца. Худого, с тонкими чертами лица, всегда с непослушной копной на голове. Да, он всегда думал, что готов за любого из братьев-сестер отдать жизнь, не задумываясь. А вот как оно на самом деле... Глубокий, бессильный стыд затопил сознание. Сотни и сотни раз Марат проигрывал бег Альмы, и свое позорное бегство. Вот тебе и старший брат, вот тебе и любовь на всю жизнь!

Ну как же так?

Ну как же так? — всплеснула руками бабка. — Ну и какого черта вы собаку дразнили? "Это что ещё за ...."? — чуть не вырвалось у Марата.

Но, поборов себя, вслух сказал:

Бабуль, не делали мы ничего. Просто шли. Он взял, и натравил собаку.

Да мне уж все рассказали, — продолжала бабка. — Шли, орали, камень бросили, Гена едва успел среагировать.

И Марат все понял. Ну конечно, у Гены два взрослых свидетеля. Взрослые же не врут, ага, конечно, зачем им? И против троих взрослых — два пацана, которых прекрасно знают в деревне как мелких хулиганов. Ну да, а как же? Все вместе и в сады лазали за яблоками и сливами, и грубили, и много чего ещё. Никто не поверит, не вызовет полицию, да если и вызовет, все повторится. Марат чуть слышно скрипнул зубами.

Вы то хоть нам верите? — спросил он сестер гораздо позже, вечером, когда все страсти улеглись.

Верим конечно, — сказала Ленка, а Женька утвердительно помотала головой. Но Марат уже хорошо видел, он научился. Если говорить в процентах, то на пятьдесят один — девчонки верили. И на сорок девять — нет.

Ладно, — резюмировал Марат — Ладно...

В добавление ко стыду пришла злость. Но где-то он читал, что злость гораздо лучше отчаяния, и сейчас в полной мере убедился. Он достал дневник из сумки, открыл его. Напротив строки "способность защитника" у него стояла восьмерка. Да, именно на столько он оценил это свое качество. После многих лет тренировок, после сотен открытых ковров и соревнований в борьбе, после стольких побед, и даже титулов — он осознал что не способен защитить брата, любимого человека — ни от собаки, ни от лжи. Минимальный авторитет деревенского пастуха-забуддыги и строка закона оказались гораздо сильнее его способностей. Как сказал бы Федор Михайлович (Достоевского Марат тоже читал, заинтересованный отношениями Раскольникова и Мармеладовой) — «тварь он дрожащая и права не имеет». Экзамен провален. Пока — провален. Впереди пересдача. Он твердой рукой зачеркнул "восьмёрку"...

Прадед Марата, умерший лет пять назад, был фронтовиком. Великую Войну он встретил в охране аэродрома под Минском. Потом было отступление. Так как дед к тому времени был комсомольцем, его и записали в особый комсомольский штурмовой отряд. Он стал штурмовиком. Прадед о войне рассказывал мало. Вспоминал обычно, как их гоняли — днём и ночью, по болотам и холмам, по лесам и полям — и чтобы ничего не звякнуло, чтобы ни одного шороха. Кто-то запнулся, упал со стуком — и по новой, на исходную позицию. Это ближе к Берлину штурмовые бригады шли во весь рост. За пятидесятитонными непробиваемыми танками, закованные в сталь панцирей как гоплиты, рыком выбивая остатки мужества из противника. А тогда, в сорок втором и третьем — они без всяких танков, ночью, целой бригадой, абсолютно бесшумно добежали до окопов противника и вырезали там всех, без единого выстрела. Михаил Александрович (так звали прадеда) —

усвоил штурмовую тактику накрепко. Ничего не боялся. Однажды применил свои умения в мирной жизни — и совершенно естественно угодил в тюрьму. Где быстро получил авторитет, и огромного орла во всю грудь.

Прадеда боялись. Все вокруг. Кроме Марата. Потому как Марат, сколько себя помнил, всегда был рядом со старым штурмовиком. Они вместе сидели дома, когда Марат болел. Прадед отводил и забирал из детского сада. Летом они ехали в деревню, в эту самую. И снова были вместе — в лесу, в огороде, у верстака в сарае.

В деревне прадеда всегда звали "на убой". Тогда, десять лет назад, многие держали поросят, баранов, кур, кроликов. И многие просили помочь именно прадеда, особенно если зверюга была огромной.

Михаил Александрович заходил в темноту загона, садился на табуретку. Ставил на пол тазик с варевом. Когда подходил огромный хряк, прадед трепал его за уши, гладил. Потом доставал из кармана свой нож, специальный, который он звал — "Белка". Сделан этот нож был из тонкого трехгранного напильника. Лезвие мягко уходило под лопатку, и огромное животное умирало, тихо и совершенно беззвучно.

Дядя Миша почти всегда брал правнука с собой.

Смотри где у него сердце, достать надо до него, — говорил спокойно прадед. — Спереди туда не доберешься, чуть не так — ушло по ребру. Или не под тем углом. Горло тоже нельзя — очень шумно воздух уходит. Булькает. А вот так если делать, то человек напрягается. Думает — пересилю. Только челюсти крепче сжимает.

Да, так и сказал — человек. Именно после этой фразы Марат вдруг осознал, рядом с кем он находится, и кто все эти годы его оберегал. И почему у старого напильника есть имя.

И вот уж прадед «тварью дрожащей» точно не был. Был бы жив Михаил Александрович, и ситуация сложилась бы совершенно по иному. В деревне появилась опасность. Сумасшедший с ружьем. Или агрессивный пьяница-пастух с собакой. Значения не имело. Собака могла схватить Илью не за ногу, а за горло. Она была опасна. Как опасно ружье в руках психопата. Старый штурмовик выслушал бы всех, посидел бы немного в тишине, вышел на улицу, и стал бы на земле и законом, и судом, и наказанием.

Марат никогда не боялся прадеда, даже когда тот напивался, порой очень сильно. Не пугался, а даже наоборот — его любовь к прадеду становилась ещё больше.

А потом — инсульт. Прадед сопротивлялся долго, несколько месяцев. Лежал в кровати с перекошенным лицом, почти ничего не соображая, обрастая щетиной и пролежнями. Видимо, там, далеко наверху, долго совещались — куда определить этого страшного человека, и стоит ли его вообще забирать. Только за час до смерти он очнулся, лицо его вдруг выровнялось, и, по словам бабки, он сказал следующее:

Слышь, Фаина, не в тягость. Сходи на улицу, найди девку, да такую... красавицу... Объясни, она не откажет. Хочу последний раз за женскую сиську подержаться.

Прабабка от такого громко вскричала, и обрушила на голову прадеда ураган ругательств. Которые он спокойно выдержал, и произнес последние слова:

Ладно, не пыли, карга старая. Уж и попросить нельзя...

После чего закрыл глаза, но уже насовсем. По воспоминаниям прабабки (умершей следом, в тот же год) — Михаил Александрович ходок тоже был ещё тот, под стать Пушкину.

Он всегда говорил Марату:

Главное в нашем деле это спокойствие, тренировка и подготовка. Если ты спокоен, хорошо тренирован и заранее подготовился... Если знаешь, что и как должно быть сделано

— любая задача тебе по плечу.

У прадеда было много умений. Он действительно умел ходить по лесу совершенно бесшумно (это в кирзовых то сапогах!). Но мало того, он и в открытом поле мог пропасть из виду. Вот только что его фигура маячила впереди, в двадцати шагах. И вот — он пропал. Хоть глаза протирай. И снова появился. Марат только после длительных наблюдений заметил, что прадед клонился к земле только тогда, когда налетал порыв ветра. Упругий воздух нагнёт траву — и прадед следом, как будто и его давлением пригнуло. И вот в такие моменты он и пропадал, сливался с реальностью.

Страх — это незнание, — говорил Михаил Александрович. — Вот в кустах что-то шевелится, и тебе страшно. Увидел кошку, получил знание — и куда только страх девался. Теперь дело за решительностью...

И Марат решился.

Он продумал — что надо взять. Нашел старый толстый дедовский брезентовый костюм — рабочую куртку и штаны. Которые, как ни странно, пришлись ему почти впору.

Взял «Белку». В рюкзак положил несколько камней, ножовку по дереву, обычный нож. Спрятал всю экипировку в подвале. Несколько раз прошел по маршруту, выбрал место. Вся подготовка заняла у него около десяти дней. Ведь Геннадий на следующий же день исчез из деревни, его недельная смена подошла к концу. Что, если честно, было только на руку Марату. И разговоры утихнут, и времени на подготовку навалом.

Далеко за полночь, когда мертвенная тишина легла плотным одеялом на деревню, а луна уже клонилась к закату — он выскользнул из дома.

Все готово. Шансы небольшие, но есть. Один шанс из четырех — что собака его убьет. Еще один шанс — что он сможет убить собаку. Есть шанс, что он ее ранит, и она просто убежит. Есть и тот шанс, что бежать, с криками, — придется ему. Но последний вариант лучше бы отбросить, и даже не думать...

Марат глубоко вздохнул и сказал, ровно и спокойно:

Иди сюда, тварь...

Он знал, что Альма его услышит. И её страх пропадет. Она поймет, кто перед ней, что боятся нечего, и лай поднимать тоже. Ведь собаки лают, когда пытаются напугать свой страх, а когда его нет — зачем лаять?

Собака исчезла, зато появилась огромная тень, которая невероятно быстро приближалась к мальчишке. Марат, пригнувшись и выставив обмотанную брезентом руку — попятился назад. Не быстро. Ещё не хватало упасть, запнувшись об кочку. От вида приближающегося бесшумного зверя он сам чуть не заорал от ужаса, но взял себя в руки. Отступать некуда. Пора бороться.

Собака чуть притормозила, она не хотела нападать. Перед ней был человек, а на людей не нападают просто так.

На, жри! — сказал вдруг этот человек. И Альма с готовностью ухватила его за руку.

Марат почувствовал, как собачьи клыки почти прокусили куртку, и тихо свистнул. Так начинались все его схватки, вот уже много лет — по судейскому свистку. И тотчас же что-то поменялось. Грудь человека, который противостоял в темноте ночи собаке — стала работать как кузнечные меха — равномерно и мощно. Движения стали резкими и быстрыми. Марат ничего не слышал, тело боролось само по себе, а он словно возвышался над схваткой. Вот собака рванула назад. Человек поддался, но как-то вбок, сбивая напор собаки, не давая ей

крепко упираться задними лапами, и совершить второй, куда более сильный рывок. Потом человек мотнул рукой сам, попытался ее притянуть к животу, собака глухо зарычала, снова рванулась, не разжимая челюстей. Они словно играли — в тишине и темноте, медленно приближаясь к кустам, где их уже никто не мог видеть. Марат старался действовать только левой рукой. Ноги и правая рука совершали только куцые, короткие движения. Ещё не хватало, чтобы зверюга выпустила обмотанную руку и вцепилась в незащитную ногу.

Прошла минута.

Альма, по собачьим меркам, уже была стара. Ей недавно стукнуло восемь лет, и жизнь на открытом воздухе здорово потрепала ее. Но она была все еще полна сил, и мало чего боялась.

Но сейчас этой старой и опытной собаке стало страшно.

Марат старался как можно глубже засунуть обмотанную брезентом руку в пасть. Одновременно подвигая свое тело ближе и ближе, почти касаясь грудью ее плоской башки. Правая рука нырнула назад, вытаскивая Белку из захвата ремня.

Спокойно, спокойно, — сказал мальчишка. — Успокойся.

Их глаза были буквально в двадцати сантиметрах друг от друга, и в собачьих отражалась луна. Лезвие вошло беззвучно, мягко, прямо под лопатку. Марат едва не вскрикнул, когда челюсти чуть не перекусили ему руку. А потом захват ослаб.

Альма разжала зубы, попыталась вздохнуть — и осела, а потом повалилась набок, прижимая лапы к телу, как мертвый кузнечик. Марат вышел из боевого транса. Тяжело дыша, он некоторое время смотрел на поверженного зверя. На ум ему пришли многочисленные новости, в которых сообщалось, что кто-то зверски разделался с кем-то, нанеся много десятков ударов ножом. Но теперь Марат знал, что это было никакое не зверство, а банальное неумение. Для «человека умеющего» достаточно одного удара. Эти «сто пятьдесят ударов ножом» — смесь страха, паники и отсутствие какого-либо опыта.

Отдышавшись, он достал из сумки перчатки, и другой нож. Совершенно обычный, с острым нержавеющей лезвием. Как прадед — воткнул его собаке чуть ниже уха и рваными движениями вскрыл горло. От уха до уха. Он это видел десятки раз, поэтому никаких трудностей не возникло. Потом достал пилу, по дереву, но с мелкими зубьями. Пришлось потрудиться, но скоро голова Альмы лежала на земле, отдельно от тела. Озираясь, Марат завернул голову в старую драную рубашку (которую, кстати, нашел в заброшенном доме на другом конце деревни), и, ступая совершенно бесшумно — дошел до сторожки. Положил свой трофей на скамеечку перед входом, и накрыл так, чтобы тряпку можно было легко сдернуть.

Наверняка пастух Геннадий ни читал, и даже не смотрел «Крестного отца». Интересно будет посмотреть на его реакцию. Но это лишнее. И вообще по личному опыту Марат знал, что возвращаться утром, посмотреть на то, как пострадал выломанный ночью забор, который они практически снесли, чтобы добраться до яблонь и слив — это стопроцентное «палево» и огромный «косяк».

Что он чувствовал? Огромное, невыразимое облегчение. Их битва была равной. Челюсти собаки — это оружие страшней лезвия «Белки». Весом они были равны. По скорости и реакции Альма намного его превосходила. И все-таки он победил. Все честно, без обмана, без уловок и поддавок. Глаза в глаза. Полное сумасшествие.

Марат умылся из ручья, стянул с себя одежду и прополоскал в проточной воде. Натянул мокрую прямо на тело, не чувствуя холода. Как бы не заболеть. Сейчас, когда адреналин в

крови плещет литрами — все воспринимается необычно.

Перчатки собрал в комок, положил в них камень и закинул на середину пруда. Отмыл очень тщательно Белку и пилу. Один раз, второй, а потом и третий.

Вот теперь всё правильно, — сказал Марат, и поспешил домой.

Первое сентября

Сентябрь начинался замечательно. Было так тепло, как и летом не всегда бывало. Деревья стояли совершенно зеленые.

Первое сентября прошло как обычно. Линейка. Речь директора, завуча. Поздравления от старших. Стихи от второклассников для первоклассников. Три урока.

Войдя в кабинет самым последним, Марат оглядел одноклассников, в первую очередь противоположного пола. Как изменились пацаны — он оценил еще на улице.

А вот девчонки еще больше вытянулись. И заметно покруглели, особенно в районе бедер и груди. Выглядели они великолепно. Вообще Марат считал, что из всех четырех классов в его параллели — именно девчонки его класса были самые красивые.

Сел как обычно, на вторую парту первого ряда. Все своим чередом, словно и не уходило никуда. На задних партах слышатся раскаты хохота от парней. Девушки разбились на кучки по интересам, беззаботно щебечут.

Звонок что, только для меня прозвенел? — строго спросила их классная руководительница, Вера Борисовна, учительница математики, английского, и танцев в кружке по вечерам.

Все разбрелись по местам. Марат поймал взгляд Натальи Шишкиной, которая тоже сидела на второй парте, только в центральном ряду, справа от юноши.

Прекрасно. Надо улыбнуться. Он осторожно, не отпуская этого взгляда, растянул губы в спокойную улыбку, а потом едва заметно подмигнул. Наталья улыбнулась в ответ, тоже очень дружелюбно. А потом произошло следующее.

Марат, не прекращая улыбаться, очень быстро провел самым кончиком языка по верхней губе. Одновременно он взял в руки ручку в правую руку, и медленно провел пальцами левой по гладкой пластиковой поверхности. Завершалось это маленькое, хорошо отрепетированное представление легким и быстрым воздушным поцелуем.

Наташины брови взметнулись вверх. Лицо залило румянцем. Ее соседка по парте, Анна Травина — смотрела на все это широко раскрытыми глазами.

Марат покачал головой, мягко усмехнулся — и отвернулся, как будто потерял интерес. Но через двадцать секунд, четко отсчитав в голове — он снова посмотрел на соседок, и снова встретился с ними — глаза в глаза. Наталья, явно смущенная, быстро отвела взгляд.

Все это далось неожиданно легко и без всякого внутреннего трепета. Марат больше не боялся. Его вообще мало что пугало сейчас в этом мире. Напротив строки «Храбрость» в его дневнике стояла выведенная твердой рукой десятка. «Способность защитника» удостоилась жалкой четверочки, но это поправимо.

После той ночи разве что-то могло его напугать? Особенно если это просто девичий смех. А взгляд... он теперь мог выдержать и не такое.

Как ваше ничего? — спросил он Наталью на перемене. — Здесь отдыхали? Или где-нибудь на югах жарили прекрасное тельце?

Так и сказал: жарили. Именно «прекрасное тельце». Размеренным, спокойным и дружелюбным голосом, четко проговаривая каждое слово, без всякого ехидства.

Хотя, честно говоря, тельце было... так себе. Наташка красива, бесспорно. Длиннющая

коса куда ниже пояса, утонченные черты лица. Но вот спина подкачала: похожа на параллелепипед, почти лишенная талии, и это при девичьей худобе. Среди двадцати девушек в классе Наташа явно была не в фаворитках, и даже не в первой десятке. Ну да ничего, путь к олимпийскому золоту тоже начинается не с битв с олимпийскими чемпионами.

Наташа, потупив глаза, и явно заливаясь краской, поведала, что «в основном здесь, никуда не ездили, скукота страшная, даже позагорать не с кем».

Как это не с кем? — вмешалась вдруг Травина. — А я?

По лицу Натальи пробежала едва заметная тень досады.

Ну да, только с тобой...

«...с дурой» — добавил про себя Марат, явно прочитав это на девичьем личике.

Они мило поболтали еще пару минут, а потом Наташа, явно что-то затевая, пересела на парту за Маратом. За ней потянулась и Аня. Он не придал этому значения. И, как оказалось, зря...

Он почувствовал первый тычок, как только начался следующий первосентябрьский урок. Наташка, тварь, ткнула его ручкой в спину. Он не отреагировал. Затем последовал второй тычок, еще более болезненный. А потом и третий. Четвертый. Марат завел руку за спину и показал мучительницам «фак». Сзади послышалось мерзкое хихиканье.

«Да чтоб вас черт побрал, коровы безмозглые».

Марат спокойно встал и под удивленным взглядом Веры Борисовны пересел на другое место. Глянул на девчонок, вкладывая во взгляд холод, досаду и презрение. Лица обеих вытянулись. На них читалось явное недоумение и растерянность.

«Ладно, по дороге из школы разберусь», — подумал Марат и, приняв решение, полностью потерял интерес к чересчур чувствительным и озабоченным особам.

На перемене Марата уже ждали. Мурый и Граф.

Эй, Зуболом!

Такое прозвище прикрепило к Марату из-за того, что во время отборочных схваток он умудрился выбить по одному зубу аж у двух конкурентов. За один день. Конечно, не специально. Он же не боксер какой-нибудь. Так получилось. Но прозвище приклеилось. Хотя называли его так крайне нечасто. В основном — как раз эта парочка и называла. Для остальных он так и был — Марат.

Маратка, в субботу идем со спартаковцами бодаться. В шесть сбор на нашем стадионе. В семь выдвигаемся, в восемь встречаемся на общей точке в парке. Все ясно?

Без проблем... Что-то рановато в этом году? Нет?

У тебя кто на примете есть? Из своего класса, или из младших? — лениво спросил Граф, не обращая внимания на слова Марата. — У нас из-за старших классов почти десять человек нехватка...

Есть парочка, — сказал Марат.

Соедини их с Мурым или Комбатом. И вообще привыкай к Комбату, ему на следующий год, как я свалю из этой шараги — должность Графа принимать. Понял?

Понял, — согласился Марат. Помолчал и спросил:

Это все?

Все, — ответил Граф. — Иди гуляй, отличник.

Марат поморщился. «Зуболом» — еще куда ни шло. А вот прослыть отличником у шпаны — это не очень хорошо. Мурый и Граф как раз и были — самой настоящей шпаной. Первый — начинающий, а Граф — практически на вершине иерархии.

Так получилось, что их город был разделен фактически крест-накрест, на четыре района. И административно, и территориально. Районы по площади были почти одинаковы — и по населению, и по количеству учебных заведений. Что еще наложилось на это безобразие — факт наличия в городе четырех спортивных школ. Которые, опять таки, чуть ли не идеально лежали в центрах этих самих районов.

Стадион «Спартак». Детско-юношеская спортивная школа «Труд». Спортивный клуб «Динамо». Спортивный комплекс «Рабочий металлист».

Это были древние, монументальные сооружения развитого социализма, с залами для волейбола-баскетбола, бокса, борьбы, гимнастическим залом, тиром и лыжной базой в подвале, с многочисленными раздевалками и подсобными помещениями. Работали они постоянно, с утра до ночи, и всегда были забиты детьми и даже взрослыми под завязку.

Различия были, но небольшие. На Спартаке, например, был пятидесятиметровый длиннющий бассейн. На Труде кроме обычного бегового круга и футбольной площадки — крытый Ледяной дворец для хоккеистов. У динамовцев была своя футбольная база, и вообще аж три футбольных поля (одно в помещении). У металлистов, в свою очередь, зал борьбы был длинный, с двумя коврами и разминочной зоной, для проведения соревнований высокого уровня.

А вот когда сложилась традиция меряться силами между школами? ...Одному богу известно. Но традиция это была старая, не год, и не два. И даже не один десяток лет.

Начиналось все осенью. Каждый район сходил с каждым, по очереди. Зимой был перерыв — примерно с середины декабря до середины февраля. И уж с масленичной недели опять, по новой. Каждый опять бодается с каждым, но в обратном порядке. То есть в субботу «Металлисты» (к которым и относился Марат) — встретятся со «Спартаковцами», а следующая их встреча состоится уже через полгода, в мае месяце. Летом, как и везде — каникулы.

После уроков Марат вышел из школы одним из первых, быстро нашел нужных особей женского пола, и поспешил к ним.

Наталья Николаевна, разрешите предложить вам помощь, — с теплой улыбкой сказал Марат. — Донести ваш нелегкий груз знаний до подъезда. Вы наверно сильно утомились, просидев около ста тридцати пяти минут за партой.

Конечно, сударь, — улыбнулись и Наташка, и Анька.

Марат взял тощий пакет с тетрадками, переложил к своему пакету.

Руку? — оттопырил он свой локоть.

Шишкина тотчас уцепилась за него. Травина приклеилась к Наталье, и они так и пошли. Мальчик сбоку и две девочки у него на руке, последовательно-параллельно так сказать.

Честно сказать, сударыня, мне было неприятно, и довольно больно, когда вы меня тыкали письменными принадлежностями в спину, — начал Марат. Наталья попыталась что-то сказать в ответ, но он прервал ее взмахом руки.

Но я не обиделся, потому что сами понимаете, на обидчивых воду возят. Во-вторых я не стеклянный, не рассыплюсь, ну а в-третьих мне нравится с вами дружить. И надеюсь, наша дружба продлится и дальше...

Она так больше не будет, — протяжно отозвалась Травина сбоку. — Да ведь, Наташ?

Посмотрим, — загадочно улыбнулась подруга.

Как вам кстати Алексей Орлов? — спросил Марат про их общего одноклассника. — Как он возмужал за это время, я даже был удивлен.

Да выпендрожник он, и задавала, — опять вмешалась Анна. — Напялил перламутровый пиджак, умора... Можно мне с вами пройтись?

Дело в том, что они уже достигли дома и подъезда, в котором жила Анна. Дом стоял впрытык к школе, а подъезд был первым, то есть фактически упирался в школьные ворота.

Конечно, день прекрасен как никогда, — взял на себя право принимать решения Марат. Одновременно он всматривался в лицо Наташи, и конечно же уловил едва заметную тень недовольства.

«Есть контакт, — подумал Марат. — Даже два контакта», — перевел он взгляд на воодушевленную его согласием Травину.

Обсуждая одноклассников, они добрались и до девятиэтажки, где жила Наталья. Тепло попрощавшись с напоминанием сохранять исключительно дружески взаимоотношения без всяких ударов в спину — Наталья убежала. А вот Травина без всякого приглашения уцепилась за юношу как клещ, обеими руками. Марату на мгновение показалось, что если бы было можно — она б и ногами его обхватила.

Они пошли назад, и вот теперь Марат, поддерживая все тот же светский разговор, мучительно соображал. Довести до подъезда и оставить? А может лучше до квартиры? И что дальше? Сказать «пока», и остаться, как дурак, на лестничной площадке? Может —

поцеловать? Прямо в губы. С засосом и языком. Да... но вот только проблема в том, что он не целовался ни разу, и понятия не имеет, что будет потом... Может, его язык напомнит ей слизня, и она с диким криком отпрянет? Как девушки вообще это воспринимают, когда им языком лезут в рот? Нет, глубокий поцелуй точно отпадает.

Вот дерьмо!

Да он с девушкой никогда не целовался по-настоящему! А строит из себя Казанову высшего разряда.

Ладно, поступим так...

Дружеский поцелуй, — сказал он, когда они оказались уже у Аниной квартиры. Голос его звучал твердо, без всякого намека на вопрос. Констатация факта. Он довел девушку до дверей ее жилища, и ему просто полагается дружеский поцелуй. Ну не руки же им жать, как мужикам, в конце концов. И он бестрепетно подставил щеку.

Если не поцелует — значит и ловить тут особо нечего. Он уже сделал столько комплиментов и намеков, что Аня просто обязана сделать ответный шаг. Даже не шаг, а еще только жест.

Марат почувствовал, как влажные теплые губы коснулись его щеки, робко и несмело. Внутри него все кипело, но он сделал над собой усилие, и не ухмыльнулся, даже не улыбнулся, а участливо посмотрел на нее:

Мне было очень приятно, — он выделил слово «очень». — Буду рад проводить вас домой еще раз.

Хорошо, — пискнула Аня.

Марат повернулся, сделал шаг, и нажал кнопку лифта. Прежде чем исчезнуть в раскрывшемся проеме, он послал еще один воздушный поцелуй.

Знай наших...

Итак, пора подвести промежуточный итог. Марат чувствовал себя совершенно другим человеком. Совсем не таким, как раньше. Благодаря тренировкам он знает что говорить, и самое главное — как говорить. При этом он столько раз разговаривал на очень щекотливые темы со своими сестрами, делал им комплименты, строил глазки и просто улыбался — что просто привык к этому. Никакого внутреннего трепета, скованности и страха не было и в помине. Все это прекрасно работало — и улыбка, и жесты, и слова. Первый день — а он уже провожает девушек домой. Даже не девушку, а девушек. Двух! Одну, а затем вторую. И срывает при этом бонус — поцелуй. Да такого не было с ним за все годы учебы, он только представлял это в голове, но никогда бы не решился. А если бы и решился — то был твердо уверен что его ожидает полный провал и фиаско. А теперь... Спокойствие, тренировка и подготовка. Вот и все!

И снова — учиться, учиться и еще раз учиться. Во-первых, выучить наизусть все те стихотворения, что он подобрал. Научиться находить момент, чтобы эти строки вставить. И не скороговоркой. А чтобы это звучало, по настоящему, с чувством, с толком, с расстановкой. Где тут у нас диктофон на телефоне? Вот он и станет на ближайшие часы, а может и дни — нашим следующим средством обучения.

В субботу их здорово побили.

Все начиналось как обычно. Марат пришел из школы, пробежался по интернету, поел, размялся, принял душ, чуть-чуть почитал. Оделся и пошел к Мурому, то есть к другу,

Алексею. Фамилия у него была Мурашкин, но прозвище Мурашка к нему точно не подходило, а вот Мурый — самое то. Вдвоем они двинулись на школьный двор, где их встретил десяток парней под руководством Комбата.

Чего то нас маловато, — заметил Мурый.

Четверо из одиннадцатого не придут, и сразу пятеро из девярых тоже отвалились, — ответил Комбат.

А чего так, зассали?

Прошлогодников, балда, — возразил Комбат. — Четверо поступили учиться в других городах. А пятеро из девярых уже работают, рабочих тягать нельзя, закон такой.

Мурый согласно кивнул.

В этом году что-то рано начали, — вмешался в разговор старшекласник по прозвищу Крюк. — Обычно же в середине сентября. Мы бы людей успели поднабрать, и проверить. А приходится с кем есть отдуваться. Эй, салаги, шлепайте сюда! — это он уже обратился к двум восьмиклассникам, которые стояли поодаль от всех. Те подошли.

Меня зовут Крюк, это, — он указал на Комбата. — Комбат. Это Мурый, а это наш зачинщик, Маратка-Зуболом. Вы кто?

Алексей, восьмой Бэ, — отозвался с готовностью один.

Твои фио, — прервал его Мурый. — Только полицаев интересуют. По нормальному скажи, погоняло какое заслужил, и кто ты по рангу и специальности.

Батон я, — тотчас исправился пацан. — Бокс, три года, дальше областных не прошел.

А ты кто?

Бизон, борьба, потом бокс, так то бокс лучше, тоже на областных выступал.

Бизон да Батон, и дерьма полон вагон, — сострил Крюк и бесцеремонно стал ощупывать мальчишек. Через пять секунд лицо его удивлённо вытянулось.

Это чего за ... у тебя в рукаве? — обратился он к Бизону. Тот вытянул из рукава куртки арматуру, короткую, но толстую.

Комбат шагнул, и вырвал железный прут из рук паренька:

Если бы эту ... у тебя на поле нашли, — сказал он злобно. — Тебе бы ею башку твою тупую проббили, и сказали бы — так и было. А я бы подтвердил. Мурый, ты чего, не объяснил что ли им ничего?

Да все я им говорил, — насупился тот. — Передрейфил он наверно...

Дрейфовальщик хренов, — проскрипел Комбат. — Ещё одна выходка такая, — это он уже говорил Бизону. — И я тебе руки переломаю, понял? Всосал, как молоко матери?

Понял, ошибочка вышла, — попытался оправдаться Бизон, но его уже не слушали.

Поднялись, бойцы, — громко крикнул Комбат. — Шевелим лапами и костылями. На гражданских не отвлекаемся, дойти должны все. Раньше времени кто начнет залупаться, хоть на кого — можете в школу больше не ходить, задушу тварину, собственноручно.

Идти пришлось долго, почти четыре километра. В конце концов они достигли точки — это был футбольный стадион одной из школ. Там, сейчас уже почти в полумраке, «рубилась» две футбольные команды.

Ряды «болельщиков» постоянно пополнялись.

Марат глянул на ряды «Спартаковцев», и поморщился. Их было явно больше, чем

«Металлистов». Не критически, но явно больше...

Не робей, пацанва, — подошел к ним Гена Беседа.

Гена был — «крейсер» металлистов. То есть — один из самых уважаемых спортсменов в их районе. Судья в большинстве схваток. Серьезный человек.

А в спорте Геннадий Сергеевич Беседа был боксер, мастер спорта. Невысокий, но очень плотный. И руки — длинные, как у баскетболиста. Всегда улыбчивый, в карих, почти черных глазах пляшут бесенята. Даже когда вытаскивал кого с поля — и тогда улыбался. Отец двоих крепышей-сыновей, которых пока возил в коляске. И жена у него красавица, Марат видел, и даже слегка завидовал. Невероятной красоты женщина...

Зуболом, иди сюда, — позвал Гена Марата. — И Граф твой тоже...

Они прошли за ворота, там собрались почти все «графы» из разных школ. Ребята разминались, шутя спаринговались, с тревогой поглядывая на массу «спартаковцев» за противоположными воротами.

Зуболом, слушай, тут такая штука, — начал Гена Беседа. — Тут против тебя монстра выставили. Жуткий парень. Давай, ты откажешься? Заболел там? Правилами допускается... Сяву выставим, вместо тебя. Ну, что?

Марат несколько секунд молчал.

Какого Сяву? — сказал он громко и недовольно. — Это того Сявку, которого я ломал на Горке? Два раза, между прочим. Нашли, кого выставлять. Мясa много — толку чуть...

А ты не выпендривайся, — строго сказал Гена. — Ты лучше посмотри. Я потом твою голову на поле искать не хочу.

Марат посмотрел туда, куда указывала рука крейсера.

Ох ты... жопа! Другого слова и не подобрать.

Горилла, натуральная. Низкий лоб. Лысый. Плечи — как два валуна. И вес, наверно, под сто десять...

Боксер? — уже куда тише спросил Марат. — Ему точно пятнадцать?

Точно, — подтвердил Беседа. — Мы проверяли. И уже мастер. Бокс. Призер Европы, среди юниоров. Специально на тебя его привезли.

Что-то как то много чести, — пробормотал уже под нос Марат. И добавил:

Беседа, ты не дрейфь, если я его не уложу, то остальным и подавно такое не по силам.

Графы, которые окружили зачинщика и крейсера полукругом — рассмеялись. Вот только смех вышел напряженным.

Слушай! — вдруг перешел чуть ли не на шепот Беседа. — Иди сюда.

Крейсер схватил юношу обеими руками за голову. Черные глаза встретились с зелеными.

Слушай меня, парень, — горячо шептал Гена. — Забудь про себя. Сегодня ты не для себя сражаешься. Ты ради нас выходишь. Ради своей школы, ради своей секции. Ради тренеров, за честь всего района, понял?

Да понял я, понял..., - разозлился Марат.

И, никого не слушая, не оглядываясь — двинулся к центру поля. Футбольный матч тотчас же прекратился, футболисты бросились каждые в свою сторону, к своим.

Маратка, тварь, задущу... - донесся сзади выкрик Беседы.

Эй, спартачата! — выкрикнул в свою очередь Марат. — Мясо мне приготовили?

Толпа спартаковцев засвистела и заулюкала.

Конец тебе, тощий недомерок! — кричали оттуда. — Ляжешь сегодня! Своими зубами подавишься! Спартак — чемпион!

Марат стоял под градом насмешек, спиной чувствуя, как нарастает недовольный гул «металлистов». Секунд двадцать ждал, пока шквал оскорблений от спартаковцев утихнет...

А потом он раскинул руки, чувствуя себя гладиатором.

Я — железо! — выкрикнул он громко, звонко.

Ты — железо! — услышал сзади рев десятков глоток.

Мы! Железо! — все вместе...

Кто сильнее? — опять крикнул Марат, почти в полной тишине. Их кричалка завораживала всех.

Мы! Сильней!

Марат, не оборачиваясь, чувствовал, как дрогнула земля, как пришли в движения тела, как формируются стройные железные шеренги.

Кто сильнее?! — орал он уже во все горло, вместе со всеми.

Мы — сильнее! Мы — сильнее!!

Горилла медленно приближалась к Марату. Парень явно не знал как себя вести. Всё для него здесь в новинку.

Марат видел его впервые, и мог поручиться, что раньше этого монстра в городе не было. Чемпион среди юниоров... Ну надо же...

Страха не было. Совсем.

Когда гориллоид оказался в десяти шагах от Марата, тот пришел в движение. Скорость была просто потрясающей. Кому-то непосвященному могло показаться, что сейчас Зуболом прыгнет, и попробует ударить ногой в полете. Чемпион Европы даже слегка усмехнулся.

А потом мелкий прыщ пропал из виду. Только слева, далеко — покотился колобок. Парень изумленно развернулся... и только потом понял, что это не он развернулся — а его, развернуло... Марат, прокатившись за спину противника, уцепился за правую руку боксера. Тот рванул на себя, и тотчас чуть не потерял равновесие... почти шлепнулся... и сразу резкая боль в плече чуть не заставила его заорать...

Мелкий хорек вывернул толстую кисть, пробежал пальцами по предплечью, заломил руку почти к затылку. С хрипом, выпучив глаза — чемпион постарался вырваться — ...и вырвался. Вот только рука уже висела бесчувственной плетью, а сам он стоял на земле, опираясь в нее левой рукой. На шее, и под мышкой, в сложном захвате — лежали-протиснулись тонкие руки.

Чемпион попытался вскочить, но вместо этого его голова пошла по странной траектории, по изогнутой восьмерке — и впечаталась лбом, прямо в каменистую, утоптанную землю. И еще раз. И еще. Чудовищным усилием боксер вырвался, разорвал захват. В глазах пыль и кровавые круги, зубы вроде целы... И кто-то тотчас же ухватил его за ногу, за самую лодыжку, и теперь он полетел на землю плашмя, а многострадальную правую руку снова заломили стальные манипуляторы, но не к затылку, а уже чуть не к макушке...

Сволочь, руку оторвешь, пусти, гад! — в бессильной ярости закричал парень. — Твааарррь!

Боль была просто ужасной. Эта мелкая тварь сверху реально хотела оторвать ему руку!

Наших бьют! — заорало со всех сторон. — Наших!! Бьют!!!

Задрожала земля. Марат, как заяц, оставив стонущего лежащего чемпиона — рванул на дальний фланг, к своим.

Сошлись.

Несколько секунд продолжалось как будто равное противостояние, а потом «металлисты» дрогнули, и начали откатываться к своим воротам. Засвистели зрители.

Ломи! Держи! Мы — мясо! Мы — сильней...

Драка шла уже у ворот, там намертво встали графы, самые могучие бойцы, специально отобранные из всех школ... последний заслон. Но их продавили, и вот — звук судейского колокола, привязанного к перекладине футбольных ворот... Спартаковцы пробились к колоколу, и заставили его прозвенеть...

Драка прекратилась, как по взмаху волшебной палочки. Все встали, как вкопанные. Ударить кого после колокола — вечный позор и пожизненная дисквалификация.

ТЬфу ты! — в сердцах сплюнул Комбат. Кто-то из спартаковцев весело заорал. Кто-то протянул руку для рукопожатия. Машинально Комбат пожал протянутую пятерню бывшего соперника.

— Запинали, как щенят...

Что, продули, слизняки? — раздавался над толпой зычный голос Беседы.

Спартаковцы бурно поздравляли друг друга.

Где там наш мелкий говнюк? Зуболом который! Тащи его сюда! — снова подал голос

Гена.

Марата подхватили под мышки, поволокли на голос крейсера.

Ухо у юноши распухло — поймал удар слева. Из губы сочилась кровь. Ребра тоже слегка побаливали, угодил под чью-то ногу. Но в целом — ничего, могло быть и хуже.

Ну, ты даешь, мелкий! — захохотал Беседа, как только Марата поставили перед ним. — Стране железо! Как сам то, ничего? Чистая победа, брат. Это тебе не хухры-мухры! Пиво пьешь?

Гена Беседа, не смотря на проигрыш, явно был в отличном настроении.

Нет, — как можно грубей ответил Марат.

Молодец, — похвалил Крейсер. — От пива пузо растет. Смачно, мелкий, смачно. Иди, подружись с чемпионом, а то он наверно в шоке. Объясни там, что к чему, парень то весь поник, как тряпка... Объясни, что ты тоже в шестерке лучших юниоров по стране, только типа... ну, придумай там что-нибудь...

В кармане у Гены зазвонил телефон.

Да, все нормально. Проиграли. В целом. Нет, конечно. Да нет же, Зуболом выиграл Вчистую. Да... чего там сомневаться... чистая победа... Запись есть, конечно, со всех ракурсов...

Марат в сопровождении Комбата пошел к спартаковцам.

Им протягивали руки, хлопали по плечам, одобрительно восклицали. Словно и не стояли десять минут назад друг напротив друга, готовые рвать и метать.

Экс-чемпион находился поодаль от остальных, вокруг него суетились целая команда. Плечо перевязали прямо на одежду. Рука тоже на перевязи, стекающую со лба кровь зафиксировали зажимами прямо на грязную рану. Прибежал человек с ледяной грелкой. Морщась, чемпион приладил ее под перевязь.

Увидев Марата, парень нахмурился, потом сквозь силу улыбнулся. И стало видно, как он молод. Ну, реально мальчишка, здоровенный бычок, наивный и простой.

Марат протянул левую руку.

Зуболом, — сказал он как можно дружелюбней.

Слон, — ответил на рукопожатие чемпион. — То есть Слава. Слава Слон.

Марат, — снова представился юноша.

Да я в курсе, — чемпион продолжал держать ладонь Марата в своей левой руке.

Рука как рука, — пробормотал он. — А там я будто с роботом каким-то дрался. Ты не робот случайно? Терминатор какой, из жидкого железа?

Не, — хмыкнул Марат. — Но ты тоже здоров. Я с одной твоей рукой едва справился, вот если честно. Ты бы из меня котлету сделал, если на ринге...

На ринге — да. А вот тут, видишь как, братишка... Сплоховал...

Да ничего, — успокоил его Марат. — Это фигня. Почти случайность. Сам же понимаешь, ты в первый раз, а я тут целый год в зачинщиках. Весной встретимся снова. И увидишь как оно все будет, совсем по-другому. Опыт, братишка, вещь великая...

В понедельник на второй перемене Марат как обычно пошел к школьному спортивному городку. У него давно сложилась такая традиция — на второй перемене выходить из школы на улицу и пять минут посвятить разминке. Все, особенно парни относились к этому с

пониманием и уважением. Некоторые даже составляли пару Марату, но обычно недолго. Зимой особо никому морозиться неохота.

Десять подтягиваний, пять подъемов переворотом, двадцать жимов на железных брусьях. Зимой — метание снежков. Правой рукой, и левой, на пределе возможности. Кто хорошо кидает — тот хорошо и бьёт, а уж как замечательно развиваются связки и суставы кисти, локтя и плеча — так вообще красота. Опять-таки, меткость и координация повышаются. Все это шло в зачёт спортивного дневника, и аккуратно записывалось вечером, когда Марат подводил итоги дня. Раньше он даже подводил итоги недели, и смотрел, что он прокачал больше за семь дней, и на что надо обратить внимание в следующем месяце.

Сейчас у него стояла следующая задача: "Выносливость". Столкновение со спартаковцами показало, что он уже не может выдержать даже три минуты на полной отдаче.

Боевой транс — его самое мощное преимущество над противником. Когда разум буквально отделяется от тела, просто и холодно даёт приказы на выполнение тех или иных движений, не чувствует боли, и его очень трудно сломить. Но само тело оказалось не готово к таким чрезмерным нагрузкам.

Раньше он мог в таком состоянии спокойно подтянуться тридцать раз подряд, десять минут отжиматься глубоким жимом, бежать на пределе возможностей четыре минуты и даже не очень запыхаться, пробежав за это время два километра.

Теперь он вырос, потяжелел, уже категория не сорок два, а шестьдесят. Год назад забросил секции — что карате, что борьбы. Надоело, и слишком много от него требовали, считая, что он гробит талант. Но семь тренировок в неделю? Дополнительные индивидуальные? Да вы чего? Ради чего? Чтобы стать призером на очередных соревнованиях? Всю жизнь ухнуть в спорт? Он туда пошел, чтобы научиться защищать себя. А на последних республиканских понял, что, не смотря на все задатки — по земле ходят десятки, если не сотни ребят с куда лучшими данными.

Он едва пробился в шестерку лучших. Тренера были в восторге. Они чуть ли не слезу пустили. Потому как кроме Марата из их спортивной школы и до шестерки то никто не дошел. Большинство вообще тормознулись на первых двух отборочных кругах.

Но его так здорово помяли в отборочных турах! Ни о каких "туше" и чистых победах уже и помыслить нельзя. А уж как его откатали в финальных поединках... Марат, конечно, уперся рогом, уступил в последней схватке совсем немного, шесть-девять по очкам. Но это был предел. Это как с артистами. Голос есть у многих. И слух, и чувство ритма. Но настоящими артистами становятся очень немногие, чаще всего те, кто жертвуют для своей способности двадцать пять часов в день, восемь дней в неделю...

Так или иначе, выносливость придется качать, хотя бы до восьмёрки, до восьми минут. От этого никуда... Тем более что выносливость несомненно входит в комплекс умений, который ему сейчас необходим.

При этом Марат отчётливо понимал — утренние пробежки это прекрасный способ познакомиться поближе с девушками. Не просто поближе — а очень даже близко, а там уж недалеко и до отношений, которые гораздо тесней просто дружеских. Которые уже можно отнести к теплым дружеским, то есть еще шаг — и фактически интимным.

Он дал себе целый день на подготовку, отрепетировал речь. Проговорил ее несколько раз на диктофон, выбрал самый лучший вариант (по его мнению). Определил время, перед последним уроком. У девушек будет возможность подумать над его словами, но не очень

долго. При этом они не забудут то, что будет сказано. По собственному опыту Марат прекрасно знал, как запросто вылетают из головы даже очень важные вещи, о которых шел разговор утром, на ранних переменах.

Погоды, слава тебе Кришна, стоят великолепные, на улице последние жаркие дни, а в классах — настоящая парная духота.

До звонка осталось ещё пять минут, когда Марат вошёл в класс. Пацанов было едва половина, а вот девчонки все на месте.

Свитер на пуговицах, в котором он пришел с утра, висел на согнутой правой руке. Жарко же... И обнаженный вздутый трицепс выглядит очень эффектно.

Марат был в белой майке, с коротким рукавом, которая совершенно не скрывала его рук до самых плеч. При этом белоснежность эластичного материала выгодно контрастировала с бронзовым загаром кожи.

Костяшки кулака левой руки упёрлись в парту. Вены разом взбухли, и рука превратилась в этакое жутковато-корявое полено.

Минуточку внимания! — громко сказал Марат. Все взгляды в классе разом обратились на него. Анька Травина внезапно судорожно облизнулась, и это заметил не только наш герой.

С завтрашнего дня я начинаю утренние пробежки. Бегать буду по школьному кругу. Два круга разминочных, и два на пределе. Начинаем в шесть двадцать утра, буду заходить. Нагрузки будут расти, предупреждаю сразу. И я бы был очень признателен и благодарен, если бы кто-то из девушек нашего класса составил мне компанию.

Марат сделал короткую паузу.

Мда, Анька хоть сейчас готова составить ему компанию. Девушка затравленно и с обречённостью на мгновение взглянула на тот угол класса, где сконцентрировались конкурентки из "первой десятки". Увиденное ее не порадовало — все внимательно слушали речь.

Марат же, сделав паузу, чтобы информация дошла до всех, продолжил говорить:

Почему девушка? Все просто. Это стимул. Так как бегать я хочу каждый день... То я просто не смогу ей сказать... Что мне сегодня не хочется, посплю дальше, ты ведь не обидишься, друган? Это у нас, у парней — сплошь и рядом. А с девушкой такой номер не пройдет. Вот поэтому я подумал... И мне хотелось бы, чтобы напарником был кто-то из вас.

И ещё раз пауза.

Теперь выходим на "коронный прием":

Тем более. Это только мое мнение... Длинные, стройные и спортивные ноги ещё никому в жизни не помешали. А некоторым, как я слышал, вообще бы стоило сбросить лишний вес, нагуленный на бабушкиных плюшках...

Удар получился — что надо. Даже первая красавица и умница класса, Ира Комарова, несколько раз судорожно хлопнула ресницами. Марат, честно говоря, постоянно прислушивался к девичьим разговорам, и прекрасно помнил, как именно большинство из девиц делятся своими ощущениями и впечатлениями от оценки собственных тел.

На взгляд юноши, они все были прекрасны.

Но девушки больше оперировали словосочетаниями: жирная корова, сало на боках, бройлерные ляжки, откормленная тушка — как по отношению к подругам, так и к самим

себе.

Это все, — скромно закончил Марат. — Если кто надумает, пусть подойдёт ко мне завтра после уроков, и просто скажет. Что, как, когда. Спасибочки за внимание.

Прошел на свое место и сел. Как пайнык мальчик. Девичьи разговоры, царящие в классе до его речи, даже не возобновлялись. К Марату подошёл толстенький паренёк, Игорь, которого все звали просто Гоша.

Маратка, если никто не согласится, я готов с тобой побегать. Я бы тоже, ну там понимаешь, пару кило лишних бы, сбросить. Ты только скажи... ну... Я сразу, как штык... Ну если там эти бройлерные курицы, — казалось, в воздухе раздалось шипение десятка разъярённых змей, — ... продинают тебя... Я... Ну ты понял?

Понял, Гоша, — серьезно ответил Марат. — Учту...

Прозвенел звонок. Идеально. Как в театре.

Надо ли говорить, что выступление Гоши тоже было запланировано заранее?

Хорошо продуманный и великолепно исполненный номер произвел эффект разорвавшейся бомбы. Не атомной, конечно, но где-то близко. Вообще Марат не думал, что из этой затеи получится хоть что-то путное. Однако у девушек девятого «А» класса была своя беседа в соцсети. Уже через две минуты после звонка на урок там появилось сообщение от Травиной, которая обычно крайне редко писала:

"Я бы побегала"

"Я бы тоже" — это сообщение пришло через тридцать секунд от Лены Ивановой, известной своей ветренностью и худобой.

"Ленка побойся бога. ты же скелет. вот мне бы не мешало" — написала Крылова Света, несомненная "номер четыре" в их классной иерархии. Мнения и желания Травиной не котировались, но ее слова сработали как запал, хотя всерьез их никто не воспринял.

"Так рано вставать же" — написала Ольга Скворещникова.

"Никто не заставляет. Я не против" — отозвалась Наталья Шишкина.

Сообщения росли как снежный ком, но все ждали. Что же скажет "номер один"?

Ирина Комарова напряжённо думала.

Что явно отражалась на ее прелестном личике, которое можно было в этот момент сравнить с "высеченным из камня". Ровные длинные ноги у нее имелись, даже в избытке. Обычные, длинные, ровные ноги. Вот только они были вовсе не спортивные.

Несомненно и безоговорочно — она будет бегать. Решила ещё давно.

Но, конечно же, побаивалась.

Что могут сказать? Что она зарастает жиром, и решила сбросить лишний вес? Ну ведь так и скажут, стервы... Ещё и дополнят выдуманными подробностями, где именно этот жир растёт.

А тут такая удача. Боец «номер один» предлагает публично присоединиться к его тренировкам. Пусть сказано это было для всех, но кто имеет полное право поддержать его начинание в первую очередь? Ну, конечно же, достойнейшая! Это будет органично и уместно.

У Марата бы глаза полезли на лоб, если бы он знал, как о нем отзываются девушки. Его табеля, полные пятёрок без единой тройки с самого первого класса — имели определенный авторитет. Но — крайне небольшой.

Марат отличался примерным поведением. Максимум что он себе позволял в стенах школы — иногда вправлял мозг зlostным хулиганам и двоечникам, обычно добрым словом, не пуская в ход профессиональные умения. И поэтому считал себя в стенах школы самым настоящим ботаником, заучкой, скромным и невыдающимся. Ему казалось, что он отлично играет свою роль.

Но в глазах многих особей противоположного пола он был отпетый хулиган, драчун, только маскирующийся под отличника, забияка и шпана, причем высшей категории, с которым не страшно ни в огонь, ни в воду, ни под медные трубы.

Так довольно часто бывает, что человек думает и видит в себе одно, а окружающие — совсем другое. В глазах друзей и соседей человек, всю жизнь посвятивший науке может характеризоваться как заядлый рыбак, хотя он просто любит посидеть с удочкой и поразмышлять о своем. Прилежная социальная работница, тихо гордая своей нужностью людям — в глазах подруг может выглядеть как безнадежный забитый синий чулок и кошатница, просто потому что у нее две кошки.

Так и Марат.

В глазах шпаны он "отличник", в глазах одноклассников — "шпана"...

Так или иначе, многие одноклассницы обнаружили, что просто одно имя Марата успокаивает чересчур буйных ухажёров, и даже открывает до сих пор закрытые двери.

Сама красавица Ирина Комарова это и обнаружила, одной из первых. Когда они с Серёжей хотели зайти в закрытый ночной клуб "Энигма", охранник на входе быстро определил их как «малолеток», то есть несовершеннолетних. Не помог ни высокий рост Сергея, ни его настойчивость, и даже купюра максимального достоинства никак не повлияла.

И тогда Сергей применил совершенно идиотский (на взгляд Иры) — последний довод. Он показал на нее, и сказал совершенно дебильную фразу:

Это одноклассница Марата-Зуболома. А я его друг. Просто хороший друг.

И тут произошло что-то из ряда вон. Охранник улыбнулся, и спросил, именно её:

Это правда?

На что Ира ответила, как примерная девочка на уроке:

Это правда. Я учусь в одном классе с Маратом Нечаевым.

Охранник улыбнулся ещё шире, и открыл дверь:

Проходите, мелочь переросшая, — и добавил, когда Ира шла мимо него. — Передавай привет маленькому братишке...

Надо немного рассказать о том, кто же такой Сережа.

Он учился на год старше, и давно обратил внимание на расцветающую не по дням красавицу из девятого «А» (тогда ещё восьмого).

Сережа был сыном очень обеспеченных родителей, оба работали в банке. В очень крупном банке, на очень высоких должностях.

У них был трехэтажный дом. Третий этаж полностью и единолично принадлежал Сергею. Там была огромная ванна, и комната для бильярда, и телевизор во всю стену в специально оборудованном и звукоизолированном зале.

Ещё у них было две машины — у отца черный джип Порше, а у матери шикарный серебристый Мерседес. У Сергея машины не было, зато имелся обалденный мотоцикл, мощная белоснежная Хонда.

Ира, как умная девочка, уже давно поняла, что принцев на земле очень мало. Причем на них идёт настоящая охота. А тут образовался интереснейший вариант, и даже конь у него был, пусть механический, зато белый. Сергей уже много раз катал Иру на Хонде, они играли в бильярд, смотрели кино, и однажды она даже провалялась целый час у него в ванной, мечтая, как это будет "в первый раз".

У Сергея, кстати, был маленький "бзик" на девственность. В этом плане Ира могла дать серьезную фору всем его более великовозрастным подружкам и одноклассницам.

Сам Сергей был высок, приятен лицом, слегка кудряв, в меру спортивен. В общем — почти идеал. Родители его смотрели на красавицу Ирину одобрительно, даже не спросили об её родителях. Но она понимала, что очень скоро появится столько претендентов на трон и королевский жезл, что только держись. И опять мальчик Марат пришелся как нельзя кстати.

Ирина давно размышляла, как заставить Сергея почувствовать, что конкуренты могут быть с обеих сторон? Марат при этом очень подходил на роль такого запланированного конкурента.

Именно Сергей, тогда, в Энигме, не очень то заглядываясь на почти обнаженных танцовщиц (даже не глядя на них совершенно), приоткрыл завесу тайны над темной стороной жизни ее одноклассника.

Он для них — младший брат. Не старший, которого уважают, но мелкий, которого все любят.

Со слов Сергея выходило так, что Марат состоял в некоем Братстве. Город делился на районы, которые, казалось бы, враждовали друг с другом.

Но на самом деле Братство было одно!

Те, кто хорошо себя зарекомендовал, получали хороший задел на будущее. Их запросто могли отправить в элитную школу полиции, армии, ещё какой-то службы. Мало того — мэр, и даже губернатор, и даже начальник полиции — тоже в свое время были "братками".

Случилось это давно. Тогда в городе, да и стане — царил хаос и полный беспредел. Банды, районы, улицы — все постоянно бурлило. Шпана насмерть билась с криминалом. Те жёстко враждовали со спортсменами. Всех прессовала (и сама едва выживала) полиция. В общем, полный мрак. И случилось так, что новый главный полицмейстер, пришедший на место убитого — был из местных, и реально представлял, что к чему.

Он собрал большинство авторитетов всех мастей, и они, все вместе, решили закончить беспредел и кровавую бойню.

Шпана пошла учиться в спортивные школы. Спортсмены принимали участие в строго регламентированных драках район на район, со строжайшими правилами. За неукоснительностью которых четко бдил криминалитет. И на все это сквозь пальцы смотрела полиция, твердо соблюдая закон и порядок при любых проявлениях несознательности.

Преступность уже на следующий год резко пошла вниз. Потом вообще стала практически нулевой. Братство пронизывало все структуры, все общество, знало всех, присутствовало везде — и на помойке среди бомжей, и в кабинете губернатора. Укрыться от него невозможно. Расправы оно чинило необыкновенно быстро, крайне жёстко, и всегда очень больно.

Марат же, хотя и состоит в самом низу — у них любимчик. Парень семь раз подряд выигрывал зачин перед битвой. Такого не было много лет. Часто выигрывали два, три зачина подряд. Бывало и четыре. Несколько раз, старшие помнят — было и пять. Но каждый раз под непобедимого бойца профессионалы в спорте и уличных драках подбирали другого, который прерывал череду побед. Но чтобы семь раз!

Да он же малолетка, понимаешь? Ему четырнадцать было, когда его заметили на отборочных. Те, кто начинают "замес" должны быть несовершеннолетние. То есть им шестнадцати лет не должно быть. Это тоже правило, что если что-то случится, и пойдет разбор, первый же вопрос задают — кто драку начал, кто первый ударил? А с несовершеннолетних что возьмёшь? Только на учёт поставить. И они перед началом боя сходятся, есть минута, а потом все кричат — "Наших бьют", и начинается драка. Там тоже правила жёсткие, не дай бог нарушить. Если кто сознание потерял, его братан с противоположной стороны обязан вынести...

Да ты откуда хоть все знаешь? — не удержалась от вопроса Ира.

Ну, я тоже, в свое время, пытался, попасть туда..., - даже в полумраке клуба было видно, как сильно Сергей покраснел.

Не взяли? — голос Иры полон участия.

Не сумел, — с непонятной жесткостью ответил юноша.

Ирина была очень тактичной девочкой. И как уже говорилось — очень умной. Она прекрасно понимала, что мужчине не стоит наступать на большую мозоль. Один раз можно, и то случайно — а дальше старательно избегать тревожной темы. Но уж если он решил рассказать — слушать со всей внимательностью, и переживать всей душой.

Ему до шестнадцати, когда уже нельзя быть в зачинщиках, еще целый год, — продолжал Сергей. — У него уже семь побед, и впереди пять схваток. Если он победит во всех — это будет фантастика. Знаешь, какие деньги поставили очень серьезные люди? Что он проведёт всю серию без поражений? Да на эти деньги остров можно купить, в Тихом океане. И пару яхт впридачу. Его специально хотели снять с последнего боя, против него такую «машину смерти» поставили. Боксер, не тяжеловес, а супертяж. Супертяжеловес, представь? Я его видел — парень просто ужас, мастер спорта, из олимпийского резерва в столице специально выбирали, квартиру тут ему купили, машину его родителям. Думали, все, конец Зуболому. А он его выиграл, да еще досрочно, меньше минуты. Руку ему сломал, говорят, и голову пробил...

Наш Маратка? — не поверила Ира. — Да он и мухи не обидит. Даже не слышала, чтобы он когда с кем ругался.

Да это потому что он сам — машина смерти. Не дай боже такие навыки в школе применить... Спасибо, — поблагодарил Сергей полуголую официантку, подавшую им коктейли. — Дед, который главный в Братстве, чуть инфаркт не заработал, когда он спорт бросил. Так задницу припекло, что чуть кресло не сжёг, на котором сидел. Потом успокоился, говорит, не трогать его, не принуждать. Сам пусть судьбу выбирает, не надо трогать. Фартовый он очень.

Какой? — переспросила Ира.

Фартовый, говорит, именно в бою. А кто против него идет — тот проигрывает. Вот его хотели снять с зачинщиков, то есть против него пошли. Свои же и пошли. Поэтому сами «Металлисты» проиграли. А Марат выиграл. Этого олимпийца выволакивали с поля, как ему досталось...

Ужас какой...

Дед уверен, что Марат наш победит, строго-настрого всем приказал — кто тронет — будет иметь дело с ним лично. Ваш отличник ходит как болванчик непонимающий, наверно и не знает ничего. И не догадывается. Думает так и надо. А одно его имя, видала... любую дверь откроет, — Сергей кивнул на выход из клуба. — Вся охрана в таких местах, да и не только, в любом магазине... Полиция, таможня, охранники в судах, в банках, телохранители, частные охранники, заместители в департаментах любых, а еще и криминал, да и охрана в тюрьмах — это Братство. Графы и крейсера на руководящих должностях. Остальных куда пристроят... Бывшие братья. Братаны, братки, как хочешь их называй, смысл не меняется.

А почему граф? — не удержалась от вопроса Ира. — Крейсер?

Ну «граф» — это не кличка, это должность, звание, — объяснял Сергей. — Самый ответственный подбирается. Не обязательно самый сильный. То есть у нас в школе графом стал Олег, из десятого. Он здоровый, конечно, но в одиннадцатых и поздоровей были. А граф — это потому что он отчет после схватки подает. Листок такой, с графами, кто и как дрался, и на кого внимание обратить. Не только кто хорошо, но и кто нечестно, или предупреждения

получил. Это как досье. Потом когда брата пристраивают на место — берут такое досье, смотрят, подходит он или нет. А крейсер — это вообще самый-самый, самый крутой, чемпион какой-нибудь. Граф в драке участвует, а крейсер — нет. Он за порядком следит, если вдруг видит, что человека сейчас затопчут насмерть, то он прямо через поле к нему идет. Как по морю, бушующему, все от него только отлетают, а где невозможно пройти... драка же... там он обогнёт. Он бить никого не имеет права, иначе его вмешательство могут расценить как нечестную игру. Вот поэтому и зовут такого — крейсер...

И вот теперь Ирина Комарова сидела за партой, сложив руки как прилежная ученица, и напряженно думала. Да, Сереже надо показать, что у нее есть и другие кандидаты на руку и сердце. По крайней мере на руку точно... И не какие-нибудь мальчишки-одуванчики, или (упаси боже!) пузатые дядьки-папики. Нет, боец номер один, «машина смерти» без единого проигрыша, под покровительством самого Деда — точно подойдет.

Ссориться она им не даст. Маратку отошьет в полпинка, она же его знает как облупленного. Ну, погорюет, не он первый, не он последний. Она ему все объяснит, если потребуется. Мальчик умный, поймет все как надо, всегда её выручал. Вон, половина девчонок уже слюной истекают, поглядывая на него. И может быть, не только слюной. Выбирай любую.

Ире только шепнуть на ушко подругам, что надо быть понастойчивей, — вмиг охомутают. И на коленочки сядут, и погладят, и поцелуют. Мальчик то у нас женской лаской не избалованный. Пока не избалованный.

Когда прогремел звонок с урока, и все уже собирались бежать из класса, Ирина повысила голос. От бархатистых, мурлыкающих интонаций — весь класс затаил дыхание:

Неча-а-е-ев! — пауза. — Маратка, иди сюда!

Марат подошел.

Я буду с тобой бегать. Заходи в шесть пятнадцать, я буду уже готова...

Мужская половина класса при этих словах с тихим свистом выпустила воздух из напряженных легких. Она... будет готова...

Квартиру мою знаешь?

Дом знаю, подъезд тоже. Квартиру нет, — спокойно сказал Марат.

Как он все-таки смотрит! Свысока, чуть насмешливо, абсолютно спокойно, прямо от одного взгляда чувствуешь себя маленькой девочкой. Ирина, ощущая, как начинают гореть щеки, достала сумочку. Отцепила от связки ключей электронную таблетку от замка подъезда.

У меня еще есть. Зайдешь, — сказала она как можно спокойней, — в шесть пятнадцать. В дверь поскреби, как мышка, не надо никого будить. Договорились?

Номер квартиры какой?

Сорок восьмая, — ответила Комарова. Да этот пацан ее здорово взбаламутил! Тем более что она знает о нем гораздо больше, чем все остальные. Хотя, может... она и не знает... кое-чего. Люди полны сюрпризов.

Сумеешь? Как мышка?

Конечно, без проблем. Ты только не проспи, а то буду там скрестись... Я лучше постучу тихонько. Дважды. Жду десять секунд. Дверь не откроется — я уйду. Поняла?

Поняла, — пролепетала Ира, чуть удивленной резкостью и напором.

Ну и отлично. До завтра, — и Марат, закинув сумку на плечо, вышел из класса первым.

Ира поймала взгляд, полный ненависти. Травина, кажется, готова ей глаза выцарапать.

Ничего, подружка.

«Привыкай. Да и не нужен мне твой Маратик, успокойся, — говорил ответный взгляд Комаровой. — Нечего на меня так зыркать, дура сеновальная. Могла бы и сама инициативу перехватить, чего сидела, как баба на самоваре?»

Аня потупила взгляд.

Ну и хорошо.

Вы думаете, Марат не волновался? Да его трясло! После короткого разговора с первой красавицей класса он вышел из кабинета как кот из воды. Давненько его так не прикладывало. Спина была совершенно мокрой, по позвоночнику катились капельки пота. Удержать взгляд, не потупить глаза, не мямлить, да ещё под конец заявить, что ждать в случае чего он не собирается, и нужна ему она — как собаке второй хвост, для стимула... Поняла? Собственный голос до сих пор стоял в ушах.

Да ты просто крут, пацан, — сказал Марат сам себе. Но если так будет каждый раз при встрече с красивой девушкой. Она ведь не противник, ее ломать не надо, в боевой транс не войдёшь. Хотя...

Да что хоть там рассусоливать! — поучал его, тогда ещё двенадцатилетку, парень из старшей группы. — Берешь ее в захват, валишь, фиксируешь. Ты же борец, чё тут сусолить?

Тогда Марат только посмеялся над этими словами. А теперь задумался, спустя несколько лет. Вообще то он тренировался уже достаточно. Полгода интенсивных тренировок, несколько столкновений с условным, гм..., противником. И ни одной победы. Конечно, по очкам он, может, и ведёт...

Так, соберись... нечего слюни распускать. Сжал зубы — и вперёд.

Сейчас все будет проще. Сначала он с ней пробегает, будет увеличивать нагрузки. Потихоньку начнет выражать недовольство ее физической формой. Вполне возможно — и фигурой. Скажет: пресс надо подкачать, да и плечи бы не помешало. Отведет ее вечером в тренажерный зал, в "Качай железо", там у него абонемент пожизненный и бесплатный. Ещё там куча зеркал, и постоянно несколько очень прокачанных девушек. Не культуристок, но так что... ух!

Девушки, по его наблюдениям, существа крайне любопытные. То им попробовать надо. И это — тоже. Он ещё будет советовать Ире: а может вот это посмотреть...?

И на следующее утро у нее болеть будет все. У парней то на следующий день после таких пробных занятий — походка как у паралитика. Руку поднял, почесать голову — и скривился от боли. А уж что будет с хрупкой красавицей, подумать страшно. В школу? Какая школа, тут до туалета то не дойти, хоть в постель мочись? И вот тогда наступит его час.

«Ты чего не пришла, не позвонила, я же беспокоюсь. Родаки свалили? А вот подумал, что ты вчера здорово перетренировалась, и принес...»

Мазь с обезболивающим. Мазь с противовоспалительным. Мазь с пчелиным ядом как разогревающая. Лед есть, если растяжение найду? Говорил же вчера — холодная ванна сразу. Прямо вот только холодная вода, хотя бы на две минуты. У тебя все тело сейчас как большой синяк. Что, решимости не хватило? Ложись уж, дуреха. Я профессионал, и знаю что

делаю. Ты не беспокойся, не ты первая, не ты последняя. Для начала — лёгкий массаж, медленный, нежный, когда любые прикосновения — это как касание рук ангела.

Вот тебе и план. Хороший план? Прекрасный, замечательный план, чистая победа...

А теперь, соберись, пацан, это приказ.

Марат открыл дверь в подъезд, посмотрел сколько квартир на этаже. Быстро высчитал этаж, и с какой стороны находится нужная. Шестой этаж, налево от лифта и прямо. Это на всякий случай, вдруг номера на квартире нет? К чертям лифт, бегом по лестнице... Вот оно... Время? Шесть четырнадцать, ещё двадцать секунд...

Все, поехали, он поднял руку и стукнул по косяку костяшкой пальца. Дверь открылась. Похоже, его ждали. Марат отшатнулся, в горле такое впечатление, что ежа проглотил. И он там, сволочь, медленно разворачивается, и даже покусывает кишки...

Ира была в коротких, совершенно обтягивающих шортиках. Такие ещё называют — длинные трусики. Голубенькие... Белая маечка чуть-чуть не достаёт до резинки шортиков. Волосы собраны в гладкий пучок. Кожа светится. Голубые глаза смотрят насмешливо. Не водянисто-голубые, а тёмно-синие, глубокие, как бездна океана. Марату показалось, что у него защекотало в ноздрях, так им захотелось раздуться. Широко, по звериному, чтобы втянуть в себя весь этот божественный запах, едва ощутимый, пришедший на смену подъездной вони.

Захотелось затравленно оглянуться. Откуда здесь столько света? Ах да... Не от окон, конечно, это сияние исходит... Да, черт! Она реально светится! Твою ж мать, как это?

Классно выглядишь, — собственный голос звучал словно из под воды. Потому что, похоже, прилив крови к голове серьезно зажал барабанные перепонки. В ушах явственно стучал огромный барабан.

Просто обалденно. Я не шучу ни капли. Я, конечно, видел что ты... красивая, — Марат яростно боролся с нарастающей паникой и дрожью в коленях, хотя внешне, наверно, это незаметно. Будем надеяться, что незаметно.

Но не думал что настолько... красивая, — закончил он фразу.

Как хорошо, что он летом отработал по полной программе комплименты именно по "женской красоте, в целом". Сейчас стоял бы как рыба, только ртом бы хлопал... А так — уже готовые, чуть ли не наизусть зазубренные фразы с соответствующей интонацией и выражением лица, тщательно проработанные придирчивыми преподавательницами.

Поехали? — сказала она и нажала на кнопку вызова лифта.

Стоп! — сказал Марат. — Никаких лифтов. Тренировка начинается прямо сейчас и здесь. И закончится она тоже здесь, через полчаса ровно, — он указал рукой на бетонный пол.

Пока мы на лифтах катаемся, наш противник на двадцатый этаж бегом бегают, да не один раз на дню. Причем спуск развивает икроножные мышцы, а подъем — бедренные...

"А вообще-то в плане как раз был пункт, — уточнил про себя Марат. — Указать где начинается и заканчивается тренировка. И закончится она должна именно у её квартиры. Вот так..."

Но вслух он, конечно, говорил не это.

По лестнице разминаешься, до круга тоже бежим разминочным бегом, там четыре круга уже по взрослому, но спокойно. Чуть-чуть качаем то, что на сегодня наметили, и

прогулочным бегом, чтобы не замёрзнуть — обратно домой.

А что мы сегодня наметили?

Марат пожал плечами:

Ты — не знаю. У меня косая спинная и грудь. То есть десять отжиманий на брусьях обратным хватом. На перемене — ещё пятнадцать. После школы — двадцать с утяжелением, то есть с сумкой с учебниками. Дома жим гири с упором. Вот, прокачал. Завтра другую группу, желательно на гибкость...

Здорово...

Марат обернулся. Ира отставала от него, но немного, буквально на шаг.

Плечи расслабь. Просто встряхни. Локти не опускай. Сожми кулак, разожми, встряхни пальцами. Опять пальцы в кулак собрались. Вот, запомни, вот так и должно быть. Давай я рядом с тобой, под тебя буду подстраиваться...

Давай...

Буду говорить, можешь слушать, можешь нет. Но лучше слушать. Так легче. Многие делают ошибку — слушают себя. Но слушают неправильно. Я объясню. Обычно человек слушает себя, словно смотрится в зеркало. Ты ведь часто в зеркало смотришься?

Ира согласно кивнула.

А надо смотреть из зеркала в себя. Так видно лучше. Не тело управляет тобой, а ты телом. Оно капризное, оно хочет дышать, есть, много спать. Но ты должен... Зайти в Зазеркалье, на ту сторону, и увидеть, что реально ты хочешь, а не только твое тело. Это не так уж сложно. У многих не получается. Но у тебя получится.

Марат взгляделся в лицо напарницы. Слушает, и внимательно.

Поменяйся с зеркалом местами, переверни реальность. Посмотри, как бежишь. Подумай, как ты хочешь бежать. Шире шаг. Выровняй голову, чтобы воздух легко проходил в лёгкие. Отметь сколько воздуха тебе надо, дыши так, чтобы его было достаточно, но не чрезмерно. Мышцы — это поршни. Они не устают, устают нервы. В мышцах просто копится кислота, молочная, результат распада аденазин... трифосфорной кислоты. Пусть говорю заумно, но ты просто должна понимать эти процессы. Ну вот, прибежали, сейчас бежим дальше, каждый круг чуть быстрее, нагрузки должны расти, так быстрее придёшь к цели, к результату.

Марат побежал по внешнему кругу, она — по внутреннему. Наверно, это было здорово, со стороны. Пара — юноша и девушка — бежит нога в ногу, дыхание в дыхание.

Любая тренировка — это не просто махание руками и ногами, — снова начал говорить Марат, не глядя на Иру. — Это значит, что ты должен каждый раз переступить через не хочу и не могу. Хотя бы через маленькие. Поэтому и называется — тренировка. А тренер тебе в этом помогает. Тренер не говорит тебе — получится в следующий раз. Так воспитывают только неуверенность и отчаяние. Тренер говорит — либо ты это сделаешь, здесь и сейчас, либо ты, тупорылый дебил, завтра можешь сюда не приходить. Тебе не Луну с неба предлагают достать, а отработать упражнение. И ты это можешь!

Ирина слушала, и вдруг поняла, как ей сейчас хорошо и легко. Встречный воздух бьёт в лицо, а рядом человек, который ничего от нее не требует, просто рассказывает. Не надо притворяться. Это ни к чему. И странное чувство... Непонятно, может это назвать — чувством безопасности? Как то совершенно наплевать на других, на их мнения, на косые

взгляды. Никто не пристанет, а если и попытается... Рядом тот, кто запросто ломает похотливые руки, и пробивает глупые головы. Маленький брат большого Братства.

Спасибо, — сказала она уже когда открывала дверь в квартиру.

Пожалуйста, — ответил Марат, и побежал вниз по лестнице.

На следующее утро Марат был уже куда более спокоен. Ничего страшного, Ира обычная девчонка. Очень красивая, несомненно. Но она не кусается, не жалуется, не болтает чепухи. Здорово, просто здорово.

Ира в этот раз выглядела по-другому. Вроде бы поменялись только шортики — с голубых на розовые. Маечка тоже розовенькая. Спортивная курточка через руку. Но теперь она выглядела не как богиня, сошедшая с небес, а как взрослая девушка, гораздо более приземленная, и доступная.

Слушай, Марат, — сказала она немного извиняющимся тоном. — Я тут пригласила с нами побегать молодого человека.

«Да твою ж мать» — пронеслось в голове у юноши.

Моего молодого человека, — продолжала Ира, с упором на слово «моего». — Он учится на класс старше, и мне он очень дорог.

Она стала замедлять шаг. Марат обернулся.

А вот и молодой человек. Выпендрейник Сережа Поров. И рядом с ним девушка.

Нечаев чуть не рассмеялся. Конечно, а кто сказал, что приглашаемый Сережа не может пригласить и сам, ещё кого-нибудь? Да это дурной тон (Марат даже улыбнулся) — идти к паре одному, типа, мол, я так — случайно прибился.

Но на лицо Ирины набежала тень. Она и предположить не могла, что Сергей так поступит. Хотя на самом деле это надо было ожидать в первую очередь. Как она допустила такую оплошность? Надо было подойти к этой дуре Травиной, и сказать, чтобы она шла с ними, типа там у нас двое мужчин, один мой, а с Маратом делай что хочешь. Он ей интересен как тренер, спортсмен с большим опытом. И больше ей от Нечаева не нужно ничего. И даже наоборот, она опасается, как бы мальчики не конкурировать, ты же знаешь этих мужчин, Аня? Их хлебом не корми, а дай какое-нибудь соревнование выиграть. А задача Иры — просто подкачать ноги, и уметь регулировать дыхание. Вот что надо было сделать! А не звонить Серёже, и как бы между делом сообщить, что она занялась пробежками, и была бы рада чтобы он к ним (к ним двоим! ну что за дурость!) — присоединился.

Приглядевшись, Ира облегчённо вздохнула. Это Алена, одноклассница Сергея.

Алена была метр шестьдесят, не более. И при этом — крупная, можно сказать — мужиковатая. Широкие плечи, широкие бедра, мощные ноги-тумбы. Шея тоже..., совсем не лебединая. Волосы заплетены в довольно длинный крысиный хвост. Солидная челюсть и маленький курносый нос. Глаза непонятного цвета. По внешности — не конкурентка, от слова "вообще". Даже, кажется, чуть постарше, буквально немного. Надо найти ее данные в соцсетях.

Женщина может быть много моложе или старше мужчины. Но разница (в её сторону) на три-четыре месяца — это обычно плохо, очень плохо. Одногодка, смотрящая чуть свысока из-за каких то нескольких дней разницы — мужчины этого крайне не любят. В школе натерпелись, и дальше терпеть?

Марат почувствовал, как внутри нарастает не ярость, а настоящее бешенство. Мало того,

что подошедшая пара не стала их догонять. Эта дуреха Ира ещё и пошла к ним. Стоят троечкой, о чем-то болтают. Они что, думают, что он сейчас подбежит к ним и начнет спрашивать: как ваше ничего? Не соблаговолят ли нежнейшие господа пробежать кружочек-другой? Сейчас, разбежались...

Чего ждём? Особое приглашение нужно? — Марат все-таки чуть-чуть притормозил бег.

Познакомьтесь, — сказала Ира, и теперь Марат остановился. Какие непонятные интонации!

Это другим они непонятны, но он то с Комаровой с первого класса. Уж знает, как и что она говорит.

А-а-ах вот оно что, она тоже не ожидала соперницу. Урок и наука.

Ир, у нас ещё три круга и обязательные упражнения. Время-время! — потребовал он. — Да и знаю я Серёгу. И Алёну тоже, в одной школе учимся. Я — Марат, — он пожал руку молодого человека. — Пошлепали, звери, шевели ходулями.

Они побежали. Ирина с Маратом — парой впереди. Алена с Сергеем — сзади.

Гнать не будем, спокойно, — говорил Марат на бегу, в никуда. — Сейчас закончим, и пять минут на растяжку. Вчера мышцы нагружали, сегодня связки. Каждый круг немного ускоряемся. Руки держи, как вчера учил. Плечи свободней. От бедра работаем. Смотрим из Зазеркалья.

Тонкие ноздри Иры трепетали от гнева. Дыхание спирало. Да как он посмел, в конце концов? Это что за шоу? Это что за корова? Сережа решил показать, что они равноценны для него? Это просто ни в какие ворота не лезет. Как только круги закончились, она встала перед Сергеем, потянулась к нему всем телом, держа тем не менее руки по швам, и сказала самым нежным голосом, с интимными придыханиями, с слегка слышимым мурчащим грассированием, которое так заводит мужчин.

Сер-режа, я так соскучилась, прросто мурр... прямо зрамер-рзла.

Алена фыркнула, и с улыбкой отошла от влюбленной пары. Сергей, конечно, сразу облапил малолетнюю пассию.

Алена давно предлагала Сержу заняться утренними пробежками, и не ему одному. И видишь ты как — то шархался, а тут прямо позвонил, пришел и полчаса уламывал. Хотя она была согласна сразу, но немного его понервировала, чтобы осознал. На Серёгу ей было плевать. А вот второй паренёк оказался куда более интересен.

Так вот ты значит какой, Марат, по прозвищу Зуболом. Она ожидала посмотреть вблизи на что-то зверообразное, помесь медведя с динозавром. А тут — невнятный паренёк, ни мышц, ни роста. Обычное, серое, малолетнее недоразумение, сколько раз рядом пройдешь в школе — не обратишь внимания.

Марат разминался на баскетбольной площадке. Тянул ноги, разминал торс. Алена подошла почти вплотную, на пять шагов. Несколько секунд смотрела, а потом взяла правую ногу за пятку, и медленно вытянула ее. Над головой.

Гимнастика, — сказал Марат скорее утвердительно, чем спрашивая. — Явно спортивная, а не художественная...

Алена кивнула, и сменила ногу. Потом подошла к скамейкам для болельщиков. Которые представляли из себя два бревна, лежащих в полутора метрах параллельно друг другу. Алена встала обеими ногами на одно бревно, а потом сделала шаг правой — и оказалась на продольном шпагате. Очень эффектно.

Марат усмехнулся, подошёл к девушке, словно висящей в воздухе, и нарочито неуклюже — сел на бревна..., на точно такой же шпагат.

Глаза Алёны расширились. На мгновенье. Мальчик то у нас с сюрпризами...

Один-один, — сказала она.

Легким движением соскочила с бревен. Два шага — и вот ноги Алёны мелькнули в воздухе.

Маховое сальто вперёд, без рук, — одобрил Марат.

Сам он тоже позволил себе два шага — и сделал простое сальто.

Что, неожиданно? Да легко!

Корявенько, но сойдёт, — усмехнулась Алёна. — Два — два. А вот так?

Она встала на одну ногу, вторую поймала руками, за головой. Марат так не мог. Это уже профессиональное умение.

Но у него тоже есть кое-что в запасе. То, что могут очень немногие.

А вот так? — спросил он в свою очередь, принял "упор лёжа". Потом перешёл в упор "на три пальца". Потом, нарочито медленным движением — убрал левую руку за спину.

Медленно отжался, на трех пальцах правой руки.

Вскочил. В голове шумело. Это упражнение требовало максимальной сосредоточенности.

Браво, — почти беззвучно похлопал Алёна в ладоши. — Три — три? Ничья?

Ага, — согласился Марат, продолжая отдуваться. При слове "ничья" он автоматически протянул руку, будто на соревнованиях перед или после схватки. Алёна улыбнулась и пожалала протянутую пятерню.

Чудесная у вас рука, — сказал Марат, задержав ее ладонь в своей чуть дольше положенного. Это уже стало входить в привычку. Compliments, намеки, работа с телом....

А у тебя как рог у носорога, — отозвалась Алёна. — Реально, словно рог подержала. У маленького носорога.

«А что-нибудь другое подержать у меня сможешь?» — эту пошлость Марат вслух, конечно, не сказал.

Здорово, — раздалось сбоку. — Потрясно.

Сергей стоял буквально в десяти метрах от них, держа Иру за руку.

"Пальцы не переплетены, — автоматически отметил про себя Марат. — Они ещё не спали друг с другом".

Да, очень занятный мальчик, — тягучим голосом сказала Алёна. — Я сто раз проходила мимо него в школе, и даже подумать не могла. Думала что Зуболом это этот, который другой, Мурый, кажется. Теперь понятно.

Говоря так, Алёна приблизилась к Сергею, оперлась на его плечо, и прильнула, буквально повиснув на нем всем телом.

Ага, кажется, у кого-то после тренировки будет секс. Реальный такой, животный трах на широкой постели. С мощной, сильной и гибкой самкой. И ещё неизвестно, кто будет сверху...

Комарова, (и Марат это хорошо видел), опустила вниз лицо. Чтобы никто вдруг не заметил на нем тяжёлый гнев и безобразное бешенство. Марат даже ее пожалел.

"Терпи, подруга. Путь по дорожке из роз усеян шипами, — думал он. — Но я тебя выручу. Сегодня. В конце концов — я кто? Одноклассник. Тренер. И твой друг. К тому же,

познакомиться поближе с Аленой — это очень хорошая мысль. Да и кудрявого бычка надо на место поставить".

Марат улыбнулся так добродушно, как только мог:

Большое спасибо за слова похвалы моим скромным талантам, — голос его звучал озорно и весело. — Мне было очень приятно. Я даже посмею попросить Алёну Великолепную разрешения проводить ее до дома.

"Как только заведешь за угол, убей эту толстую свинью", — говорил взгляд Иры, обращённый на Зуболома.

Алена отлипла от Сергея, и взглянула на Марата по-новому.

Как на насекомое, которое вдруг заговорило человеческим голосом.

Да я сам справлюсь, — уверенно сказал Сергей.

А тебя..., - Марат выждал малюсенькую паузу, как будто искал слова. — Вас никто особо не спрашивал, милейший. Алёна уже взрослая девочка, и вполне способна самостоятельно принимать решения, — на этот раз в голосе был слышен рык молодого льва и лязг железных гусениц.

Сергей больше не улыбался. Он даже сжал кулаки.

"Ну давай, бычок, — подумал Марат. — И я буду бить твою голову об асфальт из захвата до тех пор, пока у тебя все зубы там не останутся...".

Ну, вы ещё подеритесь, горячие и молодые, — вдруг сказала Алена. — Конечно, любезный Марат, вы получаете мое согласие. Только побежим, а то простудимся.

Ну, пока, голубки, — попрощалась она, и не оглядываясь — легко побежала к выходу со школьного стадиона.

Как обычно на второй перемене Марат пошел к спортивному городку. Раз подъем переворотом, два, три... Из дверей школы, огибая бегущих под ногами младшеклассников, вышла Ирина Комарова. Марат понимал, что у них будет серьезный разговор, но не думал что так скоро. Семь подъем переворотом, восемь, одиннадцать, шестнадцать...

Ира некоторое время стояла, и смотрела на юношу, который спокойно делал на перекладине то, что не под силу ей сделать никогда. И он это делал легко, непринужденно, не один раз. Даже не десять. Все также спокойно, как хорошо отлаженная машина — подтягивание, ноги вверх, выход на две руки. Без какого либо видимого напряжения и усилия — тело словно само собой скользило вокруг железной трубы. Мощное равномерное дыхание. И когда тело, сжатое в пружину на самом верху, вдруг расправлялось вниз — по земле проносился явно ощутимый ветерок. Внезапно она поняла, что до сих пор на самом деле никогда не видела столь явно ощущаемой мужской мощи. Как замороженная девушка смотрела на игру гладких мышц под блестящей кожей, и на какое-то мгновение представила — что реально могут сделать эти мышцы, на пике своего усилия. Это превращение мальчика в юношу, в мужчину — по настоящему завораживало. Уф, аж мурашки по спине...

Нечаев, — позвал мурлыкающий голос.

Марат сделал ещё один переворот, и только потом соскочил. Обернулся на двух малышей, мучающих себя, и самый низкий турник.

Эй, мелюзга, свалили отсюда. Пока не прописал целебных пенделей каждому, — после этих слов малыши как настоящие волшебники — растворились прямо в воздухе.

Чего надобно, красавица? — спросил Марат поворачиваясь уже к Ире. — Я весь у ваших ног...

Вот какой ты наглый стал, Маратка, прямо не узнать. Хотя это хорошо, даже привлекает, твоя наглость...

Давай, не тяни, чай не комплименты пришла рассыпать...

Во-первых, — Ира прямо на глазах преображалась. Из секс-дивы — в яростную кошку. На тигрицу она не тянула, но крови ей явно хотелось.

Ты молодец сегодня, хорошо увел эту корову. И прямо показал, что эта резиновая кукла теперь твоя. Уже хорошо. Сережа все понял правильно. Но эта дурица может не понять. Это как раз второе, — собиралась с мыслями Комарова. — Так вот, второе. Ты должен...

Я что-то тебе должен? — усмехнулся Марат.

Я прошу, — мгновенно поправились Ира. — Чтобы ты охомутил эту... овцу. Нечего так смотреть. Да, прошу. Чтобы она в тебя втрескалась, чтобы ты имел во все её резиновые щели и отверстия. Чтобы она и подумать не могла о другом, чтобы... Она ведь тебе понравилась? — с надеждой спросила Ирина.

Ещё как, — отозвался Марат.

Ну вот видишь как все просто. Она тебе, ты — её. Я помогу если надо советом, и чем могу...

Ну, так то, ты мне нравишься гораздо больше, — резонно заметил юноша.

Да при чем здесь я? — чуть не вскипела Ира. Но мгновенно собралась:

Я тебе буду очень должна...

А вот это совсем другой разговор!

Очень должна, или очень сильно должна? — по пацанским понятиям Марат был обязан уточнить.

Если человек тебе "должен", то он отдает долг тем, чем взял.

Если "очень должен" — то отдает долг, и что-то добавляет сверху. Иногда просто доброе слово, а иногда и услугу — по своему усмотрению.

Но если ты "очень сильно должен" — то кредитор вправе потребовать сам, что он хочет в уплату. Такими словами не бросаются. Но и уточнять обязательно.

Очень должна, — Ирка тоже была прекрасно в курсе порядка вещей. — Отдам на выбор. Все, кроме... Кроме секса. Уяснил?

Марат размышлял. Само задание было ему по душе, и, естественно, очень льстило. Опять же стимул — не выставить себя никчёмным идиотом перед потенциальной первой красавицей школы. Да и другие плюшки... очень даже ничего.

Я согласен. Не бойсь, подруга, все будет по высшему разряду...

Но запомни, Маратик, если эта бегемотина ещё раз хоть посмотрит на Серёжу, я ведь не остановлюсь. Я буду очень сильно тебе должна, по настоящему. Но ты у меня за это ей руки и ноги выдернешь, скальп мне принесешь, и пригоршню зубов, бусы из них сделаю. Она на инвалидной коляске всю жизнь проведет, вздрагивать будет от каждого шороха...

"Ну, Сережа, тебе капец с такой женой, — вдруг подумалось Марату. — Ты, братец, по струночке в строгом ошейнике ходить будешь".

Ладно. Да понял я, — прервал кровожадные мечты малолетней маньячки Марат. — А то мне самому уже страшно. Задача ясна, приступаю к выполнению. Держи в курсе, если они вдруг чудить начнут, мне сразу звони-пиши, я разберусь. Ну и Алёну-великолепную приберу в свои загребушие ручонки, будь спокойна.

Ирина смерила парня оценивающим взглядом. Конечно, если кому мозг руками и ногами вправить — лучше кандидата не найти. Но здесь — справится ли?

Я на тебя надеюсь, — процедила Ира сквозь зубы. — Не подведи.

Развернулась, собираясь было уходить. Тем временем Марат оценивал количество зрителей бесплатного шоу. Нормально, вполне достаточно любопытных глаз.

Он в два шага догнал принцессу, мечтающую стать королевой, и несильно хлопнул ее. Да, именно по тому самому месту. С удовольствием ощутив, какое у Ирки это место упругое.

Это что ещё! — бешено развернулась Комарова. — Ты чего себе позволяешь?

Скотина, — сказал улыбаясь Марат.

Что?!

Ты чего себе позволяешь, скотина? — спокойно дополнил он ее фразу. — Остынь, подруга. На нас вся школа из окон смотрит. И Сережа твой тоже. Этот шлепок, короче... Ты мне должна. Была очень. А теперь не очень, а просто должна. Поняла?

Поняла, — ярость медленно сходила с прекрасного лица.

Тихо, не расслабляйся, — продолжал Марат. — Комарова, слушай сюда. Теперь сделай шаг, и дай мне по роже. Пощечину. Поняла? Твой князь Сергей ненаглядный очень это оценит. Что ты за него драться готова. За то, что я на него наехал. Иначе что ты ему скажешь? Мне задание давала, девок от него шугать? Зашибись, подруга. А мы тут с тобой светимся, как тополя на Плющихе. Могли бы как-нибудь по-тихому поговорить. А ему

интересно будет... В принципе, сама потом придумаешь, как и что сказать. В более интимной обстановке. Ну! На счет три. Раз, два... — рыкнул Марат.

Пощёчина была совсем не большой. Но размашистой, и очень звонкой...

Может, тебе примочку все-таки сделать? — в десятый раз спросила Травина.

Марат десятый раз улыбнулся. Вот же настырная. Они шли опять тем же маршрутом. Сначала проводили Наташку Шишкину, и опять возвращались к Анькиному дому.

Примочку не надо, и компресс тоже. Анечка ненаглядная, я такие удары выдерживаю, именно по лицу...

Тварь! Вот тварь поганая...

Да меня кувалдой не прошибешь, поверь. Давай лучше зайдем к тебе, кофе попьем с шоколадкой.

Аня вдруг потупила голову.

Только у нас дома, только чай...

Ну я же не напрашиваюсь, а приглашаю, — резонно заметил Марат. — Сейчас в магазин зайдём, возьмём кофе, кучу шоколада. Сахар есть?

Травина отрицательно покачала головой.

Возьмём и сахара тоже, и сливки...

"Очень хорошо", — подумал юноша. Он давно продумывал такой прием, и вот решил воплотить его в действие. Бутылка шампанского, цветы и коробка конфет — это, конечно, не плохо. Джентльменский набор. На один раз. А вот если ты предложил, потом зашёл с девушкой в магазин... Купил не на один раз, а на десять. Сразу весь набор — кофе, сахар, сливки... То в следующий раз попроситься можно куда проще, на уже готовое. Не выпьют же они весь этот кофе за один присест, это точно. И при этом (если свидание получится удачным), то эта банка останется стоять на кухне очень долго, постоянно напоминая о тебе. Прекрасно, просто замечательно...

Кофе они купили почти самый дорогой. Швейцарский Бушидо, маленькую баночку, дороговую, как и все европейское сейчас. С финансами у Марата, как ни странно, все складывалось очень хорошо. Как и все молодые люди, он постоянно искал возможность заработка. Не постоянного, но чтобы пришел на несколько часов — и ушел. Конечно, родители ему оставляли деньги. Стандартная купюра утром на трюмо. На такси не хватало, но на общественный транспорт — самое то. Марат эти деньги копил как мог, и никаким транспортом не пользовался за исключением собственных ног и велосипеда.

Но последнее время денег крайне не хватало. Поэтому юноша отбросил в сторону все условности, и полгода назад, весной — просто пришел в ближайшую пиццерию, и спросил там первого попавшегося работника:

Вам разносчики пиццы не нужны?

Молодой человек, к которому обратился Марат, смерил взглядом потенциального работника.

Нет, — уверенно сказал он. А потом добавил, уже куда менее уверенней:

Зайди вон в ту дверь. Оставь данные, может, что и получится.

Но на самом деле, Марат подошёл к вопросу поиска работы так серьезно, как только

мог. Он заранее напечатал на плотной бумаге свою визитку. Данные, предоставленные на маленьком прямоугольнике, были вполне спартанскими. Вверху напечатано: Марат. Под именем — номер телефона. И все. Зачем засорять пространство ненужными красотами и подробностями? Эту самодельную визитку он и оставил очень занятой бумагами девушке, которая даже не взглянула на него, а занесла данные в компьютер и сказала стандартное:

Вам позвонят...

В тот же вечер ему позвонили.

Марат? — раздался голос в динамике.

Да, — ответил он.

Нечаев? — поинтересовались в трубке.

Парень не удивился, что его фамилию знают. Имя Марат было действительно редкое, кроме него в городе был ещё один Марат, но это был дедушка, очень преклонного возраста. А набрать в поисковике имя Марат и название города любой дурак может. И, естественно, узнать его фамилию. Минутное дело, короче...

Нечаев, — подтвердил он.

Точно? — спросили в трубке.

Точно, — подтвердил он.

Завтра можете подойти в пиццерию Мерано? Вы учитесь, работаете?

Учусь.

Тогда после учебы, во второй половине дня. Спросите Светлану, менеджера по персоналу. Устраивает?

Вполне...

Вот и прекрасно, ждём вас, — и звонок прервался.

Его взяли, быстро и сразу. Даже без всяких бумажек. Он на это не заморачивался. Десять заказов в день — пустяки для молодого человека с велосипедом. Триста рублей на руки после их выполнения — очень даже неплохо.

Работал он по графику день через три, и ещё в выходные, если позвонят и попросят. Жаль, что это продолжалось недолго.

Уже в середине июня его услали в деревню, к бабушкам и дедушкам. Из Мерано ему позвонили, узнали ситуацию. И без лишних вопросов попросили, что как только он приедет — пусть опять свяжется со Светланой, место для него найдется.

Он собирался уже звонить на первой учебной неделе, но его опередили.

Марат, когда можете выйти на работу? — поинтересовалась Светлана.

Завтра, — ответил он после секундной задержки.

Сегодня никак?

"Это что сейчас происходит?" — подумал он изумленно, а в трубку ответил:

К огромному сожалению, только завтра.

Хорошо, — согласилась Светлана. Но отключаться не спешила.

Что-то ещё? — поинтересовался в напряжённую тишину Марат.

Динамик тотчас ответил короткими гудками.

Выйдя на работу, Марат удивился. Во-первых, заказов стало меньше. Ему дали только

шесть в первый день. Чего тогда так спешили, спрашивается? Во-вторых, во всех шести местах он получил чаевые. И какие! При стоимости заказа от силы пятьсот-шестьсот рублей ему без всяких разговоров вручали тысячу и от сдачи отказывались, хотя он честно пытался ее всучить. А так как чаевые разносчики забирали себе... За десять рабочих дней по четыре часа в день за месяц он заработал столько, что мог бы себе купить новый велосипед.

Марат имел не очень много жизненного опыта, но знал, что в большинстве ситуаций лучше десять раз спросить, чем один раз запороть дело. Однако, (в одном случае из десяти) — правило имело исключения. Иногда было лучше промолчать, чем задавать дурацкие вопросы. В случае с пиццерией он предпочел вообще никаких вопросов не задавать. Все всех устраивает? Прекрасно! Зачем усложнять жизнь? Меньше знаешь — крепче спишь — отнюдь не дурак сказал... Тем более на руках за один день у него оказалось... Без малого три тысячи!

Таким образом, кофе, сахар, сливки и четыре вида шоколада вовсе не разорили его. Марат подумывал, не купить ли ему в добавок к этому добру коньяка, хотя бы маленькую бутылочку, которые бывают на кассе, по пятьдесят грамм... Чтобы все по взрослому — кофе со коньяком. Но как назло в этом магазине все спиртное стояло в спецотделе.

Они пришли к Ане домой, важные и взрослые, с покупками из магазина. В лифте поспорили на счёт достоинств разных видов шоколада.

При входе в квартиру Марат обратил внимание, что девушка не сняла кроссовки друг об друга, как обычно делают все подростки, но аккуратно развязала шнурки и сняла обувь руками. Кроссовки были очень старые, но не драные, и почти не царапанные. Все в этой квартире было таким — старым, но ухоженным. Мужской обуви в прихожей нет. Значит, Аня и ее мама живут одни. В ванной тоже только женские шампуни и куча пробников, которые раздают бесплатно в магазинах. Старенький комод, старый шифоньер. Древний стол на кухне. Старые разномастные вилки и ложки, ни одной одинаковой тарелки. Мда.

В холодильнике: коренья, соленья да варенья, разной степени давности. В морозилке — три полиэтиленовых пакета непонятно с чем. В одном вроде ягоды, во втором — грибы... Все здесь говорило, что люди, живущие здесь, балансируют на грани нищеты и безнадежной нищеты. Старый телевизор, большой, но кинескопный. Раритет... Мда, Марат понял, что если собирается сюда заходить ещё — то только с пакетом подарков. И ещё он понял, что Анька, взрослая, ухватится за любую возможность свалить отсюда, и как можно дальше.

И он, чемпион, отличник и сын врачей, вполне состоятельных людей — очень и очень неплохая кандидатура. Уж больно быстро Аня переделалась из школьной формы в домашний халат и вышла к нему, простая и доступная.

И снова они болтали, ели шоколад, пили кофе. В какой-то момент Марат решился.

Он встал, положил свою чашку в раковину, развернулся. Аня сидела к нему спиной. Была — не была! Он положил руки к ней на плечи. И сказал:

Муррр.

Сказал так, как научился. Чтобы от этого мягкого "ррр" — колени подгибались. Анька несколько секунд сидела неподвижно. А потом потерлась щекой об его руку.

Мурр, — ответила она с едва слышимой хрипотцой. — Ко-отик.

Марат обнял девушку, склоняясь к ней все ниже и ниже, рассчитывая поцеловать шею, но так, чтобы она почувствовала не зубы, а дыхание. Чтобы задрожала, как осиновый лист... Его руки скользнули в короткие рукава ее халатика. Он трогает женскую грудь. Настоящую! Теплую, мягкую, с острыми сосками! Афигеть! И она не сопротивляется! Не грудь не

сопротивляется, а девушка... И в этот момент Марат почувствовал.

Запах.

Травина пахла... фермой! Прокисшим парным молоком и коровьим навозом. Да, черт побери! Нет, точнее. И вообще черт знает что! Марат не очень любил этот запах, вообще едва терпел, а теперь просто возненавидел. Этого быть не может, он от этого запаха с ума сойдёт, сиганет прямо с восьмого этажа...

Так быть не должно! Все должно быть прекрасно. И обстановка, и девушка, и кофе с шоколадом, и запах, он тоже должен быть прекрасен. Это же в первый раз! И у него, и у нее. Это должно вспоминаться как сказка, на всю жизнь. Первый раз...

И что он будет вспоминать? Как драл девицу в атмосфере навозно-кисломолочного перегара? И потом, Марат принюхался и к себе. Да от него самого прёт, как от скунса! Ладно, спокойно. Да, он идеалист, романтик и этот, как его... перфекционист. Кажется, так. Все поправимо, ничего страшного не произошло, и не произойдет.

А поступим мы вот как...

А поступим мы вот как.

Травина, — сказал он спокойно и серьезно. — Я очень тебя хочу. Как мужчина женщину. Это так, и ты наверно, это чувствуешь. Но я бы хотел, чтобы у нас все получилось хорошо. А я сегодня с утра пробежал три километра, потом побежал в школу, занимался там, и на переменах тоже, ну ты в курсе. Я воняю как драный козел и не допущу, чтобы твой первый раз... И мой тоже... был такой, как будто между нами этот самый драный козел пробежал.

Аня повернулась и смотрела на него с доверчивой улыбкой.

Поэтому вот что, Анечка... Я свое хотение приторможу на десять минут и пойду в душ. Там, как сумею, надеюсь что приведу себя в порядок. Родители у тебя в ближайшее время не заявятся?

Мама работает до восьми и будет здесь полдевятого, — ответила она с готовностью.

У нас куча времени и спешить мы не будем, — с облегчением сказал Марат. — А вот ты, пока я буду в душе, хорошо все обдумаешь. Хочешь ты того же что и я? Или нет? Если хочешь — то тоже идёшь в душ, и приходишь ко мне, в спальню. Там у вас есть балкон, я хоть постою, покурю. Если не хочешь, просто зайдешь, без всякого душа, и я буду знать, что ты не готова сегодня, чтобы нам...

Марат осекся. Что "нам"?

Чтобы нам лучше понимать друг друга без всякого выяснения отношений, — сказал Марат. — Как тебе план?

Очень хороший план, — ответила Аня со вздохом. — От меня что, воняет?

Твою мать!

Анечка, ты пахнешь просто божественно, — не моргнув глазом соврал Марат. Ещё не хватало бедной девочке комплекс повесить.

Просто я так хочу... Звучит двусмысленно, знаю. И у меня никого до сих пор не было, это правда, — сбивчиво объяснял он. — Давай торопитесь не спеша. Ты пойми, я тут кое-чего поднабрался, за лето. Смотреть умею теперь спокойно, улыбаться, комплименты делаю, только в путь. Вы, девушки, от этого заводитесь, это понятно, когда за вами умеют ухаживать и показывать, что вы нравитесь. Я даже стихи выучил, и про тебя тоже. И потом, я же гораздо сильнее. Я могу тебя вот прямо отнести, и сделать все что захочу, а ты и пискнуть не сможешь... Но будет по другому. Как именно — я и сам не знаю. Первый раз, ты пойми. Если я научился заводить машину ключом, то это не значит что вот сел, и поехал. Поэтому я пойду в душ, и буду ждать. А уж ты сама решишь. Как придёшь ко мне? Тоже после душа... или просто придёшь, и мы продолжим нашу увлекательную беседу.

Стихи? — весело спросила Аня. — Про меня? Ты сочинил?

Да не я. Александр Блок. Про донну Анну. Считаю что про тебя. Я только выучил.

Выучил? Наизусть? А расскажи!

Вот ты какая торопыга, — покачал головой Марат. — У тебя полотенце есть?

Марат стоял на балконе, смотрел на заходящее солнце и курил. Да, он курил. У него в

потайном кармане сумки всегда была открытая пачка. Обычно это были сигареты с мятной капсулой. Как и сейчас. Вообще он не мог понять — это привычка или нет? Иногда пачки хватало на месяц. А в другой раз всё уходило за вечер. Но вообще сигареты сами по себе — удобная вещь. Особенно в тяжёлом разговоре. Всегда есть секунд двадцать. Пока достанешь, вытянешь, найдешь зажигалку. Дым создаёт причудливые узоры, прямо жизнь в миниатюре, хрупкая и полная хаоса. Огонек тлеет, бумага превращается в прах, табак — в пепел. Как человек. Вроде бы живёт, тлеет, но после него лишь прах и пепел. И окурочек — как маленький гробик, никому не нужный.

Блин, надо что-то решать. В конце концов, он сюда пришел не носом нюхать, а членом трахаться. Вонзить гигантский твердый ствол в узкую влажную щель. Ага. Титан секса. Профессионал с огромной теоретической подготовкой. Десятки часов просмотра порнографии и сотни влажных фантазий под одеялом. Ничего. Нормально. Как-нибудь... прорвёмся... Не впервой. Точнее, впервой, но где наша не пропадала? Вот Аня входит, он слышит, как она возится около дивана, хлопает шкафом. Может — раздевается? Вот он сейчас бросит сигарету, и зайдет в тьму спальни, слепой от солнца, а она там лежит, раскинув руки как морская звезда, абсолютно голая и даже бритая в интимном месте. Его маленькая послушная девочка.

Пора!

Марат резко развернулся, отметил во мраке комнаты — где находится силуэт в халатике. Она все-таки решилась. Пошла в душ, Марат даже бесшумно пробрался к двери, словно она могла его услышать сквозь шум воды, и попробовал эту дверь открыть. Было заперто, естественно, и после этого он и пошел курить...

Резко открыв балконную дверь, он отбросил тюль в сторону, ворвался, хорошо заученным движением слегка наклонился, обхватил ее за бедра, поднял вверх. Сейчас она пахла обалденно. Просто высший пилотаж. Вот только она не ожидала такого напора, и отчаянно била его невесомыми кулачками по плечам, голове. Потом попыталась расцепить ему руки... Боролась молча, но отчаянно, даже неожиданно как-то, вроде бы не должно быть так.

Молодой человек, немедленно меня отпустите! — прозвучал с высоты незнакомый, строгий и приглушённый голос.

Марат оторопел. Он секунду стоял неподвижно, а потом перехватил женщину левой под колени, правой — под спину. Она упёрлась обеими руками ему в грудь. Глупо, надо за шею, группироваться, и контрблок с захватом — пронеслось в голове. Вслух же он сказал:

Тихо, не кричите, я нечаянно, — потом подумал и добавил:

Ребенка перепугаете...

Отпустите..., - женщина орать вроде не собиралась.

Очень аккуратно он поставил ее на пол, как хрупкую китайскую вазу тончайшего фарфора. Надо говорить, сбивать ее с мыслей. Не дать набраться гневу.

Я Марат Нечаев, одноклассник Анны, напросился на кофе...

Дверь в спальню отворилась, и в ней показалась Аня, в точно таком же халате. Выжимая полотенцем мокрые волосы.

Ой, мам, привет. А я слышала — ты пришла. Знакомься, это Марат Нечаев, мой одноклассник. Я его на чай пригласила, а он кофе купил...

"Умница", — похвалил Марат подругу взглядом.

Мама Ани посмотрела на чадо. Потом на Марата. Ещё раз на Аню.

Чайник то горячий? — сказала она совершенно спокойным голосом. — Пойдемте, напоите меня кофе, я сегодня пораньше отпросилась...

Марина Николаевна считала себя достаточно опытной женщиной. Это раньше она была — дура-дурой. Выскочила замуж в шестнадцать, за одноклассника, сразу после девятого класса, едва выпустившись из школы. Любовь, морковь, и все дела. Уже была беременной Анечкой. Муж исчез через два года. С тех пор она была с мужчинами еще три раза. Последний — шесть лет назад. Это было просто невероятно, но это так. Это было еще более невозможно, так как выглядела Марина прекрасно. Тридцать два года. Сорок девять килограмм. Минимум морщин. Прекрасные волосы, и тонкие черты лица — они с дочкой были почти как две копии, за двадцать шагов и не отличить.

На последнем вечере встречи выпускников её «снял» другой одноклассник, которому она давно нравилась. Он и тогда, в юности, отличался немалыми габаритами, а уж сейчас...

Марина даже не поняла — побывал он в ней, или нет? Огромное жирное туловище недолго прижимало ее к простыням в каком-то дешевом номере мотеля, потом Игорь подергался, откинулся на спину — и заснул.

Это была жуткая жуть. Она с отвращением поглядела на безобразное тело на смятой постели — и поскорее, кое-как одевшись, покинула это место.

Да и остальные, честно говоря... Любовнички, мать их... Марина испытывала слабость к мужчинам крупным, высоким. А на поверку они оказывались жирными, как будто напитанные клейстером или теплым студнем.

Но то, что произошло сегодня...

Руки, которые схватили её бедра — были железными. Стальные крючья, перевитые канатами сухожилий и мышц. Ее прижимали к груди, которая, казалось, была выкована из стали. Этот милый мальчик, который сейчас сидел напротив неё — вертел её в руках как куклу, абсолютно не ощущая тяжести и сопротивления. Да если бы даже она рвалась изо всех сил — он бы этого не заметил...

Марат у нас спортсмен. Чемпион города, — меж тем говорила Аня. — Сколько ты занимался борьбой?

С первого класса, — с готовностью отозвался Марат.

Уж кто-кто, а он прекрасно заметил изучающие взгляды...

И еще отличник. Представляешь? Две четверки всего по итогу, сказали, чтобы он их исправлял, и выйдет через два года с серебряной медалью. А может — и золотой. А он не хочет.

Сколько есть, столько и есть, — простодушно отвечал Марат.

Эх, Анька его сейчас захвалит. Точнее, это она вовсе не его хвалит. Это она своей добычей перед матерью хвастается.

А маман у нас очень даже ничего. Очень и очень. А любовника нет.

Марат продолжал много читать, особенно по интересующим его вопросам. А в книгах можно найти много чего интересного.

Как вообще распознать мысли женщин? Это же вообще — темный лес. Она может улыбаться тебе, делать разные движения, говорить разные слова — а в голове черт знает что...

Вот как сейчас. Явно, что у Марины Николаевны никого нет. Ногти коротко подстрижены — раз. На безымянном нет обручального. Но на указательных, средних пальцах обеих рук — по колечку. Как доспехи, своеобразная защита. Цвет волос — обычный, не агрессивно рыжий. Как будто — чтобы сливаться с толпой.

И седина. Едва заметная, два-три волоска всего. Давно не красилась, а если бы кто-то был — она эту седину бы вмиг убрала, под любой цвет.

Туфли в прихожей — как кроссовки у Ани — старенькие, к тому же поцарапанные. Женщина из кожи выпрыгнет, но если есть любовник — купит себе красивые туфли, пусть дешевые, только для особых случаев. Конечно, это можно списать на бедность, с одной стороны... Но...

Дальше.

Мужчины в этом доме давно не было. Очень давно. Спиртного ни в одном шкафчике на кухне не обнаружилось... Нет чего-то похожего на вазу, куда можно поставить букет... Отпустили с работы — и она сразу пошла домой... Сколько уже — девять пунктов?

И, десятый, самый главный — взгляд. Не просто оценивающий. Не просто любопытство. Да она его раздевает, буквально, по-настоящему. Оценивает. Какой он под одеждой? Не только как мужа для дочки. Но больше... для себя?

Марина Николаевна непроизвольно сглотнула слюну. Уф, да она горит вся, стук сердца в ушах отдается. Он что, догадался? Она только что представила, как это молодое, железное тело вжимает ее в глубину дивана, как она вскрикивает от безумного напора. Как он ворочает ее, практически невесомую, в своих железных борцовских руках, яростно рычит как дикий зверь, и она жалобно скулит ему в ответ. Господи, что за похабщина? Это же мальчик, обычный мальчик, одноклассник ее дочери! Но сколько в нем дикой необузданной силы, он ведь даже не пошатнулся от ее рывков...

Марат поднял на нее горящий взгляд зеленых глаз, зафиксировал. В голове Марины Николаевны раздался звон. Мальчик напротив пропустил чайную ложку между пальцами, опустил голову, и (зная, что она наблюдает) — поднес эту ложку к своим губам, и облизал. Кончиком языка. Нет, так дальше продолжаться не может, это невероятно. Уши небось тюльпановым цветом горят... И Анька глупая, ничего не замечает. Марина вскочила, отнесла кружку в раковину.

Марату, наверно, надо домой, — сказала она, пытаясь, чтобы голос звучал не хрипло. — Уроки надо готовить. Да и родители наверно...

Она не удержалась. Рука просто сама собой, бесконтрольно — легла на его плечо. Пальцы чуть сжались. Камень. Чистый, гладкий и теплый камень...

Да, конечно, — легко согласился Марат, и тоже встал.

Они попрощались, очень тепло. Анька, явно смущаясь, чмокнула юношу в подставленную щеку. Женщине он протянул руку.

Было очень приятно, — сказал он ровным, спокойным голосом, когда ее рука оказалась у него. Он, словно в знак уважения (что, честно говоря, и было) — придержал тоненькую кисть второй рукой. Чуть дольше, чем положено. На какую-то миллисекунду. За которую успел указательным пальцем ее погладить. Как будто... случайно... так получилось.

Как только дверь захлопнулась, Марина Николаевна встряхнула головой. Потолок слегка кружился. Головной боли, по которой она отпросилась с работы — не было вообще.

Так, я в душ, — скомандовала она больше сама себе, нежели констатируя факт.

Наверно, стоит рассказать, как складываются дела у Марата на утреннем любовном

фронте.

Психологически здесь ему было гораздо проще. Во-первых, это даже не совсем его желание. Первая красавица класса поручила ему: завлечь и соблазнить. Найти и ликвидировать. Завалить и обезвредить. Это придавало уверенности — что нужно не только тебе одному. Во-вторых, придавало самому действию еще больший оттенок профессионализма. Утренние пробежки — это то, с чего начинается утро профессионального спортсмена. И плюс к этому профессиональное задание...

Вообще, Марат терпеть не мог любительства. Его просто коробило на всех этих школьных мероприятиях. Когда люди, слабо понимающие что такое голос, ритм, шарм и актерское мастерство — вдруг лезут на сцену с микрофоном. Караоке было для него мучением, сродни добровольному садомазохизму. Фотографии в школьную стенгазету — зря потраченное время, усилия на клочках бумаги, смотреть на которые можно только с закрытыми глазами. Да и сами заметки... Марата чуть не стошнило, когда он прочитал парочку.

Можно понять взрослых — они то наверняка считали, что так дети тренируются.

Да, действительно, если не умеешь — тренируйся. И не пытайся выставить свои тренировки — что это какой-то промежуточный результат. Там до результата, даже промежуточного — как до Луны на корячках.

Поэтому сам Марат подошел к своему заданию как только мог профессионально. Нашел дома наушники с микрофоном, проверил как пишется звук. Вышел на свою подъездную площадку и несколько раз отработал ситуацию, движения и слова.

Утром, как они и договорились с Аленой — зашел за ней. Они отбежали пять кругов, размялись. Проводил до подъезда.

Погоди, разговор есть, — сказал он, и как будто выключил музыку на телефоне. Хотя на самом деле — включил запись.

Пошли в подъезд. Три минуты всего.

Алена ничего не сказала, и пропустила его.

Уличный шум просыпающегося города и ветер — довольно серьезные помехи для записи.

Слушай, — начал Марат в подъезде. — Мне бы ситуацию прояснить. Вы с Сергеем вроде как встречаетесь, мне сказали. Типа даже там... Ну сама понимаешь. Тыц-тыц, — Марат старался, чтобы фраза звучала как можно более похожей на непонимание младшеклассником взрослых отношений.

— Спите там, вместе, говорят. А я тут вклинился, как клоп. Пойдут разборки — скажут: ведь я не прав. Ну, я и буду не прав. Увел девушку, да с угрозами. Что за такое полагается? А если вы вместе, я просто извинюсь, и все...

Что-о? — в вопросе Алены было столько недоумения и злости, что впору прятаться. — Да чтобы я? С таким убожеством? Ты за кого меня принимаешь? Это он что ли, язык распускает? Вот уродина, позорник...

Да что ты, ну это я так, краем уха. Вы же вместе пришли. Ты на него вешаешься, он тебя проводить пытается. А я вообще ни в курсе, что там у вас, да мне и наплевать, если честно, меня больше последствия интересуют.

Ничего между нами не было, нет, и не будет. Никогда, — фыркнула Алена и поспешила

по лестнице вверх.

Вешаюсь! — слышалось сверху фыркание. Да, похоже, девушку здорово пробрало. —
Спите... Тварь безмозглая!

Ну и хорошо, — сказал Марат, и выключил запись.

На уроках он переслал запись Комаровой. Та слушала напряженно, несколько раз. А потом посмотрела на Марата. Так тепло, что реально можно было растаять. Показала большой палец — вверх.

Да не проблема, — ответил Марат вслух, чем вызвал маленький переполох в классе.

Жизнь прекрасна и полна приключений.

Пробежки пошли чередой, не прерываясь на выходные. Марат все чаще приглядывался к напарнице Алёне. Все чаще ловил себя на мысли, что Алёна ему нравится. Не сама, а именно и конкретно — её тело. Рано повзрослевшее, хотя все еще налитое юностью и гибкостью тело.

Он с удовольствием этим восхищался. Compliments сыпались из него как из рога изобилия. Постоянно пытался ловить взгляд.

А вот Алена избегала смотреть ему в глаза.

Постоянно пытался к ней прикоснуться.

Этого она не избегала.

В какой-то момент Марат почувствовал — можно. На улице было уже довольно холодно, когда он решился зайти за ней в подъезд. Там, на площадке второго этажа — прижал её к стене. Руками за плечи.

Алена не сопротивлялась. Просто стояла и... ничего. Как кусок стены.

Ты мне очень нравишься, — сказал Марат.

Она подняла взгляд и посмотрела прямо в глаза. Как тяжело таки бывает с людьми, которые не могут четко и ясно выразить свои чувства мимикой! Марат потянулся губами к ее лицу.

Алена освободила одну руку и положила палец ему на губы.

Тихо, мальчик. Никаких поцелуев, — сказала она. — Поцелуй это когда любовь.

Руки Марата скользнули по ее телу вниз, к бедрам.

Никаких рук у меня в трусах, — сказала Алена настолько обыденно, что юноша даже отпрянул.

А... как? — сказал он растерянно.

Да как хочешь, только с соблюдением этих правил, — Алена уже поднималась по лестнице.

Потом остановилась и уточнила:

Этих правил, и еще некоторых...

«Каких, етишкин самолет, правил...»? — подумал Марат, но вслух ничего не сказал.

Ладно. Не в первый раз. Разберемся, что это за правила...

Марат понимал, что застрял на одной точке. Он ещё раз прокручивал в голове: кого же ему выбрать в напарницы? Комарова, красавица и умница? Смешно. Травина? О да, она бы наверняка позанималась с ним чем-нибудь по-взрослому. Но этот вариант можно держать только как запасной. Наталья Шишкина — может и не понять, да и болтушка страшная. К тому же они одноклассницы Марата. Это уже серьезный риск. Стоит только одной открыть рот — и стенгазета с самодельными стихами покажется детским садом. Есть соседка, Екатерина, живёт этажом выше, в детстве часто заходила за ним, звала кататься на горку зимой и на велосипеде летом.

Но на два года старше! Не воспримет всерьез, однозначно. Выходило так, что Алена самый лучший кандидат. Спортсменка — а это собранность, дисциплина, желание развиваться. Тоже придумала, или даже вычитала какие-то правила. Интересно, даже что это

за правила?

Наверняка она готова поделиться своими находками и наработками. Марат уже намекал ей, и девушка явно заинтересовалась. Надо просто ей рассказать, в этом сложного ничего нет, они постоянно беседуют во время пробежек. Тем более что тем для обсуждений более чем достаточно — Марат убедился, что читала Алена не меньше чем он сам. Причем в том числе серьезных авторов — Цвейг, Пруст. Конечно она читала и Дюма, и Джека Лондона, и Марка Твена, и отнюдь не только в рамках школьной программы.

Д'артаньян она презирала. Предать любовь такой женщины! Атос — сноб, жидко наложивший в подштанники, когда узнал, что его жёнушка здорово гуляла в свое время. Портос — расчётливый чурбан. Арамис — воплощение коварства и двоедушия. Нашли друг друга четыре придурка, короче... Бэкингом — идиот, не умеющий дарить и понимать подарки. Анна Австрийская — просто дура, вообще не понимающая кто она и где она. Констанция — случайная жертва мелких дворянских дрызг.

Содом и Гоморра, короче, а не эталон мужской дружбы.

Читала ли она Анжелику? Конечно. И да, дальше первой не пошла, продолжения — слабые попытки повторить успех первой книги. Но первая хороша, несомненно хороша. А знает ли Марат, что на востоке существовало искусство, по которому женщина могла удовлетворить мужчину — не касаясь его вообще? Танец живота видел? Да не на экране, а живую? Да, это когда наслаждение приходит... от некоторых телодвижений. Но происходит то оно — в голове!

Они бежали по школьному кругу и разговаривали. Снег в этом году запаздывал, зато дождей было предостаточно. Молодая пара легко скользила над мокрым асфальтом, в унисон перепрыгивая лужи.

Я вот пытаюсь сейчас освоить технику завязывания черешка вишни во рту. Говорят, это эталон владения собственным языком для женщины, — сказала Алена совершенно серьезно, без малейшей тени улыбки. И тогда Марат точно и четко понял — да, это та, которая нужна сейчас. Ученица, партнёр и учитель в одном флаконе...

А что ты хочешь уметь? — спросила она на последнем круге.

Я бы хотел уровень мастерства, чтобы уметь соблазнить и удовлетворить любую женщину. Но не пикап. Чтобы... надолго. Желательно навсегда. Когда встречу ту самую, — ответил он так же совершенно серьезно.

Романтик. Сейчас даже романтики — прагматичные и циничные, — сказала Алена на бегу. — И как? Получается?

Кое-что да. Кое-что нет. Некоторые вещи в одиночку точно не отработать. А если привлекать одного возраста — вляпаться можно. С сестрами такие вещи... тоже не стоит отрабатывать. Улыбку, движения и слова — запросто. Но дальше...

Понятно. Хорошо, — просто сказала она. — Заходи ко мне после школы, расскажешь. Мне уже интересно.

На этот раз Марат не летел как на крыльях на первое свидание. Тут, вполне возможно, все будет очень серьезно. Он не взял шоколад — Алена его не любила.

Возьми что-нибудь терпкое, кислое. Швепс, ананасовый сок можно.

Ананасового сока он не нашел, а вот Швепс — пожалуйста.

Алена встретила его голоногой. В одной легкомысленной рубашке. Трусики, правда, присутствовали. И ноги были очень ничего. Настолько хороши, что Марат даже залюбовался

ими.

Пойдем, чай пить, — сказала Алена и прошла на кухню. Там, на столе, лежала тарелка, полная спелой вишни. Хотя сезон давным-давно прошел, но в современных супермаркетах чертей лысых можно найти, со всех концов света.

Алена взяла одну из вишенок, положила в рот. Марат судорожно сглотнул. Очень неплохо.

Ты как, с кем уже трахался? — в лоб задала Алена вопрос.

Нет, — ответил растерявшийся Марат.

А я вот да. Хотя всего три раза. И уже надоел. Отшила его, Андрей, на красном Мерседесе в школу приезжал. Помнишь такого?

Конечно, Марат помнил местного выпендренника Андрея Редькова. В этом году, слава богу, свалил из школы в ВУЗ, учиться дальше. А уж сколько разговоров было, когда Редька, галантно открывая дверь своего «Мерина», усаживал очередную пассию на переднее сиденье. Хотя рыдван у него был, честно говоря, изрядно потрёпанный — если приглядеться хорошо. Но Марат Андрею не завидовал. Тот отходил в борьбу всего пару месяцев — и бросил. К великому облегчению тренеров, которые сразу раскусили, что местный донжуан повадился в спорткомплекс больше по души девиц из баскетбольной команды. Ну и естественно, за гимнастками. Поговаривали, что две пассии из-за него сцепились, не на жизнь, а насмерть. «Редька» попытался их успокоить, после чего эти две тхеквондистки, наконец, сообразив, кто тут главный источник бед — так его отделали, что он неделю в школе не появлялся...

Хочется? — участливо спросила Алёна. Тормозов у девушки, похоже, совсем не было.

Очень хочется, — честно сознался Марат.

Потихоньку они разговорились. Алёна тоже практиковала и училась работе с телом. Но ее направление было именно работа с собственным телом. Она долго ходила на гимнастику, потом специально осваивала танцы. Из ее объяснений Марат понял, что она хочет освоить стиль "экстаз без прикосновений". Если можно его так назвать. Она добилась, по ее словам, что теперь движения её тела приковывали взгляды всех мужчин. Они становились как кролики перед удавом, не могли отвести глаза, и ловили каждое движение. Из уст шестнадцатилетней это звучало как полное бахвальство, но для для пятнадцатилетнего юноши она несомненно являлась авторитетом.

Здорово? — спросила Алена под конец своего рассказа.

Здорово, — восхищенно признался Марат.

Но ты пойми, это конечно прекрасно, но надо идти дальше, — говорила Алёна. — Существовали куртизанки, которые могли заставить мужчину кончить, не прикасаясь к нему. Сочетание макияжа, запаха, одежды, слов и движений, для каждого может быть разное. Но по одним и тем же принципам. Я не могу это отработать одна, мне нужен кто-то, кто бы говорил — правильно или нет. Что он чувствует.

Конечно, — соглашался Марат.

Он с огромным трудом заставлял себя смотреть в лицо девушке. Глаза постоянно стремились вниз. Взгляд старался натурально просверлить полупрозрачную ткань рубашки и любоваться движениями тела без препятствий. Алена, даже сидя — без остановки двигалась,

а когда вставала — то создавалось ощущение, что девушка танцует. Совершенно незаметный, но необыкновенно интимный и возбуждающий танец, только для него. Друг в штанах Марата несколько раз вставал дыбом, да так твердо, что прямо хоть... Хоть волком вой, короче. Причем без всяких видимых причин. Вообще без понимания — а что именно произошло? Просто Марат чувствовал, в какое-то мгновение, касание настоящего волшебства... И всё, можно не сопротивляться, а сразу бежать в холодный душ.

Он понимал, что на девушке всего две вещи, которые отделяют ее от полной наготы. Всего две! В какой-то момент он почувствовал что все, приплыли... надо быстрее в ванну... иначе он просто взорвется. Прямо всю кухню разукрасит кровавыми разводами пополам со спермой... Твою ж мать... Он встал. Алёна тоже встала, перед ним, и вдруг (невероятно, немислимо!) схватила его за член. Прямо через штаны! Сжала...

Все, конец... Марата чуть не выгнуло, тело само по себе ходило ходуном, он только успел отшвырнуть Аленину руку, и сжать ткань между ног так, чтобы не потекло. Колени ватные, взгляд не сосредотачивается.

Алена мерзко хихикает.

Кончил?

Вот зараза, — прохрипел Марат. — Что это было?

Древнее колдовство, мальчик. Очень древнее... А теперь, — голос Алёны приобрел будничные интонации. — Марш в ванну, приводи себя в порядок, и приходи в большую комнату. Сможешь?

Смогу, вроде...

Где-то в глубине души девушка понимала — то, что произошло — это никакая не победа. Заставить кончить себе в штаны парнишку пятнадцати лет, у которого в крови концентрация гормонов и адреналина едва ли не превышает концентрацию красных кровяных телец... Так себе достижение. Но все равно впечатляет. Но на самом деле ее добыча вовсе не ровесники-сосунки, и даже не студенты. Она нацелилась на куда более серьезных зверей, обитателей человеческого зоопарка. Человек, которого она представляла себе как идеал — был намного старше. Как минимум — на десять лет. А может и вдвое... Скорее всего он будет очень опытен. И хитёр, как матёрый волк. И знает все женские уловки. Он не клюнет просто так на ее молодость, которая, кстати, скоро закончится грузной зрелостью — при её то сложении и толстой кости. Времени будет совсем немного. Даже — очень мало, скорее всего. Он, ее будущий седовласый принц (а скорее — моложавый король) — будет богат, умён, серьезно относится к жизни и людям, многого добился. Высоко и прочно стоит...

Кто-то может и назовет ее расчетливой хищницей. Человеком без принципов. Эгоистичной, меркантильной стервой.

Ну а сами? Кто не мечтал найти свою половинку? Кто о чем мечтает? Кто-то о писателе-миллионере, чтобы это был высокий мужчина, жгучий брюнет в безупречной одежде, и изысканными манерами.

А кто-то мечтает о сильном, плечистом, желательном враче, чтобы любил без памяти. Это что? Не расчет? То, что она мечтает — это, черт побери, меркантильность? А то что она готовится встретить свою любовь, влюбить и влюбится, и никуда не отпускать...

Большинство живёт мечтами, но она хочет воплотить свою мечту. И для этого тренируется — часами, днями, неделями, месяцами. Упорно и без скидок, что само

получится.

Не получится!

Она должна быть не просто молода, весела и в меру доступна. Она должна быть на голову выше всех «длинноногих и миловидных». В первую очередь в сексе. Особенно в сексе. Она должна дарить такое наслаждение, после которого мужчине не нужно ничего. Чтобы он всю жизнь — воспринимал эту ночь как эталон. И все последующие ночи — тоже.

Если она сможет так прикасаться к мужчине, что все остальные ласки покажутся ему фальшивыми... Если она сможет двигаться так, что он, замороженный, воспримет всех остальных длинноногих и златовласых — как кривляющихся обезьян.

Если... Очень много этих "если". Их надо просто преодолеть.

Марат вошёл в комнату и увидел, что Алена полулежит на подушках дивана, а правую ногу, гладкую и обольстительную — она спустила на пол. Юноша остановился, немного замешкавшись.

Ты в курсе, — спросил он, наконец, заставляя свой голос быть уверенным и чуть насмешливым. — Что твоя ножка столь прекрасна, что я по-настоящему борюсь с желанием опуститься на колени, и поцеловать ее?

Замечательно, — отозвалась Алена. — Вот этим сейчас и займешься. В твоём распоряжении женская нога, одна штука. Вот по сюда...

Девушка показала ладонью чуть выше колена.

Дальше на сегодня — не залезать...

Марат положил свою руку ей на бедро. Ощущения — восхитительные! По сути, он вообще первый раз вот так, с настоящим сексуальным мотивом, кладет руку на бедро женщине.

Точно? — спросил он игриво.

Точно... - подтвердила Алена.

Ух ты, зараза, — выпалила она, когда Марат схватил ее за пальчики ступни. — Приятно. Сильно не надо, — тотчас же она перехватила инициативу. — И слабо тоже. Щекотно.

Мне кажется, что массаж ног это очень интимная процедура, — глубокомысленно заметил молодой человек, внимательно наблюдая за лицом девушки.

А ты шустрый, — с удовлетворением отозвалась партнёрша. — Я буду говорить, что приятно, а что нет, и как именно надо делать... О да... Матерь божья, — не удержалась она от слабого стога, когда почувствовала зубы Марата на большом пальце ноги.

Месье знает толк в извращениях. Только ножки должны быть чистые, иначе она будет стесняться, — говорила Алена почти не задумываясь, практически то, что приходило в голову. — Продолжай...

Выпал первый снег, укутав землю пока еще ненадежным белым одеялом. Прошли первая четверть. А Марат вот уже несколько недель жил тройной жизнью.

Утром он был — спортсмен.

С упорством маньяка вместе с Алёной они наматывали круги в полумраке осеннего рассвета. Занимались растяжкой. Девушка ставила молодому человеку целый комплекс упражнений на брусьях и перекладине.

У тебя мышцы пока длинные. А когда станешь мужчиной, женщины будут ценить узловатость и крепость. И для этого упражнения с железом, на железе — самое то, —

говорила Алёна. — Мы, женщины, цепенеет от таких объятий, прямо ноги подгибаются, и пустота в голове. Только нужен не объём мышц, а именно их крепость. Знаю я качков — с виду гора мышц. А прижмет — словно к воздушному шару с салом прислонилась. И ручки как свиные окорока сверху давят. А должно наоборот — словно поднимает тебя над землей, такая должна быть сила и крепость...

Вторая треть дня проходила в школе.

Там Марат был примерным и дисциплинированным учеником.

Провожания Травиной и Шишкиной закончились сами собой. К удивлению Марата это оказалось куда проще, чем думалось. Он просто подошёл к подругам на перемене, и сказал:

Девушки. Сегодня, к моему глубочайшему сожалению, я не могу вас проводить, — он внимательно смотрел то одной, то другой — прямо в глаза. Истерик ни та, ни другая устраивать явно не собирались.

Меня после школы ждёт хороший друг, — Марат говорил абсолютную правду. — И мне будет крайне неловко, если я опоздаю.

После школы начиналась его третья сторона жизни Нечаева. Он приходил домой, обедал, лез в душ. Потом, неспешным шагом — шел к Алёне. Ее родители приходили домой куда позже шести вечера, поэтому как минимум два-три часа в день юноша занимался отработкой физических ласк разной степени извращенности. Массаж ног, ступней, рук, ладоней, шеи, спины, лица, живота, груди...

Тебе надо научиться снимать лифчик с женщины, — решила однажды Алёна.

Этому занятию — сниманию лифчиков, они посвятили как минимум три часа. Только и исключительно одной рукой. Лифчики на кнопках. На завязках. На большом крючке. На маленьком крючке. На двух маленьких крючках, на трех. На трех s-образных застёжках. Последний Марату одной рукой снять так и не удалось.

Родители Алёны явно не бедствовали, и лифчиков у нее было не просто море, а какой-то бездонный океан.

А трусики? — поинтересовался на следующий день Марат.

Во-первых, — ответила Алена, томно прикрыв глаза. — Прекрасно можно и через трусики. А во-вторых. Женщина их должна сама снять. Если это делает мужчина — это не считается. Тебе надо научиться довести ее до такого состояния, что она понимает — трусики лишние... И вообще, — она приоткрыла глаза, и в них вспыхнуло веселое пламя. — Сегодня я хочу быть удовлетворенной.

Алена схватила его за шею и потянула Марата вниз.

Он с улыбкой подчинился. Зубами схватил резинку, на которой держались два тонких клочка материи. Алена зарычала, и быстрым движением развязала лямки резинок. Теперь ничто не было скрыто от Марата. Алена буквально ткнула его между своих ног, и юноша почувствовал как ее тело сотрясает крупная дрожь, почти конвульсии. Да она просто едва на ногах держится!

Наконец то, — глухо произнесла Алена. — Еще! — требовала она.

Спроси меня..., - сказал она через минуту.

Что спросить? — не понял Марат.

Ты делаешь неправильно. Надо спросить как мне приятней...

Как тебе приятней? — тупо повторил юноша.

Вот болван, — рассмеялась Алена. — Compliments научился делать, а спрашивать не умеешь. Надо сначала восхититься. Потом сказать — я вот так могу. И вот так... А еще мне нравится у тебя вот это... А тебе что нравится?

Понял, — сообразил Марат.

Марат был в небольшом замешательстве. То, что с ним происходило... Можно ли это назвать, и как это вообще назвать? Глубокие ласки? Наверно так... Все таки секс подразумевает что партнёрша после действий партнёра может забеременеть, так? Но он был внутри... Чувствовал её губы, язык и тепло, там же, внутри. Он все ещё девственник, или уже нет?

Полудевственник, — буркнул сам себе Марат. — Полумальчик, полумужчина.

Но чертовски приятно, что есть, то есть. Вспоминать — и то приятно... Зазвонил телефон в кармане.

Маратка! — раздался в динамике голос Комбата. — Ползи к Строму на хату.

Чего там? — спросил Марат. — Что-то серьезное?

Все нормально здесь. Девки пришли, трахаться будем, «паравозик» намечается. Трамвайчик, точнее.

Молодой человек напрягся. Что-то не понравилось ему в голосе старшего друга.

Чего намечается? — спросил он осторожно.

Трамвай, балбес, — раздражённо отозвался Комбат. — Натаха пришла, Козырева, ты ее не знаешь, сейчас всем давать будет. Подлетай, короче, возьми там с собой чего хочешь, пива там... А лучше коньяку, и побольше...

Комбат отключился. А Марат задумался.

Интересно девки пляшут. И каждый день — по разному.

Натаха.

Козырева.

Это прозвище Натахи, или фамилия? Твою же мать..., типа всем давать будет, по очереди, трамвайчиком...

Где располагается хата Строма — Марат знал, был там пару раз. И самого Строма он знал. Стромов Вячеслав, здоровенный квадратный мужик лет на десять старше, боксер. Причем даже не кандидат, а настоящий мастер спорта. Призер много чего. Прошел путь от зачинщика, до графа, а потом и крейсера. Правда, что-то там произошло, нехорошее. На любовной почве, кстати. То ли его подруга бросила, то ли он ее. И Стром опустил, стал много пить, потом даже кололся, потом слез с иглы, но в среде спортсменов и шпаны свой авторитет серьезно подорвал. Стал никем. Вроде и герой, и с заслугами — но ненадежный.

Зато у Строма была огромная квартира, четырёхкомнатная, с двумя балконами, с шикарной мебелью и техникой. Которую Стром не пропил, и не спустил. Наверно, потому что тогда с ним жили родители.

Пока не умерла мать. А потом у отца Строма появилась новая молодая любовь, и он, владелец нескольких лесопилок, переехал в столицу, поближе к модным бутикам и ночным развлечениям. А Стром — остался. Один в огромной квартире, нелюдимый, угрюмый и страшный. Лицо у него действительно было... ужасное. Много раз сломанный нос, налитые кровью глаза — наискось. Чудовищный шрам, разрывающий половину лица — от щеки до уха. Шипящий зловещий бас от этого. Сломанные зубы, которые Стром упорно не желал менять. Ходячий ужас, а не человек, от которого даже полицаи шарахались...

При этом Стром обладал просто ужасающим ударом справа. Профессиональные навыки никуда не делись. Поэтому пьяницы и бомжи обходили его подальше, а спортсмены и шпана частенько собирались у него. Чуть ли не каждый вечер, а на выходные вообще был проходной двор.

Парни приходили, приносили хорошее вино, коньяк, редкие ликеры, сок. Пить водку считалось дурным тоном. Всегда работал огромный телевизор в полстены, почти всегда шла эротика. Какой-нибудь "Плейбой" или "Пентхауз".

Порнографию Стром не любил, а вот на красивых женщин смотрел с нескрываемым удовольствием. Но только на экране. При встрече с девушкой или женщиной в реале Стром становился просто невыносим. Брюзжащий агрессивный слон. Женщинам он явно не нравился. Они его боялись.

Марат поднялся на второй этаж, несколько раз надавил на кнопку в ритме гимна Металлистов. Дверь открыл сам хозяин.

Здорово, мелкий, — проворчал Стром. — Проходи.

В большой комнате сидело около десятка парней. Половину Марат знал, других видел мельком.

Что, мелкий, член дымится? — со смехом спросил Марата сидевший в дальнем кресле Комбат. Парни засмеялись, и в смехе слышалась напряжённость. На стене в полный рост танцевала на экране мисс Август из Плэйбоя.

Чего там у вас? — как можно грубей спросил Марат. — Кто последний?

Смех перешёл в хохот. На шум в зал заглянула девушка. Марат ее знал, ее звали Ольга. Алексей, ее самый настоящий муж, сидел тут же, среди мужиков. Она хотела было что то сказать, но была отодвинута в сторону крепкой рукой. В комнату, поправляя ремень на джинсах, и стараясь не стукнуться головой об косяк или люстру — вошёл баскетболист Попон.

Почему у него было такое прозвище — Марат не знал. Но парень был нереально высок. Два метра, и ещё десять сантиметров. Каждая рука длиной примерно с Марата. Как, наверно, здорово быть таким высоким...

Я отстрелялся, — проговорил он баском. — Давайте, через пять минут... Следующий. Выпить дайте, нет, вон того, покрепче.

Как там она? — спросил кто-то.

В экстазе, — коротко ответил Попон.

Баскетболист был сосредоточен и мрачен. Как будто к финальной встрече готовился, а не слез только что с девушки.

Ну, кто? — спросил из кресла Граф. Смех стих.

Да вот пусть мелкий идёт, — подал голос Комбат. — Будет у девушки разнообразие. Сначала дылда, потом коротыш... Что, готов? — спросил Комбат уже обращаясь к Марату.

Всегда готов, — отозвался тот, хотя почувствовал, что внутри все закипает.

А что вообще, твою мать происходит? Что это вообще? И почему все такие странные? Ольга исчезла из проема двери, потом показалась вновь.

Можно! — сказала она так, как будто была рефери. — Следующий пошел!

Все уставились на Марата.

Марат, всем нутром ожидая подвох, пошел за Ольгой. Сзади царил тишина. Дверь в спальню открылась, запуская молодого человека. Некоторое время он стоял, напряжённый до звона, глаза постепенно привыкали к темноте.

На широкой, двуспальной кровати царил бардак, как будто там бомба взорвалась. И в самой середине... Да нет, этого быть не может! Да таких людей просто не бывает! Это же морж, натуральный, весом в тонну. На животе как минимум четыре толстые жировые складки, и под подбородком тоже. И она вообще голая, абсолютно! Да ....!

Мальчик, — произнес в темноте глухой сиплый голос. — Иди сюда, мальчик...

Эээ, — проблеял Марат. — Наташа?

В голове — тысячи мыслей и ни одной связной. Хотя одна более менее оформленная есть, на три слова: "Вот я попал".

А тебя как зовут? — величественная гора жира приподнималась на кровати. Марат увидел квадратное лицо, с обвислыми щеками. Вверх пошла рука, откидывая жидкую прядь волос со лба.

А...Александр..., - соврал Марат, не двигаясь с места.

Иди ко мне, Саша, — произнес голос со вздохом.

Через силу молодой человек заставил тело подчиниться. Подошёл к краю кровати, и даже робко положил руку на гигантское бедро. Казалось, что от этого прикосновения дрогнули бетонные стены, а кровать жалобно вскрипнула.

Я тебе совсем не нравлюсь? — тихо спросила женщина, а Марат в это время впился глазами в темный треугольник, поросший густыми черными волосами. Да боже мой, туда же не пробиться, ни через складки, ни через эти чёртовы волосы... Да и чем пробиваться? Марату показалось, что его мужское достоинство, ещё минутоу назад полунапряженное, предвкушавшее развлечение — теперь пыталось спрятаться внутрь его поджарого тела.

"Да ты чего? — обратился Марат сам к себе. — Вылезай. Это же женщина, настоящая голая женщина, и она хочет..."

«Да мне насрать что она хочет! — вопило все внизу живота. — Хозяин, руки в ноги, и рвать отсюда когти, это ловушка!»

Ну почему же, нравитесь, — говорил Марат, а сам пятился к выходу. — Просто я не ожидал... Да я просто не могу! — чуть не заорал он, уже захлопывая дверь за собой. — Вот же вы суки!

В комнате с мужиками нарастал хохот. Смеялся Попон, смеялся Граф, Комбат мерзко хихикал, а Стром залиvistо ржал, держась за живот.

Твари вы, вот кто, — вне себя от злости и пережитого бросил Марат парням. Это вызвало ещё больший шквал смеха.

Ладно, пойдем на кухню, — отсмеявшись сказал Стром.

На кухне бывший боксер налил Марату чаю, положил четыре ложки сахара. Достал как фокусник шоколадку.

Пей. Ешь, — сказал Стром. — Слушай. Эта Натаха ко мне приперлась неделю назад. Прикинь, как я обалдел... Простилась замуж. Типа мы две страхолюдины... Почему нет? Но она же метр девяносто, на каблуках на голову меня выше, ну куда это годится...?

Марат отхлебывал чай мелкими глоточками, жевал горький шоколад.

История получалась интересная. Наташа Козырева ещё с детства отличалась огромными габаритами. Доставалось ей, конечно... А к совершеннолетию естественно нашли у нее и гормональные отклонения, и органы начали отказывать. Какое уж тут замужество — все шарахаются, как от прокаженной. Да ещё врачи рожать запретили. Хоть волком вой, хоть в петлю. Одна одинешенька, даже родители косо просматривают. Остальные то в ее семье нормальные, старший брат вообще красавец, и младший тоже ничего.

В общем решила Наталья — будь что будет, надо искать, не найду — рожать. Плевать на всех врачей и противопоказания. Искала долго, да так и не нашла никого. Водки и других крепких напитков было выпито море, а с мужиками полный облом. Вот и вспомнила она о Строне...

А ты пойми, я же на наркоте был, у меня там неправильно фурычит все, — объяснял Стром Марату. — Вот я ей и говорю, спокойно... Будут тебе и мужики, и беременность, и ребеночка родишь всем на зависть. Богатырь будет! Вы же все спортсмены, причем я подобрал чтобы все с наградами, но без всяких препаратов этого добились. А то знаю я, сам принимал, горстями. И нам не привыкать трудности преодолевать. Сказано: сделать! Значит — сделаем! Мы — железные, йопа мать! Мы — металлисты!

Марат даже вздрогнул. Да, он железный! Именно это кричали ребята и тренера, когда кто-то из их школы начинал проигрывать на ковре или ринге.

Мы — железо!

Я железо, — продолжил за Стромом Марат их общую речевку.

Ты железо! — заревели они вдвоем.

Кто сильней?! — гаркнули Марат и Стром в два горла.

Мы сильней! — ворвался в кухню дружный рев металлистов, засевших в зале.

На, держи, — сказал Стром и протянул Марату синюю таблетку. — Допинг тебе.

Виагра? — нахмурился молодой человек. Первый раз — и с допингом? Как-то... не так он представлял все это...

Ну, не Виагра. То же самое, название другое, — ответил боксер. — И дешевле гораздо. Пей, через час реально дымиться будешь. И вот что, поделай перед заходом полуприсед. Раз десять, чтобы кровь прилила к тому месту куда надо. Без балды. Тут тоже особая тренировка нужна, понял?

Понял, — проворчал Марат, закидывая таблетку в рот. — Глотать или жевать?

Глотай, у нее вкус горький, как скорлупы тухлых грецких орехов наелся...

Давай, занимай место в зале, как почувствуешь, что готов — залетай, — Стром положил свою ручищу на плечо Марату. И не щемись. Тут у всех с первого разу не встало, сам же видел. Граф с Комбатом уж как бахвалились, и тоже вылетели через минуту, глаза по пять рублей...

Марат, опять под смех присутствующих — прошел в зал, рухнул на свободное кресло, и стал ждать.

Интересно, как это будет? Парни уходили и приходили, Ольга пристально следила за порядком. Ну, прямо как в поликлинике, елы-палы...

На большом экране жарко извивалась уже мисс Декабрь, и тут Марат почувствовал. Да, вот это ощущения... Да он сейчас лопнет нахрен! Это что такое?

"Ты чего там?" — мысленно обратился молодой человек к восставшему органу.

"Да все в порядке, хозяин. Но если не потрахаемся сейчас — будет худо..."

Я готов, — сказал Марат твердо.

Ничего из спиртного не пил? — строго окинула его взглядом Ольга.

Нет, — ответил Марат.

Сейчас Комбат выйдет, и твоя очередь, — предупредила девушка.

Комбат вышел буквально через минуту. Все его лицо блестело от пота, промокли даже его пышные кучерявые волосы, и шея была красной, как у вареного рака.

Следующий, — просипел он, и ринулся к столику. С бульканьем налил полстакана коньяку, и, дёргая кадыком, выпил в три глотка.

Марат нырнул в темноту спальни как в омут.

Сейчас здесь не было жарко — кто-то открыл окно, и холодный воздух волнами залетал в помещение. Марат, помня наставления Строма, сделал пять полуприседов.

"Хозяин! — взревел орган внизу живота. — Ты чего там? Охренел?! Я сейчас трещинами пойду, а ты ещё крови подгоняешь? Ты меня сейчас из своих джинсов вытащить не сможешь!"

Смогу, — вслух сказал Марат. — Все я смогу.

Саша? Мальчик мой, иди сюда...

Надо же, запомнила! Марат расстегнул молнию на джинсах, а потом вообще снял их и отбросил в сторону.

Еее... Где там у нас мокрая теплая дырка? Сейчас мы загоним туда длинного и толстого! Марат без рук впрыгнул на кровать, рухнул на колени, и, обхватив руками

неподъемные моржовые окорока, титаническим усилием сдвинул женщину на себя. Странно, а кожа у нее на ногах мягкая, влажная и приятная... И тут он почувствовал, как входит в боевой транс. Тело само по себе начало двигаться, в бешеном ритме. Он чувствовал каждую свою клеточку, предугадывал любое движение, свое и чужое. Подстраивал мышцы, кости и связки таким образом, чтобы они искали наиболее оптимальные пути решения чрезвычайно сложных физических задач.

А мозг тем временем словно наблюдал. Холодно и отстранено.

Подсказывая и направляя. Выстраивая ежесекундную тактику, и следуя выбранной стратегии. Как интересно. Такое ощущение... ммм... что совокупаешься с ведром, полным теплого желе. Наталья попыталась изогнуться. Но железные руки крепко держали ее. Ещё не хватало, чтобы она его внутрь своей бездонной дыры засосала... Хм, Алёна зубками куда жёстче прихватывает, а уж что творит языком!

Но там он — как игрушка, а здесь — полноправный хозяин. И он видел, что Наталье приятно, и мгновенно подстраивал свое тело так, чтобы было ещё приятней. Это как в борьбе, только там надо делать жёстко и больно, а здесь — мягко и приятно...

Ох, мой мальчик! — вдруг вырвалось у Наташи через стиснутые зубы. Ее начало реально колбасить, выгибать и изгибать. Марату с трудом удавалось гасить и контролировать движения огромного тела.

Вот, ещё! Чуть-чуть..., - Марату показалось что он лопнул, что кровать перевернулась, и его накрыло взрывом. В голове звенело. Внизу была сладкая пустота. С трудом он оторвался от огромного тела.

Это было... неплохо, — сказал Марат, чуть задыхаясь.

Ну вот он и стал мужчиной. Настоящим, прямо реальным.

Побудь со мной, — вдруг сказал с кровати мелодичный голос.

Да, конечно, — согласился Марат. Недолго раздумывая, он лег рядом. Такое ощущение, что лежишь рядом с лошадю. Огромное, теплое, приятное животное...

Что это было? — продолжал все тот же мелодичный женский голос. — Мне никогда не было так хорошо. Вообще никогда...

Мне тоже, — признался Марат. — Я ещё ни разу...

Ты — девственник? — в голосе было слышно изумление, сдерживаемое веселье и капелька сочувствия.

И как тебе? — здесь уже было беспокойство.

Ве-ли-ко-лепно, — ответил он по слогам.

Потом приподнялся на руках.

Можно ещё? — спросил он в темноту.

Да, конечно, — голос словно принадлежал большой кошке, не одной буквы «р», но такое впечатление, что слушаешь мурлыканье.

Марат теперь никуда не торопился. Друг внизу живота не хотел никуда падать совершенно. Властным движением Марат вошёл в огромное тело. Начал двигаться. Сначала медленно. Потом — слегка прибавил бёдрам круговых вращений. Он словно вбурился — основательно, медленно.

Ещё, мой мальчик, продолжай, — донёлся хриплый шепот.

И Марат продолжил... Это было уже нечто иное. Транс, но совсем не боевой. Это словно заходишь в тёплый океан, волны подхватывают и уже не отпускают.

А черт! — выругалась женщина под Маратом. — Ещё! Я чувствую...

Что она чувствует — Наталья договорить не успела. Ее накрыло так, что первый раз показался детской шуткой. Марат даже чуть-чуть перепугался, наблюдая как стопятидесятикилограммовое тело пытается проломить кровать.

Спокойно, — сказал он. — Спокойно.

Ещё... — то ли вопрос, а скорее — утверждение.

А он и не думал выходить. Ещё так ещё! Он же — железный.

Там у вас все нормально? — приотворилась дверь в спальню. Ольга, шурясь со света, старалась разглядеть, что творится в постели.

У нас все хорошо, — прорычал Марат. — Дверь закрой, дура.

Ольга же, услышав такое, подалась ещё больше вперед.

Ты не охренел ли, мелкий? — спросила она, явно недовольная таким обращением.

И тут взревел трубный бас:

Закрой дверь, сучка драная, — казалось, что от этого голоса посыпалась с потолка известка.

Жирная ....дина, — зло взбрыкнула Ольга, но дверь тотчас же прикрыла.

Она обо мне беспокоится, — трудно поверить, что этот нежный голос минуту назад заставлял содрогаться стены. — Она моя лучшая... Ай, твою мать... Как же хорошо! Да этого быть не может!

— Может, — отвечал Марат, не останавливаясь ни на секунду.

— Нет, — хрипела через минуту Наталья. — Нет, все, я не могу, я умру, если ещё раз, стой, мой мальчик...

И Марат остановился. С трудом подавляя внутреннее сопротивление друга снизу. Хозяин, мы же ещё только начали!

— Ты не устал? — спросила Наташа. — Я — все. Не могу. Хватит. Это было чудесно...

Включи свет.

При свете она выглядела... Ужасно.

— Что, нравлюсь? — спросила она кокетливо.

— Нет, — честно ответил Марат. И добавил, не менее честно:

— Но было классно...

— Спасибо, — смутилась Наталья. — Пойдем к ребятам, что-нибудь выпьем и съедим...

Покинув спальню, Марат посмотрел на часы в коридоре. Время входа он помнил четко. Ого, целый час! Ему же показалось, что от силы прошло минут двадцать.

— Ну как ты? — участливо спросила Ольга. — Да не ты, мелкий поганец, — сквозе зубы пояснила она молодому человеку.

— На удивление... прекрасно, — прислушалась к себе Наталья. — Не злись на него. Этому мальчику суждено вырасти в необыкновенного мужчину.

Марат поперхнулся соком, который он пил прямо из бутылки. С опаской он повернулся, ожидая урагана насмешек, но никто даже и не думал шутить. Стром с Графом и вовсе смотрели с уважением. Комбат показал большой палец вверх, и хлопнул ладонью по подлокотнику кресла, в котором сидел.

— Иди сюда, Маратище...

Марат? — удивлённо спросил мелодичный голос. — Я думала, ты Александр.

Я соврал, — признался Марат.

Вот ты значит какой... Много о тебе слышала, хотя представляла совсем по-другому.

Да уж, — Комбат ткнул подошедшего Марата в бок кулаком. — Он у нас такой. Теперь ещё и Казанова. Ебта, мелкий, поясни обществу, что в тебе бабы находят? По утрам бегаешь с красоткой. Из школы сразу двух куриц провожаешь. Потом после них с гимнасточкой вольную программу разучиваешь.

У тебя данные устаревшие, — буркнул в ответ Марат. Вот ведь, как всем интересно. Старухи на завалинке.

Кстати, Володя, — Наталья назвала Комбата по имени. Голос у нее, конечно, даже и не подумаешь, что он может принадлежать такой... слонихе. Ты же красавец мужчина, — продолжала она. — Глаза твои черные просто отпад. А девушки так и нет. Странно.

Почему нет? — со смехом вмешался в разговор Граф. — Есть у него девушка. Только она об этом не знает.

Граф, пасть закрой, — процедил парень.

Да всем известно, что ты по Грошевой страдаешь, и что она тебя уж десяток раз посылала в пешее эротическое.

Не десяток, а всего один.

Да ладно заливать, — не унимался Граф. — Так и признайся, что подкатывать ты не умеешь.

Зато сейчас я к тебе так подкачу, заколеблешься откатываться, — прорычал Комбат.

Марат смотрел на эту сценку, и вдруг понял, что вообще то, он должен помочь другу. В конце концов именно Комбат ему и позвонил. Вечер получился не так уж плох. Ну, реально, если бы вы, уважаемые читатели, видели эту Грошеву (а сам Марат не раз и отнюдь не два любовался этой девушкой издали) то с первого взгляда было понятно каждому, что это королева. Она была не просто прекрасна, она была великолепна. И совершенно неприступна в своей красоте. Ирка Комарова тоже ничего, и через год займет место королевы. Когда предыдущая пойдет дальше, из выпускного класса — прямо во дворец... Но пока этот титул принадлежит Грошевой совершенно точно, и по полному праву.

Слушай, Комбатина, — сказал Марат вслух. — А давай поспорим, что примерно через час, Юлька Грошева будет в этой комнате, сидеть на твоих коленочках! Хочешь, я позвоню по телефону, и вызову ее. Прямо в твои руки.

Комбат взглянул на друга, и усмехнулся.

Мелкий, сиди уж, Казанова...

Да я тебе должен буду, если проиграю, — веско сказал Марат.

Да что с тебя взять?

Ну хотя бы бутылку хорошего коньяка, — просто ответил молодой человек.

А деньги на мною выбранный коньяк у тебя найдутся?

Марат залез за пазуху и вытащил несколько купюр.

Найдутся.

Ну а я что буду должен? — настороженно спросил Комбат.

Человека, — ответил Марат. — Спокойно. Не убить кого-то, и даже не калечить. Просто поговорить с любым человеком, на которого укажу.

Просто поговорить?

Просто поговорить, — подтвердил Марат.

Ну, давай забьемся, Мелкий. Поговорить я всегда горазд. На любую тему... Женщина любит ушами. Это не присказка, а самый настоящий факт. Ей необходимо слышать. Как ею восхищаются, как ее хвалят, как она дорога и любима. Девушка похожа на ребенка, и если она это слышит, то будет в ответ любить также, как ребенок — своего родителя. Если мы забываем это говорить — то и она забывает, что ее любят. Это не такие уж и сложные слова, и говорить их приятно.

А багаж Марата за последний год сильно пополнился.

Он уже не просто выискивал стихи с женскими именами. Но смотрел, как и что говорят в книгах друг другу мужчины и женщины. Марат совершенно справедливо предполагал, что некоторые фразы оттачивались годами, а может и десятилетиями. Самыми изощренными умами человечества, между прочим.

Но самое сильное впечатление на юношу произвела «Суламифь» Куприна. Буквально поразило в самое сердце.

Когда он перечитал "это" трижды, то понял, что если бы сам услышал слова юной Суламифь собственными ушами из уст девушки, то был бы сражен, навечно. Да он убил бы за нее... А уж реплики царя царей он перечитывал десятки раз. Даже выучил наизусть, как стихи. Немного их приспособил для современности. Выстроил монолог, проработал с диктофоном паузы, интонации, дыхание... И сейчас собирался применить это оружие. Посмотреть — каково оно в действии.

Телефон её у тебя есть? — спросил Марат Комбата. Тот согласно мотнул головой.

А теперь слушай меня внимательно, — напряжённо сказал Марат. — Когда я поговорю с ней по телефону, то она придет сюда, и ты её не узнаешь. Но нужно знать, что она для тебя? Просто слабость, или ты её любишь? И как сильно?

Комбат хмыкнул, но Марат заметил, как напряглись плечи друга, как застыло лицо, а по щеке поползла краснота — полоса за полосой.

Понятно, — протянул Марат. — С какого класса? Только не говори, что с первого.

С первого..., - кое-как выдавил из себя Комбат.

Хорошо, — успокоился Марат. — Значит, всё будет как нельзя лучше... Давай свой телефон, Комбатина, и лови каждое мое слово...

Гудки. Раз, другой, третий. Шёлк — и связь пошла. На табло смартфона появилась надпись, две большие буквы: ЛЮГ. «Любимая Юля Грошева», — догадался обострившимся чутьем Марат.

Юля, — почти шепотом произнес в трубку Марат.

Комбат, это ты? — надменный и холодный голос.

Да, это я, извини, волнуюсь, — Марат понизил голос, стал налегать и растягивать букву

"а", пытался скопировать интонации друга резкие и отрывистые. Главное, что девушка на том конце провода его идентифицировала, и уже представила.

Юля, я давно хотел тебе сказать... Просто сам себе не прощу, если не скажу, ты уделишь мне три минуты?

Ну, говори, — голос в динамике ничуть не потеплел, но появилась заинтересованность.

Юля... просто... когда я вижу тебя, мне кажется, что это... белоснежная и гордая ладья скользит по глади озера... Что хоть я говорю? Хочешь смеяться — смейся. Но понимаешь... Пойми, мне нужно это сказать, я больше не могу, ничего не говори, просто слушай.

Марату показалось, что он слышит, как участилось дыхание — там, далеко.

Глаза твои подобны двум голубым сапфирам, ограненным самыми искусными мастерами... Губы твои — алые кораллы, найденные на самой большой глубине, в пучине самого теплого моря... Когда ты улыбаешься — я хохочу. Когда на твое лицо набегает тень — я готов плакать. Зубки твои как маленькие невинные ягнята... Твои волосы подобны струям самого высокого водопада, только посмотри, и голова кружится... Шея твоя подобна лебединой..., а фигура — как дерево кипарис, гибкая, стройная и тонкая. Когда я засыпаю, то шепчу твое имя... Просыпаюсь и понимаю, что повторял его всю ночь. Ты приходишь ко мне во сне, каждую ночь..., много лет, с тех пор как я увидел тебя. Ноги твои из белого мрамора. Грудь — как бушующее море, волнует меня и манит одним твоим дыханием...

"Спокойно, Марат, спокойно. Паузы, держи ритм, наращивая интенсивность..."

Когда я выхожу на бой, то вижу тебя за спинами соперников... и ничто и никто в эти минуты не может меня остановить. Когда кто-то смеет смотреть на тебя — я чувствую себя львом, способным убить любого взмахом лапы... Когда ты смотришь на меня, я становлюсь маленьким котёнком, готовым мурлыкать от счастья под солнышком. Я просто хочу тебе это сказать, чтобы ты знала, слышала. Я тут сижу, среди друзей, и чувствую себя в полном одиночестве, вспоминаю тебя раз за разом. Может тебе мои слова покажутся смешными, но если кто-то еще посмеет посмеяться над ними, кроме тебя, то клянусь, что вырву их поганые кадыки голыми руками, — Марат обвел присутствующих взглядом. К его величайшему изумлению все сидели тихо и сосредоточенно слушали.

Вова, — послышался тихий голос в трубке. Теперь в нем не было холода и безучастия. Это был голос девушки, которая готова бросить все и вся и ринуться в ночь, к своему... возлюбленному?

Вова, — повторил голос. — Ты где?

Я у Строма, у него дома, — хрипло и отрывисто сказал Марат. Его реально трясло. Произошло что-то из ряда вон... Знаешь где это? — спросил он.

Да. Будь там.

Я всегда у твоих ног, всегда рядом, — сказал Марат.

По спине побежали капельки пота. Он нажал кнопку завершения вызова.

Если эта сволочь не придет, я ей лично все лицо в кровь порву, — сказала вдруг Ольга.

Она придет, — подала голос Наталья. — Это было... это было черт знает что, у меня мороз по коже...

Ты, Зуболом, опасный человек, — вдруг задумчиво протянул Стром. — Если у меня будет девушка, уж поверь, я буду стараться держать ее от тебя подальше...

Я просто в ахуе, — признался следом Граф. — Это просто... какая-то, даже не понимаю, как перед этим можно устоять...

Но сам Марат смотрел на Комбата. В глубоких, почти черных глазах старшего друга

явно разгоралось безумие. Так недолго дожидаться и хука слева. Чувствуя опасность, Марат потихоньку стал разминать уши и щеки. Старая привычка, позволяющая избежать страшных синяков...

Пусть только дёрнется, — мрачно сказал Стром, мгновенно уловив суть дела. — Улетит прямо в окно... Лебедь наш, черноглазый.

Тут раздался звонок в дверь. Долгий и уверенный. Так мог звонить человек, обличенный властью. Например... королева.

Лицо Графа вытянулось.

Она что? Бежала? — изумленно спросил он.

Все знали, где живёт Грошева. Практически в соседнем доме, два раза упасть, как говорится... Но ей же нужно собраться, намазать... что там девушки мажут на лицо...

Пойду, открою, посмотрю, — с кривой улыбкой сообщил Стром.

Так, парни, — мгновенно взял инициативу Марат. — Все сделали мрачное выражение морд. Как будто трахнуть кого хотите, а вам не дают. Кроме тебя, — обернулся он к Комбату. — Володя улыбается и вообще само радушие...

А я как раз собиралась в "Клетку" идти, на дискотеку, и тут позвонили, — раздался из прихожей уверенный девичий голос.

Проходите, конечно, — гудел в свою очередь хозяин квартиры.

А у вас тут уютненько..., - с этими словами Юлия Грошева вошла в зал. Она бросила взгляд на экран телевизора (на котором выдвигала колени мисс Май). Потом оглядела присутствующих. Заметив две особи женского пола — слегка кивнула им. Комбат тем временем уже вскочил с кресла:

Ты пришла? — спросил он глупо.

— А ты ожидал кого-то другого увидеть? — с лёгкой наивностью в голосе спросила королева. Выглядела она бесподобно. Ходячее воплощение порнографии, чуть прикрытое одеждой.

Грошева, словно танцуя по комнате, приблизилась к креслу, около которого стоял вскочивший на ноги Комбат. Проведя руками по бёдрам, разглаживая невидимые складочки на облегающем ее фигуру платье — уселась на подлокотник.

— Так и будешь стоять как столб? — и потянула парня за руку. Когда Комбат оказался в кресле, то каким-то невероятно гибким движением — съехала с подлокотника молодому человеку на колени.

— Что тут у вас, — Грошева прищурилась, осматривая стол со всевозможными бутылками.

— Мальчик, — повернулась она к Марату. — Сделай мне мартини с швепсом...

Марат усмехнулся:

— Мадмуазель предпочитает покрепче? Или послабей? Если слабей, рекомендую коктейль Санрайз, но обычно его готовят утром, после бурной проведенной ночи. А вот вечером предпочитают Разбитое Сердце. Хотя я вот, если честно, для себя бы приготовил Негрони, он заставляет задуматься и мечтать о спокойствии.

Марат, конечно, не пил. Максимум что позволял себе — действительно коктейль, один или максимум два за вечер. И совершенно естественно, занимаясь смешиванием всяких напитков — он прочитал кучу литературы по этому поводу.

О-о, — сказала Грошева с хрипотцой. — В этом уютном бомжатнике есть лёд? Тогда

конечно, Сердце! А ты что будешь? — обратилась она к своему кавалеру.

А мне тоже самое, — не сразу нашелся Комбат. — Маратка, будь другом, намешай там этого говна...

Сморозив глупость и грубость — вечно невозмутимый и постоянно насмешливый Комбат реально стусевался.

Пожалуйста..., - добавил он тихим голосом.

Да, конечно, — Марат уже был за столиком.

Граф, не в падлу, сгоняй за льдом. Там есть, в холодильнике, я видел. Только в морозилке смотри. Это же лёд.

Он налил на два пальца белого мартини, долил столько же водки, и добавил Швепс, после чего, дождавшись Графа, кинул в стакан пару кубиков льда, перемешал обычной чайной ложкой.

— Сударыня...

— Мерррси, — ответила Грошева с белозубой улыбкой.

— Комбат, ты, кстати, не забыл, что должен мне? — обратился Марат к другу.

— Да, я не забыл, — ответил тот сипло.

— Ну, так вот тебе и человек, и задание...

— Что за задание? — нахмурились красавица на коленочках.

— Ну, мы с ним поспорили, что Комбат не умеет ухаживать за девушками и не сможет вас рассмешить, — не моргнув глазом, ответил Марат. — Так что у меня большая просьба к вам, мадмуазель, постарайтесь не смеяться на его слова, иначе это будет стоить мне десять целбанов.

— Ха-ха-ха, — медленно сказала Юля. — Глупости какие. Вы такие смешные всегда, мужчинки... Она обвила шею Комбата обеими руками.

— Скажи мне что-нибудь на ушко, красавчик...

Комбат что-то прошептал, и Грошева, запрокинув голову, звонко засмеялась.

— Вы проиграли, мальчик, — сказала она Марату. — Но мы с моим котиком прощаем вам...

На Комбата было тяжело смотреть... Без смеха, естественно.

Его лицо сейчас было похоже на лицо пятилетнего мальчика, которого на день рождения заводят в комнату, заваленную подарками. "Это что, все мне?".

Марат погрозил другу кулаком, словно рассердившись, и при этом едва заметно подмигнул. Лицо Комбата налилось важностью и повзрослело — года на два, не меньше.

Маратище! — тем временем протянул свою граблю и вцепился в него гигант Попон. — Иди сюда. Давай так. Я тебе сейчас телефончик дам. Зовут Света, фамилия Крылова. А тебе за это...

Попон, чё за дела? — возмутился Марат. — Я вам что, исполнитель желаний? Хочется тебе — ты и звони. Ты точно так же в школу ходил, на тех же самых уроках литературы сидел. Только я учился, а ты хернёй страдал...

Маратка, ты же уникам, никто не спорит, — не унимался Попон. — И в борьбе ты самый лучший. И отличник. И с бабами тебе везёт. Мы же не такие. Ты помоги товарищам...

Да какой я тебе уникам? — тихо возмутился Марат, покосившись на голубков в кресле.

Те, слава всем богам сразу, занялись сами собой и на посторонних вообще не реагировали.

Я учусь уже второй год вот этому... И тебе непло-охо бы научиться. Ты свой мячик в

кольцо скоко уже кидаешь? Научился ужо? Ну и здесь, мо-ожно. Завтра прямо и начинай. Прямо выходи из дома, и улыбайся всем женщинам по дороге... На следующий день здоровайся с ними. Как в кино... Фильм такой смотрел, "Крокодил Данди" называется? Ну вот. И вперёд... И это то-олько начало.

Марат сейчас специально говорил с нажимом на букву "о", более толстым голосом чем обычно, и даже чуть заикаясь. Не дай бог Грошева поймет... Не простит, наверно, одними "извините, это была шутка" — не отделаешься.

Тебя как друга просят. Тебе чего, жалко три минуты по телефону поболтать?

Слушай, Попон. Некогда мне по телефонам болтать. Ночь уже, домой я пошел, — Марат поднялся. И с сарказмом добавил:

Уроки ещё у меня не выучены...

Провожать юношу в прихожую вышел сам Стром.

Мелкий, — сказал он с ноткой смущения. — Ты, давай...

Почаще заходи. Дашь мне пару тренировок...

Тебе? — изумился Марат.

Мне, — твердо сказал Стром. — У меня с девками вообще плохо, боюсь я их. А у тебя вроде как вон как хорошо выходит. Заходи, короче, в любое время. Замётано?

Замётано, — буркнул в ответ юноша.

Первый человек, которому Марат рассказал, что стал мужчиной, была, конечно же, Алёна. Они вообще очень дотошно и с мельчайшими деталями рассказывали друг другу любые реальные сексуальные похождения. И, конечно же — фантазии, воплощая многие из них в реальность прямо на месте, сразу.

Некоторые вещи брались на вооружение, некоторые отбрасывали. Освоив на текущий момент всю широту и остроту предварительных ласк, Алёна вплотную занялась отработкой минета.

Марат, в свою очередь, постигал очень непростую технику "куни". Это только кажется — взяла член в рот (нашел клитор) — и вперед, чем быстрее — тем лучше. На самом же деле все оказалось куда сложнее и интереснее.

Во-первых, в самом процессе участвуют не только губы, но и язык, и зубы, и руки. Алёна заставила Марата перепробовать все возможные варианты — быстро, медленно, оттягивая губами, зажимая зубами, руки на бедрах, руки на груди, поддерживают ягодицы партнёра.

Сама тоже не отставала — ласкала юношу во всех позах, с разными амплитудами, положив в рот кусочек льда, либо наоборот, каждые десять секунд отхлебывая горячий чай. С причмокиванием, откровенным хлюпаньем, со шлепками, впиваясь ногтями в живот. Зачастую все это быстро заканчивалось фонтаном, потому что эффект новизны, конечно, брал свое...

Так, — сказала однажды Алёна. — В общем и целом процесс такой. В принципе я изучала вопрос...

Ясно, сейчас будет лекция. Даже не так. Практическая инструкция. По использованию клитора. Марат сосредоточился, запоминая каждое слово.

Трусики стягивать сразу не стоит, — продолжала Алёна. — Чувствовать прикосновения через ткань — уже крайне приятно. Но и затормаживать процесс не надо. Тридцать секунд более чем достаточно. Потом можешь спокойно лезть дальше. Но не как ненасытный свинтус. Я рекомендую как минимум минуту, а лучше две работать самым кончиком языка. И чуть-чуть губами. По клитору, и внутренней поверхности бедер. Только после этого увеличивай темп, и подключай зубы. Но очень нежно. Крайне нежно.

Маленький секрет — любое болевое ощущение — и все старания впустую. Тут тебе не кино, тут все по-настоящему. Услышал "ай", дернулась, скривилась — бросай это дело, займись телом, там внизу ты уже все запарол. Это как по яйцам пнуть у вас, наверно... Дальше, в дырку вообще не лезь, там ничего твой язык не сделает. Я, например, его вообще не чувствую. Был бы он у тебя двадцать сантиметров в длину, тогда может и да, а так — нет. Лучше залезть туда пальчиком, только осторожно. И следи за ногтями. И не надо его туда-сюда. Лучше его напрягай-расслабляй, не дёргая... Понял?

Понял, — ответил Марат.

Ну, раз понял, давай с самого начала и согласно полученным инструкциям...

Отлично.... Теперь давай ты, — произнесла Алёна через несколько минут, явно задыхаясь. Марат откинулся от ее разведенных в сторону ног. Да, выгнуло девочку не слабо, до сих пор отдышаться не может...

Что я? — спросил он.

Ты рассказывай, как правильно делать минет. С чувством, толком, расстановкой. По полочкам и с подробностями.

А ты разве не читала?

Читала, конечно. Но хочу сравнить твои ощущения с теоретическими данными.

Алена кое-как приподнялась над Маратом, и взяла его достоинство в рот.

Шашкашивай, — настойчиво потребовала она.

«Ну да, конечно, — подумал Марат. — Исполнилась мечта идиота. Читать нотации девушке, у которой твой член во рту... Что может быть эротичней...?»

У нас все проще и сложнее. Сам ствол как у вас клитор. Самое чувствительное место на стволе это головка, — твердо произнес Марат. — Кусать ее не требуется. Покусывать можно. Начинать вообще можно тоже только языком и губами.

Крайнюю плоть обязательно оттягивать? — деловито спросила Алёна, оторвавшись на секунду.

Рекомендую, — сказал Марат. И тут же воскликнул:

Ох ты... аккуратнее, это не сапог с ноги стягивать... (Они совсем недавно практиковали, как эротично снимать с партнёра обувь).

Яшно, — деловито кивнула Алёна. Марат от этого кивка с шипением выпустил воздух из груди. Вот же стервь...

Ну-ка... еще раз зафиксируй его зубами и губами... и помотай головой, — попросил он. — Да, неплохо, для разнообразия очень даже ничего...

Кажется, что ненасытная самка дорвалась до секса...

Алена хихикнула.

Так что не надо кожу рывком двумя руками вниз, — продолжал меж тем Марат. Спокойно, аккуратно, пальчиками. И как только стало ясно, что он на максимальной твердости, давай его чуть глубже в рот. То есть и ствол ласкаешь, и головку, и не губами уже. То есть не только губами, но и зубами, только осторожно. Но ритмично. И вот ещё что... Марат остановил движения головы Алёны, взяв ее за уши. Простая механика и ритм, конечно, здесь важны. Ритм это вообще наше все. Но если внимание мужчины ушло — фиг ты чего добьешься, хоть прочильный аппарат к нему подключи...

Юноша сам себе не верил. Он говорил так уверенно, так четко подбирая слова и тон, как будто даёт уже сто раз заученную инструкцию. Очередной неопытной девушке. Все-таки, что-то здорово в нем изменилось. Прямо реально стал... Взрослым? Ну, в принципе, оно и понятно. Соблазнил словами признанную королеву школы, и трахнул самую страшную женщину в городе. После такого все остальное кажется невинными шалостями...

Смотри иногда мне в глаза, — говорил Марат. — И не взглядом разъяренной мегеры, а взглядом девушки, которой подарили то, что она больше всего желала на свете. Дали позабавиться самой желанной игрушкой, поняла? — и он убрал ладони с её ушей.

Не только взгляд, как у актрисы в порно. Но и другое. Вообще все органы чувств мужчины должны быть заняты тобой, — он смотрел в лицо Алёны, разыскивая там понимание. — Говори ему, что он классный, самый лучший, самый красивый и большой, что ты вообще такого никогда не видела. Иногда причмокивай. Пусти слюну, это реально нравится. Подключай свои руки, скользи по телу, но не забывай, что движения должны заканчиваться на яйцах и стволе...

Вот так? — спросила Алена, не выпуская его изо рта.

Марата чуть не изогнуло, когда ее прохладные руки скользнули по его груди, прошли по

бёдрам и нежно сжали то, что висело под членом. От такого Марат чуть не встал на мостик.

Только не на волосы! — закричала Алёна, выпустив, наконец, его из своего рта, и понимая, что Марат продолжает крепко держать ее голову руками.

Спокойно, шлюха, все у меня нормально, — смеясь, ответил тот, и вернулся в исходное положение.

Почему это я шлюха? — возмутилась девушка, не капли не обижаясь. Они с Маратом не раз и не два обсуждали словечки, которыми можно награждать партнёров в постели.

Мне так нравится, — сознался Марат. — А вообще, я подумал, и наверно тебе стоит говорить мужчине конкретно, как он должен тебя называть. Но не просто котенок, зайчик, лапочка. Это в быту. А вот как в постели ты хочешь, чтобы тебя называли. Прямо так и говори ему:

"Обожаю, когда меня называют в постели сучкой". Или ведьмой. Или львицей, маленькой девочкой, мокрой щелью. Ну, придумай сама. Но и выбор ему дай. Так будет легче, чем угадывать. Я вот офигею, если меня девушка в постели назовет "Мой дракон". А то мы... столько раз с тобой это обсуждали, а так и не договорились. Точнее ты так и не сказала, как тебя можно называть...

Да-да, я учту, — засмеялась Алена. — Только не скажу, как именно мне нравится. Давай, ищи свои трусы, мой лев. И шлепай домой, там подрочишь. Мне сегодня на свидание ещё идти. С очень интересным взрослым человеком.

Марата кольнуло в районе солнечного сплетения. Свидание? И что она там будет делать?

Так, это что такое, я ревную? Не понял? спросил он сам себя.

Алена довольно засмеялась и чмокнула его в щеку.

Я сама волнуюсь, — прошептала она ему на ухо. — Одевайся уже...

Ровно через сутки Марат снова был у заветной двери. Конечно, ему очень хотелось узнать, чем закончилось свидание у Алёны. Тем более что та сегодня не только не вышла на пробежку, но и в школе не появилась. Звонить он ей не хотел, поэтому избрал привычный способ — личный визит.

Дверь долго не открывалась. А когда открылась, то юноша понял что у Алёны все хорошо. Прямо замечательно. И что дома у нее кто-то есть.

Я, верно, не вовремя, — сказал он, критично рассматривая перекошенную майку на плечах, и разные носки на ногах.

Да ладно, — втиснула его в квартиру Алёна. — Скажешь что мой одноклассник, пришел, типа, проведать. Ты мне нужен на минуту...

Проходи, — сказала она шепотом. А потом очень громко добавила:

Знакомьтесь! Это Алексей, а это Марат, мой одноклассник, мы с ним бегаем по утрам.

Очень приятно, — проблеял Марат. — Я думал, что ты заболела...

Мы с Алексеем познакомились буквально месяц назад, он меня пригласил в ресторан вчера, вернулись поздно, — продолжала разъяснять ситуацию Алёна. — А родители у меня уехали...

Марат понимал, что его используют, и примерно догадывался — для чего. Алёна показывала своему новому "партнеру", что у него есть соперник. И в гораздо более выгодном положении — то есть в одном классе. Алексей оказался довольно высоким моложавым мужчиной, лет сорока, как определил Марат. Одет просто, но дорого. Колец на руках нет,

тагуировок нет. Больше всего похож на чиновника — сообразил юноша. Ну, наверно, неплохой выбор... Между тем Алёна выпросила Марата о школьных новостях, даже записала выдуманное домашнее задание.

Ты бегать то завтра будешь? — спросил Марат под конец представления.

Посмотрим, — ответила Алёна. И спросила в свою очередь:

Ты уже пошел?

Но это звучало не как вопрос, а как утверждение.

Конечно, — отозвался молодой человек. — У меня ещё куча дел...

Оказавшись в подъезде, Марат долго прислушивался к себе. Что он испытывает? Сожаление? Ревность? Нет, ничего нет. Вообще ничего. Нет никакой Алёны. Нет никакого Алексея. Марат даже забыл номер квартиры, куда он заходил дважды на дню целых полгода. Память все это вычеркнула, словно стёрла с жёсткого диска мозга все ненужное и неважное. Марат пожал плечами, и, не оглядываясь, пошел вниз по ступеням.

Улица встретила его ярким солнцем в небе, мокрым снегом под ногами, и неистовой капелью с крыш. Середина зимы, а такое впечатление, что настоящая весна.

Вечером, спустя несколько дней после расставания с Аленой, Марат тренировался. Тренировки у него выработались особые.

Например, сейчас он отжимался. Прямо перед лицом у него лежал листок бумаги, на котором столбиком была написана таблица умножения «на двадцать три».

Один умножить на двадцать три. Два на двадцать три... Семь на двадцать три. Девять на двадцать три...

Справа лежала «Геометрия». Слева — «Юридическая психология».

Запомнив таблицу, Марат перешел на отжимания на трех пальцах, подвинув к себе «Геометрию». И снова отжимания, пока весь параграф не был прочитан.

Юноша знал, что все, что он только что прочитал, отложится намертво в памяти. Он будет способен повторить весь текст учебника, со всеми формулами, рисунками, графиками, и, естественно текстом — наизусть.

Перешел на запястья. Снова отжимания. Но теперь он читал главу «Психологические особенности допроса». Он был способен проделывать такое часами.

Сотни отжиманий. На кулаках, на пальцах, на одной руке, с поднятой ногой. Дыхание ни разу не сбилось, грудь мерно и порционно втягивала и выпускала воздух. Текст строчками намертво вцеплялся в мозг.

Следующий листок. Таблица умножения на двадцать четыре. Следующий параграф... Следующая глава.

В ухе зазвонил наушник телефона.

Марат досадливо поморщился. Вышел в упор на кулаки.

Да, — сказал он в пустоту.

Марат! — раздался в наушнике панический голос. — Приходи!

Шишкина? — отозвался он. — Тебе что, в спину некого потыкать?

Марат! У меня день рождения, — голос набирал панические интонации. — У меня тут девчонки. И два парня. Из армии пришли. Они нас сейчас насиловать будут!

Я слушаю, — сказала Марат. — Внимательно.

Мы их на улице подцепили. А они не уходят, Шишкина чуть не плакала. — Они там сидят. Все разбегаются. Сейчас я одна останусь. Аня Травина тоже тут. Да твою мать, — Марат продолжал отжиматься, и мозг его работал быстро и четко. — Сколько у вас там водки осталось?

Чего? — всхлипнула Наталья.

Сколько. У вас осталось. Водки? — четко спрашивал Марат.

Там, полбутылки... Это они принесли. Марат, скорее...

Сколько. У тебя на руках. Сейчас денег? Двести рублей будет?

Да! — Наталья явно паниковала. — Зачем? Водка... деньги?

Шишкина, оставайся там. Успокойся, улыбайся. Успокой всех. Разговаривай с мальчиками нормально, — Марат встал и начал искать уличную одежду. — Сколько там еще парней?

Да они только двое...

Шишкина, я буду через двенадцать минут. Не дергайся, все будет нормально, не паникуй только, ради бога. И не угрожай. Не пытайся их выгнать ни в коем случае. Ты поняла? Я уже иду. Ты поняла?

Да поняла я. Скорее!

Не паниковать. Улыбайся. Успокаивай. Заигрывай. Все будет хорошо. Я уже иду... Мам, я на день рождения, там у Шишкиной, а я и забыл! Позвонили. На часик пойду, может на два! — и Марат вышел из квартиры.

Когда он вошел к Шишкиной, то в прихожей столкнулся с одноклассницами. Все были подавлены, кое-кто собирался домой.

Наталья тоже была здесь. Тушь на одном глазу у нее потекла, и вид у именинницы был тот еще...

Поздравляю, Наташка! — нарочито громко, радостно и бодро сказал юноша. — А вот и от меня подарочек, как и обещал, твои любимые!

Марат нагнулся, нашел какой-то домашний тапок, и вручил его Наталье, под ошеломленные взгляды девушек.

Поставь на кухню, — сказал он громко. — Да поставь ты их на кухню, не держи в руках. Анечка, подруга, иди сюда, солнце мое, — Марат выцепил из перепуганной стайки одноклассниц Травину. — Ну, давай, котеночек, показывай, где тут у вас стол? И знакомь с гостями. Шишкина, тащи стакан!

Что? — спросила та из кухни.

Тащи стакан, подруга! Что хоть неясного?

— Марат говорил это как можно радостней, но лицо его оставалось каменным.

Подхватив недоумевающую Травину под руку, он вошел в зал. Огромный стол, салаты, торт, куча стаканов. Шампанское, мартини, и одинокая бутылка водки. Лицо Марата поменялось — он теперь был сама приветливость, теплота и желание приятно провести время.

В углу в кресле полусидело-полулежало тело. На стуле у стола — еще одно.

Не переставая приветливо улыбаться, Марат подошел к парням.

Марат, — представился он.

Дмитрий, — сказал один, в кресле.

Сергей, — это тот, кто на стуле.

Марат пожал обе руки. Черт. Тренированные парни. И здоровые, к сотне килограмм каждый. Этот, который в кресле, Дмитрий, широко расставил ноги, и, вероятно, прямо сейчас мечтает, чтобы кто-нибудь из девушек вскочит на него, и начнет выдирать член из ширинки — явно боксер. Ладонь твердая, и очень толстая. Такая вырабатывается не за один год упорных тренировок.

И вторая ладонь, у Сергея, ничуть не лучше. Ладонь борца, твердая как клюв журавля. Тонковата, но жестка. Вдвоем, да в замкнутом помещении, они, конечно, уделают Маратку, и без особых навыков. Просто задавят массой и силой, если потребуется. Но сила и масса — это приятные, но все же дополнения. Главное — не в них.

Пацаны, о, класс, гляжу, есть крепенькое? — Марат накладывал себе салатик. — Наталья, ты где там с моим стаканом? Знакомьтесь, пацаны, это моя подруга, Аня.

Очень приятно... — отозвался с пьяной улыбочкой Сергей.

Так, соображал Марат, это у них вторая бутылка. Но этим двум кабанам и третья будет нипочем.

Я просто сначала привык сто грамм вдуть, сказал Марат с добрым смехом. — Привычка такая. Вот надо, и всё.

И он налил себе полстакана водки. В бутылке оставалось еще чуть-чуть, на пару стопок. Юноша встряхнул остатки, нашел на столе стопки, налил туда. Хватило на три четверти в каждую.

Ну, за знакомство! — Марат поднял тост.

Десять минут он был сама болтливость. Девчонок в квартире значительно поубавилось. Осталось трое. Первая — Аня Травина, которую Марат посадил рядом с собой. Вторая — Оля Чуланова, высокая, худая, и в меру симпатичная. Хотя жидкие белые волосы здорово портили впечатление от неплохой, в принципе, фигуры. Чулановой Марат шепнул на ухо, чтобы та и не вздумала уходить, пока все не разрешится. И потом, она была волейболистка, и удар у нее был что надо, если говорить честно за данный выбор. И третьей осталась, естественно, сама именинница.

Марат за десять минут непрерывной болтовни узнал, что один из парней живет в другом конце города. А второй — Сергей, так и вообще из провинции, из районного городка.

Теперь план из общего тумана сложился до мелочей. Ничего сложного. На дворе — ночь. Найти дорогу обратно парни просто не смогут. Да если и смогут — кто хоть их пустит в подъезд? А тем более, обратно в квартиру. В крайнем случае — полицию вызвать можно. Кстати, тоже неплохой вариант. Теперь надо придумать, как вытащить этих двух любителей молоденького мяса на улицу? Ну да это проще простого.

Наташа, тащи еще крепкого, — обратился Марат к хозяйке праздника. Девчонки чуть оттаяли, начали шутить, выпили еще чуть-чуть.

Так нету, вот... только вино, — со смехом отозвалась Шишкина. Она уже не была испугана. Успокаивающая речь, расслабленные манеры одноклассника вселили в нее уверенность. Она уже подумала, что Нечаев просто тянет время. Сейчас позвонят в дверь, войдут четверка, или даже десяток хмурых, неулыбчивых и чрезвычайно крепких друзей Зуболома, и загостившихся дембелей под белые рученьки выведут на свежий воздух.

Вино? — протянул Марат. — Ну, это несерьезно. Тебе сколько, подруга? Шестнадцать? Ты знаешь, сколько за эту дату водки надо выпить? Правильно я говорю, парни?

Те совершенно согласно кивнули.

Нечаев пошарил в карманах, погремел мелочью.

Я все понимаю, Наташа, но у меня денег нет. У тебя есть?

Да, есть немного, — смутилась Шишкина.

У меня есть, — вдруг отозвался с кресла Дмитрий.

Марат мгновенно обернулся к нему.

Супер! На бутылку хватит?

Хватит, и еще останется...

Давай, сколько там у тебя есть, — Марат протянул руку.

Ты чего-то резвый, — со смехом сказал второй. — Не тяни руки, укоротят ненароком.

А чего тянуть? — удивился Марат. — Ночь уже в разгаре. Сейчас быстро смотаюсь.

Хотя бы неплохо, чтобы и вы со мной. Мне ведь и не продать могут. Я же мелкий, сам видишь. Хотя если будет там продавщица знакомая, то продаст. Катя зовут, я ее знаю, соседка моя. Такая девчонка, просто закачаешься. В жизни не видел ты таких, прямо там в магазине кончить можно, — и Марат захихикал над своей пошлой и не очень умелой шуткой.

Продавщица? — приподнялся из кресла Дмитрий. — Продавщицам по ночам скучно. Продавщицы они вообще-то... ух...

Это да, — согласился Марат. — Но нам же водка важнее. У нас девчонок и так навалом. Водки нет, парни. Шестнадцать лет человеку. Погнали, короче, время дорого...

Погнали, — согласился из кресла Дмитрий.

Марат, не откладывая дело в долгий ящик, встал, и пошел в прихожую.

Ну, мы долго будем сиськи мять? — сказал он оттуда со смехом. — Давайте, пять минут туда и обратно. А девки нам пока горячее подогреют. Жрать вот захотелось, меня после стаграмм всегда на поесть тянет.

Через десять минут Марат уже звонил в домофон квартиры Шишкиной.

Наташка, открывай. Это я, один...

Зайдя в квартиру, он тотчас оказался в объятиях Наташи и Ани.

Слушай, Нечаев, ты прямо как полярный лис, — с восхищением сказала Травина.

Сам же Марат повернул голову к имениннице:

Шишкина, в общем... с тебя голая женщина. Одна штука. Не знаю, где ты ее возьмешь, хоть сама ложись...

Да ну тебя, — со смехом отвечала одноклассница. — Мы знаешь, как перепугались? Они ведь прямо сидят и переговариваются, кого из нас и как сейчас трахать будут. И что делать — не понятно. Родители у меня вообще в другой области, у знакомых на даче. Даже не позвонить. Знакомых парней? Кого? Видал, какие эти здоровые?

Ладно, Шишкина, расслабься. Не понимаю, чего уж так пугаться. Охмурила бы себе этого, который в кресле. Получила бы удовольствие...

Да ну тебя...

Травина, — обратился теперь уже к Ане Марат. — А ты чего здесь высидиваешь? Чуланова, наверно, сразу после нас ушла. Вот она молодец. А мне тебя теперь чего, провожать?

Так страшно же... Вдруг они там?

Ну, ты даешь, они же в чужом районе, — улыбнулся Марат. — Я их и гаражами, и рощами, и тропинками провел. Хрен они чего запомнили. Там в магазине и бросил. Да они к тому же и пьяные. Бояться нечего.

Ну, а вдруг?

Ладно, давайте потихонечку бардак убирать, раз уж я здесь, — Марат снял куртку. Он, честно говоря, здорово рассчитывал, что Шишкина останется в квартире одна, и уж он то отыграется, на тычках в спину. На полную катушку. Так утыкает девочку, что та свои шестнадцать лет вспоминать до конца жизни будет. Но Травина опять все планы спутала. Хотя, если подумать, можно и сразу двоих попробовать... а почему бы и нет... проверить, так сказать, навыки, полученные от Алены, да на практике.

Но судьба как всегда решила по-своему.

Пока же он включил обаяние на максимум. Что ни говори — все они втроем были под градусом. Compliments обоим девушкам сыпались как из рога изобилия. Копирование движений и интонаций, как в танце. Легкие, как будто случайные прикосновения. По телевизору шли фривольные песенки. Пошлые двусмысленные намеки, и вот уже обе красавицы порозовели, и поглядывают друг на друга с неким вызовом.

Но вот зазвонил телефон, и Аня с вытянутым лицом начала отвечать на вопросы матери, а потом прозвучало, твердо и непреклонно: «Домой».

Марат усмехнулся на полный надежды взгляд Ани.

Да, провожу, конечно же, — сказал он. — Какое «одна дойду»? На дворе уж полночь...

Они собрались, попрощались с Натальей. Марат напоследок не только обхватил ее за талию, но и скользнул ладонью по бедру, причем внутрь, отчего прямо уловил явную дрожь в девичьем теле.

Вместе с Аней они оказались на пустынной улице, и не прошли и полусотни шагов, как

столкнулись с Стромом.

Не бойся, это мой друг, — сказал Ане Марат, когда та, чуть ли не инстинктивно, попыталась спрятаться за его спиной.

Здорово, мелкий, — пробурчал особенно страшный в темноте Стром, когда они поравнялись. Встретить такого ночью в спальном районе — можно заикой на всю жизнь остаться.

Здорово, — отозвался Марат. — Ты где хоть был? Я тебе два раза звонил примерно час назад, а у тебя «вне доступа». Сообщения посылал...

Да получил я твои сообщения. Вот стою, жду. Как дурак. Чего надо было? — напрягся боксер.

Два придурка чуть девочкам праздник не испортили, нужна была помощь...

Да я всегда готов, — проворчал Стром.

Я разобрался. Закопал обоих в гаражах, — пошутил Нечаев. — Кровь отмывали. Вот чересчур нервных девушек развожу по домам, даю инструкции как себя вести.

Вместо смеха наступила пауза. Марат с изумлением увидел, что эти двое, Аня и Стром, смотрят друг на друга. Причем смотрят очень странно и напряженно.

Вы знакомы? — спросил он осторожно.

Нет, — ответила Анна.

Нет, не знакомы, — сказал и Стром, и Марат по настоящему удивился перемене в голосе и интонациях старшего друга.

Пойдем тогда, проводишь нас, — предложил Марат, желая разрядить странную ситуацию.

Всю дорогу Марат не затыкался, похваляясь, как он здорово обвел вокруг пальца сексуально озабоченных дембелей. В какой-то момент юноша вдруг осознал, что идёт один, впереди их маленькой компании. Озабоченно он оглянулся, и чуть не присвистнул. Стром и Аня шли практически вплотную, но не касались друг друга. Даже наоборот, у обоих движения были скованными. Словно они боялись задеть друг друга, даже случайно. Шли, уставившись под ноги, и вообще не реагировали на рассказ Марата.

Ну, вот мы и пришли, — сказал Марат наделано весело. — Дальше провожать, до квартиры? А то вдруг там маньяк какой притаился? — спросил он, втайне надеясь, что Аня выберет его, они поднимутся на нужный этаж и там, в полумраке, у них получится поцеловаться и даже пообжиматься. Черт с ним, что от нее пахнет, как от доярки. Адреналин и тестостерон требуют...

Я провожу, — вдруг сказал Стром.

Чего? — не понял сначала Марат. — Ты чего?

Провожу, — повторил Стром.

И тут Марат почувствовал, что готов взорваться.

Да что же это такое? — сказал он сердито. — Сначала одних дураков оттаскиваешь. Так сразу же другие прилипают... Стром, ты мне друг, конечно. Но вы знакомы пять минут. Отпустить тебя с ней я не могу.

Чего тебе надо всё, мелкий? — с досадой спросил Стром.

Да ничего мне не надо, — чуть погромче отозвался Марат. — Я Аню знаю с детского сада. В школе учимся вместе с первого класса. Я для неё друг, товарищ, почти брат.

Ну и чего? — угрюмо спросил Стром.

Да ничего, — голос Марата стал еще громче. — Я тебе вот что скажу. Если что случится там, в подъезде, между вами... как я Ане в глаза смотреть буду?

Да не случится ничего, — в славах Строма уже послышались раскаты грома. — Ничего я не буду делать. Просто провожу.

Да развелось вас тут, провожалыщиков, — уже кипел Марат. Он чувствовал, как закипает адреналин в крови. Его аж колотило от переполняющих эмоций. Его позвали — как защитника слабых — и сегодняшним вечером он будет выполнять эту роль до конца.

— Вот что я тебе скажу, Стром, — прорычал Марат. — Теперь, сейчас прямо, я беру эту девушку под свою защиту. Да, именно так. Нечего мне здесь слюни распускать. Теперь любой, кто покусится на ее тело и ..... скажу прямо, будет иметь дело со мной. Точка. Нет, не совсем. С сегодняшнего вечера любой, кто захочет тронуть ее пальцем, помимо ее желания, должен будет пройти через меня. И это, Стром, будет ..... как непросто, я тебя уверяю. Вот теперь — точка.

Блин, да чтоб вас всех, — с досадой, и уже громко сказал Стром. — Да что ты знаешь обо мне, мелкий? Что ты знаешь? — и Стром шагнул вперед, к Марату.

Но тот и не подумал уступать, а лишь чуть сдвинул ногу, принимая борцовскую стойку. Марат понимал, что драки, скорее всего, не миновать. Только вот это будет скорее не драка, а избивание. Хотя... посмотрим еще...

Ничего ты не знаешь, — прорычал Стром. — Ты вставал в пять утра каждый день? Годами? Ты тренировался сутками, так что кости трещат, и мышцы как один синяк? Ты спал на камнях, чтобы не чувствовать боли? Ты ломал руку в семи местах от одного удара? Ты что, думаешь, что я это ради того, чтобы побеждать? Ради медалей ваших долбанных?

Видно было, что Стром не на шутку разошелся.

А я хотел, чтобы меня любили! Любили! Понимаешь ты, мелочь? Чтобы мною гордились. Чтобы меня по голове погладили и сказали что-нибудь ласковое, ободряющее. Хоть что-нибудь. Ты знаешь, что это такое, жить как в стакане? В абсолютном равнодушии? Когда с тобой не говорят? Когда тебя не замечают? Или когда тебя боятся, или презирают? А я вставал, — Стром уже не сдерживал голоса. — Я вставал, Мелкий. Каждый раз, каждый день. Проигрывал, но вставал. И побеждал. На ступеньку каждый раз, все выше, думал, там меня полюбят. А еще хуже, каждый раз! Думаешь это просто? И под конец меня вышвырнули, как больную собаку. Из спорта, и из жизни. Бросили, все! Живи как хочешь, урод.

Ты не урод, — вдруг тихо сказала Аня. Разъяренный Стром взглянул на нее, и словно подавился, так и продолжал стоять, напряженный, но не в силах сказать и слова.

— Ты хороший, — еще тише сказала Анна.

Но Марат не сдавался. Он тоже повысил голос, и тоже шагнул вперед.

А ты меня на жалость не бери, — сказал он очень громко. — От меня ты ее не получишь. Ты, провожалыщик хренов, знаешь ли хоть, что Аня за матерью обувь донашивает? Что у них в холодильникемышь с тараканом повесились? Что у нее день рождения был две недели назад, и она никого не пригласила? Никого! Знаешь, почему? Потому что нечем даже угостить, разве что водой из-под крана. Понятно дело, что ты, папенькин сынок, которому

каждый месяц по сто штук на проживание присылают, легко можешь ей и в трусы залезть, и куда угодно. Она с радостью всю себя отдаст, лишь бы из нищеты вылезти. Но я свое слово, Стром, дал. И держать буду. Ты не пройдешь сегодня. И никто не пройдет, пока не докажет, мне в первую очередь, что достоин. А жалобы свои сверни в клубочек, и запихни куда поглубже, понял?

Они стояли, лицо к лицу, разгоряченные, разгневанные, на последнем пределе...

Не присылает мне отец больше ничего, — вдруг сказал Стром глухо, но спокойно. — Вот уже год как. Разорился, а его любовница остатки забрала, и свалила. За границу. Пьет он, сам денег просил, даже квартиру предлагал продать. Но я не дал. Работаю я, мелкий, полгода уже как. На заводе, рабочим, простым. Сам живу, не на подачки... Вот иду сейчас с вечерней смены, а тут твои сообщения... Но ты, раз слово дал, держи его. Правильно делаешь. Идите уже, школьники. Я тебя, мелкий, здесь подожду. Поговорить надо, хоть с кем-нибудь. Ладно?

Ладно, — сразу успокоился Марат. Все-таки перспектива быть избитым его мало устраивала.

Юноша проводил перепуганную Аню до квартиры, что-то буркнул на прощание, и пешком побежал по лестнице вниз. Стром ждал на скамеечке.

Присаживайся, мелкий, поговорим...

Да мне так-то домой пора, — отозвался Марат.

Полчаса раньше, полчаса позже. Время только наше, Маратка, — задумчиво пробормотал Стром. — Вот скажи мне, кто ты?

В смысле? — не понял юноша.

Ну... вот кто ты, Марат? — продолжал спрашивать Стром. — Ты вот отличник, спортсмен. Тренируешь себя, как я понимаю — и мозги, и тело. Это хорошо. Но для чего? Вот хочешь жениться на этой Ане, или на ее подруге? Хочешь ведь? Получишь хорошее место, достойную зарплату, не как я. Родятся у тебя дети. Найдешь любовницу. Тебе, такому — нетрудно будет. И потом спросишь себя — кто я?

Стром замолк.

Ну и кто я? — осторожно спросил Марат.

Да никто, — вдруг раздраженно отозвался Стром. — Кусок мяса. Тренированный обрубок человека. Робот, четко следующий заданной программе. Один из миллиардов. Обыватель. Бесплезное тело, ни на что не влияющее.

Марат только головой помотал. Ну, начались пьяные разговоры и самокопания.

Я, братишка, тут в коммунисты подался, — сказал вдруг Стром. — Такие вот дела. Надоело никем быть. Безликим, ни на что не влияющим. Может быть, люди так ко мне и относятся...

Как относятся? — спросил Марат.

Никак не относятся, — спокойно ответил Стром. — Потому что я никто. Точнее, был — никто. Молекула в обществе. А теперь — нет, я в команде. Не в спортивной, в другой..., могу на что-то влиять. И на общество тоже, получается...

Тебе Стром, жену надо, — осторожно сказал Марат. — Хорошую.

Вот ты блин, — проворчал Стром. — Я ему про Фому. Он мне про Ерёму... Вот что я тебе хочу сказать, Мелкий, — продолжал он. — Понимаешь, я справедливости хочу. Вот от каждого по способностям. Думаешь, у тебя одного есть способности? Думаешь, у меня их нет?

С чего ты взял, что я так думаю? — возмутился Марат.

Да и черт с тобой, — продолжал ворчать Стром. — Конечно, есть у меня способности. И труда я в них вложил немало. И вот получается, справедливости то и нет. От каждого — по способностям. Каждому — по труду. Слышал про такое?

Слышал, конечно...

И так уж получилось, что труд мой и способности никому не нужны оказались. И ладно бы только я. Твои способности тоже никому не нужны. И вот этой девочки, Анечки — тоже.

Марат здорово удивился словам, а точнее тем интонациям, с которым прозвучало имя его школьной подруги.

Ты не влюбился ли часом, милый друг? — спросил он с улыбкой.

А чтобы даже если и влюбился? — с вызовом спросил Стром. — Она видал, какая? Чистая, гордая...

Анька то? — уже неподдельно удивился Марат.

Ты молчи, мелкий. Слушай, что тебе старшие говорят, — Стром поднялся со скамейки. — Ты пойми, мелочь пузатая. Подумай над моими словами. Вот когда у тебя есть способности, и ты вкладываешь труд по способностям — этот труд должен быть оплачен. И оплата это — разная. Понимаешь, мелкий? Не деньгами даже. Добрым отношением. Любовью, в конце концов. Вот она, Аня. Нежная, милая, чистая и гордая. Это ее способности. И ей и награда должна быть... за это. Ничего в этом мире не должно быть просто так. Просто так — рабы работали. Потом крестьяне крепостные. Теперь тоже крепостные, но думают что свободные... И будут крепостными до тех пор пока не поймут — все в этом мире имеет свою цену. Всё, понимаешь. И даже любовь за любовь...

Ты, по-моему, нажрался в сиську, дружище, — мягко сказал Марат.

Я трезв как стеклышко, — проворчал боксер. — Пошли уж домой, мелкий. И вот еще что, — остановился Стром. — День рождения у нее, говоришь? Какого числа?

Семнадцатого, — отозвался юноша.

Ну, вот через пару недель, как раз семнадцатого, мы и устроим Анечке день рождения. Лучше поздно, чем никогда, правильно ведь? Скажи ей, прямо скажи. Что жду. Стол будет. Друзья, поздравления. Подарки. Все с меня. В лепешку разобьюсь, но кто-то должен чувствовать, чем меня обделили. Ладно, Маратка? Сделаешь?

Сделаю, — вздохнул Марат.

«Точно, влюбился наш Стром, — подумал он про себя в это же время. — С первого взгляда, как говорится. Ну и дела...»

Погода была замечательная. Не смотря на то, что кое-где еще в подворотнях лежал снег — в воздухе уже повсюду чувствовалось весеннее тепло. Ветерок, шелестя газетами и пакетами — налетал теплыми клубами, и настроение от этого поднималось. Хотелось снять куртку, почувствовать весну всей кожей.

И еще, вот что скажу, — остановился вдруг Стром. — Тебе в мае опять с этим Слоном встречаться. И теперь это не просто чемпион. Полгода его лучшие уличные бойцы

тренировали. Теперь руку ему просто так не заламаешь. Поэтому тебе надо головой работать.

Да я понимаю..., - протянул Марат.

Не понимаешь. Реально головой работай, — терпеливо объяснил Стром. — Головой его бей. Войдешь в клинч — и бей, со всей силы. Шея и голова у тебя должны быть крепкие, ты же борец, всю жизнь на мостике стоял. Удар головой я тебе поставлю. И целыми днями тренируйся, чтобы ему и нос разбить, и лоб, и губы, и глаза. И все это головой надо будет сделать. Я на него похож?

Марат невольно отступил, и посмотрел на Строма внимательно. Слон, конечно, будет повыше, сантиметров на десять, но в принципе Стромов прав — они похожи, очень сильно.

Да, — сказал Марат. — Похож.

Вот и будешь на мне тренироваться, — объяснил боксер. — Именно тренироваться в клинч входить. Да не в обычный, а с захватом обеих рук, специальный такой прием, полицейский... Его и разорвать трудно. Но руки все равно тренируй, чтобы они у тебя как у обезьяны были. По две минуты на одной руке ты должен висеть точно. Хоть на левой, хоть на правой. И желательно — с утяжелением. Понял?

Понял, — отозвался юноша.

Ну, тогда, пошел, чего стоишь?

И Марат мгновенно вошел в нужный захват.

Молодец, — одобрительно сказал Стром. — Неплохо. Еще раз...

Глава 17

В школе Марат долго смотрел на Травину, которая сидела за соседней партой, сбоку от него. Смотрел абсолютно равнодушно, чтобы девушка не смущалась. Оценивал ее прическу, макияж, одежду, обувь. Картина получалась... не очень. Конечно, с первого взгляда все «более-менее». Всепообеждающая молодость легко устраняет мелкие недостатки. Но если приглядеться внимательно... старые кроссовки. Старый свитер. Тушь комочками. Тщательно расчесанные, но при этом непослушно-вихрастые волосы.

Марат смотрел, и понимал, что в принципе девушка очень и очень ничего... но вот эта бедность, во всем, в каждой мелочи.

Дома, после школы, Марат залез в нижний ящик письменного стола, вытащил коробку, в которую складывал свои доходы от работы в пиццерии. Сумма за полгода скопилась немалая. Конечно, квартиру не купить, да и на нормальную машину не хватит. Но пару крайне серьезно навороченных велосипедов приобрести, или достаточно крутой мотоцикл — вполне.

Марат отсчитал половину суммы. Он помнил правило, которое ему много раз говорил отец: вкладывай в себя. Но если он хочет помочь друзьям, своим настоящим друзьям, как он считал — разве это не вложение "в себя"? Да и, в конце концов, будем до конца честными...

Марат усилием воли заставил себя признаться, что хочет произвести впечатление на маму Травиной, на Марину Николаевну. Она, уже взрослая женщина, показалась Марату чуть ли не идеалом. Вот именно то, что говорил Стром: гордая... И чистая. Тащила и хозяйство, и дочь — одна, ни на кого не надеясь, никому не покоряясь. Юноша чувствовал, что очень сильно задел ее, сумел впечатлить и понравиться. А это якобы случайное прикосновение? Да там вовсе не прикосновение было! Ему положили руку на плечо, да не с намеком, а прямо с твердым смыслом: "Моё! Хочу!" А как она хороша, именно телом... Та же Алёна, не смотря на спорт и раннее взросление, все равно казалась мягким угловатым подростком. А у этой женщины все было на пике формы — ноги, грудь, живот, руки, шея... Именно такие, какие и должны быть... так, по крайней мере, казалось.

Тогда, от этого прикосновения, Марат почувствовал, как ток пронзает тело, и лава жаркими потоками расходится по венам. Как стены обшарпанной квартиры вдруг засеребрились едва видимыми нитями. Он нашел в себе силы проверить свое предположение, подал руку для рукопожатия, и погладил ее ладонь, всего лишь указательным пальцем — и сразу ощутил, что не ошибся. Кисть не отдернулась, а стала мягкой и податливой.

Когда Марат уходил, на ватных ногах, ему казалось, что он слышит тонкий и нежный звук свирели в стенах подъезда...

Он посмотрел на пачку денег у себя в руках. Добавил к пятнадцати бумажкам еще парочку.

Конечно, это вложение будет не просто в свою одноклассницу. Он постарается сделать так, чтобы Марина Николаевна тоже пользовалась тем, что они накупят. На имеющуюся на руках сумму можно закупить очень много всего. Во-первых — духи и туалетная вода, лосьоны, мыло, шампуни. Естественно косметика: тушь, помада, тональные кремы и прочее. И, кстати, что именно "прочее"? Марат врубил компьютер и полез в дебри непонятной науки, призванной делать женщин красивыми. Уже через десять минут понял, что наука это

где-то и как-то посложнее геометрии и химии, вместе взятых...

Нет, что-то он делает неправильно. Где-то в глубине души зашевелился червячок сомнения. Неправильно, надо не так... А как?

Следующий день в школе Марат сидел как на иголках, время от времени незаметно поглядывая на Аню Травину. Он постоянно прокручивал в голове, как он будет обращаться к ней, подбирая слова и фразы для убеждения. Очень немногочисленные походы в косметические отделы с матерью и двоюродными сестрами давали Марату опыт, что если что-то понравилось ему — скорее всего не понравится спутнице. А уж про одежду и говорить нечего, тут все будет совершенно по-разному.

Травина, — окликнул Марат одноклассницу в вестибюле. — Не убегай, разговор есть.

Девушка такому не удивилась. Да и вообще, честно говоря, только и ожидала, чтобы Зуболом ее окликнул.

У нее накопилось столько вопросов! Кто этот страшный Стром, откуда, сколько точно лет, есть ли подруга, сколько, где живёт, как можно увидеть, точно ли она, Аня Травина, понравилась этому страшилищу?

Хотя никакое Стром не страшилище, одергивала она себя. Просто несчастный. Очень сильный, красивый и несчастный. И притягательный. И надёжный, как скала. Как гора...

Девушка видела его всего один раз. Была рядом от силы десять минут, даже не разглядела толком в полумраке. Но что-то там случилось. Что-то произошло между ними, без слов, просто... Словно разряд молнии. А потом в нее словно магнит вставили. Анна понимала, что ее прямо помимо воли тянет к этому человеку, все мысли только об этой встрече. И как приблизить вторую?

Слушай внимательно, Травина, и вникай, — начал говорить Марат. — Помнишь Строма?

Девушка растерянно закивала.

Он мой друг. Очень хороший человек. Он узнал, что ты день рождения не праздновала, и хочет устроить его. Тебе. Да, знаем, поздно. Но лучше поздно, чем никогда. Поэтому, подруга, семнадцатого апреля мы идем к Строму, праздновать твой день рождения. Будут гости, стол, подарки, все как положено, просто на месяц позже... Не перебивай.

Марат собрался с духом, и продолжил говорить:

Стром человек ответственный. Он понимает, что вы с мамой живете бедно. Поэтому он дал мне денег, чтобы я тебя... я с тобой. Короче, тебе нужно выглядеть на все сто. Вот такие дела. И мы с тобой пойдем в магазин...

Никуда я не пойду. Маратка, ты чего? — не выдержала Травина. — Какой день рождения? Какой магазин? Ты с ума сошел? Вы оба сбрендили?

На самом деле она хотела сказать совсем другое. Она так несказанно обрадовалась тому, что прозвучало. Но эта гордость, можно сказать — гордыня, заставила сказать совсем иное. Да и что это такое? Её что, хотят купить? Как шлюху? Она не шлюха!

Да заткни ты свой рот, — грубо сказал Марат. — Это от чистого сердца. Втюрился он в тебя, понимаешь? Сбрендил, если хочешь. Понравилась ты ему, очень. А я за тебя ответственный, я за тебя слово держу. Ты сама все слышала. И поэтому деньги не тебе он дает, а мне. Мне! Поняла? Так он мне показывает, что достоин. Поэтому ты будешь просто

братъ, что тебе понравилось, а платить буду я. Поняла?

Маратка, слушай, это сумасшествие какое-то. Мы, вдвоем? Да что мы хоть выберем? Да ты хоть понимаешь? С ума сойти. Я если и пойду, то только с кем-нибудь, кто хоть чуть-чуть разбирается...

Да там консультантов небось..., - начал Марат, и остановился.

Тут он понял, что за «червячок сомнения» его грыз. Ну конечно, все же просто! Вот представь, что мужчина идет в автомобильный салон, а до этого вообще в машинах только сидел, да и то — на заднем сиденье. А ему поручили машину для гонок по бездорожью купить... при этом он — не в зуб ногой, вообще. Консультанты эти... Да Аня то вообще если и пользуется косметикой, то только от матери. А Марина Николаевна, в свою очередь...

Все, понятно. Но это даже упрощает дело.

Понял, — сказал юноша. — Минуту.

Обернувшись, Марат поискал в толпе одноклассников знакомую фигурку.

Комарова! — крикнул он громко. — Ирка! Иди сюда!

Аня не могла поверить в происходящее. Первую красавицу класса — и зовут вот так, на повышенных тонах, как провинившуюся служанку?

Да Комарова просто презрительно фыркнет, и даже ухом не поведет!

И каково же было изумление Травиной, когда красавица Ира отделилась от стайки своих «фрейлин», и совершенно одна направилась к ним.

Чего тебе, мелкий? — процедила Комарова сквозь зубы.

Отойдем в сторонку, поговорить надо, по душам. Должок за тобой, кстати, — напомнил Марат.

Ну, пойдем, поговорим...

Несколько минут Травина стояла одна, и не знала куда деваться. Такое впечатление, что вся школа смотрит на нее. Подруга Шишкина так и вообще глаза выпучила. Смотрит так, как будто жабу увидела. Несколько раз к ней хотели подойти, но властный взмах руки Комаровой, или сжатый кулак Зуболома — быстро отгоняли любопытных еще на подлете.

Несколько раз во время разговора Комарова оглядывала Травину так, как будто первый раз ее видела. Наконец эти двое вернулись к своей жертве.

Анечка, — промурлыкала Ирина. — Мне тут Маратик объяснил суть проблемы. Ты не бойся, в обиду тебя не дадим. И все будет просто отличненько, ты уж поверь. Заходите ко мне сегодня, в три. Нырнем, подруга, в глубокий шопинг, и развернемся так, что сворачиваться не захочется. Чао, бамбины.

Королева вернулась к хихикающим фрейлинам. Но Аня видела — не смотря на настойчивое любопытство подружек, Комарова не сказала им ни слова, даже не удостоила их с Маратом повторным взглядом. Как будто проблема уже решена, и не стоит упоминания.

Травина, — настойчиво сказал Марат. — Иди домой, я у тебя буду в половину третьего. Чтобы была готова. Как штык. Без пяти три мы войдем в подъезд к Комаровой, и оттуда начнем наше шествие. Хорошо?

Хорошо. Ладно, — только и ответила обескураженная девушка.

Комарова встретила их на пороге, уже обуваясь в розовые сапожки. Марат залюбовался красавицей. Розовые лосины, розовая кофточка и курточка, и только шарфик — ярко-красный. А уж когда она подняла голову, эффект был потрясающий. Перед Маратом с Аней

стояла взрослая, как минимум двадцатипятилетняя опытная женщина, сильная и расчетливая хищница.

Ирина с ироническим пониманием окинула взглядом Травину.

Не робей, подруга, — только и сказала Комарова. — А эту рванину потом на помойку выбросишь.

На выходе из подъезда их поджидал черный Мерседес.

Я такси вызвала, — пояснила Ира. — В «Голден Палас» мы на автобусе не поедem. И, подруга, запоминай... Мальчики платят за всё.

С этими словами она застыла у задней двери, и Марат, поняв намек, проскользнул — и распахнул эту дверь перед красавицей. Аня справилась сама.

Комарова только хмыкнула:

Мальчики впереди. Девочки сзади. И если им не хочется, то мы можем и не ехать...

За время короткой дороги девушки успели разболтаться, и к огромному зданию подъезжали уже на правах равных подруг.

«Голден Палас» представлял собой трехэтажный дворец с эскалаторами и башенками. Если бы Марата спросили: что это? — то он бы ни секунды не колеблясь ответил: большой бутик.

Голден Палас и являл собой титаническое скопище именно бутиков. Здесь продавали все для женщин: начиная от обуви, заканчивая драгоценностями. Даже охранники здесь были похожи на метрдотелей — лощеные, холеные, в отличных костюмах, при дорогих галстуках. Здесь все было очень шикарно. И очень дорого.

Марат, у которого в кармане шуршала целая стопка купюр высшего достоинства, слегка оторопел, когда разглядел первые цены. Конечно, пытался успокоить он себя, это витринные образцы, самое лучшее... Но лифчик за пятнадцать тысяч? Это что? Это как? Бриллиантами он, что ли, украшен? Да вроде нет, обычная тряпочка...

В величайшему изумлению юноши Комарова не потащила их сразу на верхние этажи, где (на памяти Марата) базировались отделы тряпья и косметики. Нет, Ирина уверенно зашла в обувной отдел, и критически оглядела полки.

Мы будем отталкиваться от обуви. Нам будут нужны сапоги и туфли. Для начала. Марат, а ты иди, и поздоровайся с охранником...

Что? — протянул Нечаев. Обилие возможностей затмило девушке разум? Какой охранник?

Комарова повернулась к однокласснику и сказала четко и прямо:

Марат Нечаев, по прозвищу Зуболом, иди и поздоровайся с любым охранником. Желательно — за руку. Что непонятного я сказала?

Да вроде, все понятно, — смутился Марат.

Он растерянно озирался по сторонам. Вот вроде охранник, сидит на стульчике у входа. Юноша, явно смущаясь, подошел к нему.

Здрaсте, — с нагугой сказал он. Потом внутренне собрался и повторил куда уверенней. — Здравствуйте.

К величайшему изумлению охранник, здоровенный дядька с квадратным лицом — протянул в ответ руку.

Здорово, — сказал он басом. Потом кивнул на девчонку: — Твои?

Мои, — подтвердил Марат.

Молодец, — одобрительно прогудел дядька. — В розовом очень даже ничего...

Ну вот откуда юноше было знать, что этот дядька, у которого на лацкане пиджака красовалось в золотой рамке имя «Алексей» — сразу узнал того, кто зашел к нему в магазин в сопровождении двух девушек. Алексей тоже поставил на беспроегрывную серию Марата кругленькую сумму, почти целую зарплату. В случае победы он рассчитывал получить в шесть раз больше! Марат, которому остался всего один бой до величайшего триумфа — пока еще никого не подвел. И весь город, все Братство, затаив дыхание — ждали начала следующего месяца...

Охранник Алексей вчера вечером несколько раз просмотрел последний бой Зуболома против динамовца Банана. Те, кто занимался постановкой этих драк, уже упрашивали и требовали с крейсеров выпускать против щуплого Зуболома ребят покрупней. Бои получались очень зрелищные. Мангуст против удава. Давид против Голиафа. Банан против Зуболома. Банан был очень большим. Но в руках этого большого парня не было и половины силы Марата.

Многие считали, что у Зуболома какая-то генетическая мутация. Многие думали, что у него вместо человеческих мышц — как минимум мышцы орангутанга или гиббона. Что он может спокойно прыгать с ветки на ветку и разрывать человека голыми руками...

Хотя были и другие, такие как Дед, которые считали немного по другому. Так или иначе — Братство сейчас было готово сдуть с этого ничего не понимающего парня пылинки. И охранник Алексей тоже...

Побудьте здесь, — сказал он Марату. — Сейчас все улажу, объясню девочкам ситуацию. Иди к своим девчонкам, выбирайте что хотите.

Одноклассницы в это время зависли возле полок с высокими сапогами. Комарова задумчиво держала в руках один прекрасный экземпляр. Аня, явно смущаясь, примеривала другой.

Очень дорого, — сказала наконец Травина. Сами сапожки ей нравились. Более того, она испытывала к высоким сапогам странное, и почти болезненное влечение, понимая, что вряд ли будет такие покупать, а тем более носить. Разве что какое-то чудо...

К ним подошла старшая администратор зала (так, по крайней мере было написано на бейдже у нее на груди):

Хорошие модели, — заметила она ласковым голосом. — Мишель Корс. Если будете брать, то только сегодня скидка. На все модели, кстати...

Да, мы будем брать, — томно произнесла Комарова. Она то прекрасна была осведомлена о сумме, которую Марат собирался потратить на Травину, и собиралась истратить ее всю. — Нам бы еще ботильоны и туфли. На них тоже скидка?

Если вы про Мишель Корс, то да, сегодня вам за пятьдесят процентов..., — администраторша словно невзначай выделила слово «вам». — Возьмете эти — и вам любые туфли в подарок.

Сработало, — тихо промурлыкала едва себе под нос Комарова. — Ну, погнали...

Марат чувствовал себя не в своей тарелке. Три пары обуви обошлись им крайне дешево. Еще казалось, что за ними наблюдают. Юноша словно кожей чувствовал эти взгляды, исподтишка. Любопытные, оценивающие, иногда прямо раздевающие. Как будто вышел на

ковер, а противника и нет, и все смотрят только на тебя, и не совсем понятно — что дальше.

Дальше они ожидаемо переместились в отдел косметики. Тушь, помады, кремы, маски, гели, еще что-то. В десятках коробочек, бутылочек и пакетиков. Марата даже немного затошнило. Комарова набирала очередной кулек, шла на кассу. Где ей сразу протягивали несколько карточек — скидочную, дисконтную, или вообще — подарочный сертификат... Марат вытаскивал деньги, ему возвращали сдачу. Мимо пробежали стайки девушек в белых блузках.

Потом они оказались среди одежды, которая пахла как парфюмерия. Совсем не так, как в мужском отделе. Травина не выходила из примерочной. Комарова осматривала полку за полкой. Отбирала что понравилось и отправляла очередную девушку к Травиной за тяжелую портьеру.

Затем снова косметика, но уже для ванной. Снова одежда. И... снова одежда, точнее белье, нижнее. Марат почувствовал что оба кармана его джинсов полны дисконтными и скидочными картами, чеками и еще какими-то бумажками.

Они сложили часть купленного в камеру хранения на первом этаже, и рванули в парфюмерию. Опять скидки, опять какие-то странные подарки. Травина теперь выглядела совершенно не так, как пришла. Куда-то исчезла ее зеленая курточка-штормовка. Появилась светлая блузка, широкий ремень. Почти мужские брюки со стрелкой — вместо джинсов. Широкий темный браслет на руке. В какой-то момент Марат запустил руку в карман, достал оттуда последнюю купюру. Еще куча денег гораздо меньшего достоинства были рассованы по карманам. Он помахал этой купюрой перед носом Комаровой, как парламентар белым флагом перед строем врагов.

Цепкие пальчики ухватили бумажку.

Последняя, — предупредил Марат.

Нормально, — благосклонно ответила Ирина.

На прическу у них ушло почти полтора часа. Загружаясь в такси, Марат обреченно соображал, как они будут объяснять Марине Николаевне эту гору пакетов? Он то реально думал, что максимум таких пакетов будет пять, может быть шесть. Но четыре десятка пакетов, пакетиков и натуральных баулов, изукрашенных логотипами различных фирм! Он заглянул в ближайший, не самый большой. Там оказался как минимум десяток пар колготок, в упаковке. Нужно, несомненно... Но как объяснить?

Спасла положение, понятное дело, Комарова. Когда они, все вместе, включая шофера, ввалились с этой шуршащей горой в маленькую квартирку на седьмом этаже — Марина Николаевна застыла, с непониманием разглядывая вошедших, сложив руки на груди.

Здравствуйте, Марина Николаевна, — важно сказала красавица Ирина. Голос у нее звучал как-то странно. Как будто она наелась до отвала очень сладких конфет. — А мы тут решили сюрприз устроить, на день рождения.

Какой день рождения? — не понимаяще выдавила из себя Марина.

У Ани же был день рождения, а мы не успели ее поздравить, — с маленькой ноткой извинения произнесла Ира. — Вот мы с Маратиком собрали с наших остолопов в классе денежку, и вот... Прошли по магазинам. Тут мы вам халатик подобрали, посмотрите, на него сумасшедшая просто скидка была. Аня носить не будет, наверно. Но вам подойдет. Или я могу его забрать...

И с этими словами Комарова ловко достала из горы толстый пакет и вытащила из него настоящее чудо, серебристый, гладкий розовый шелк, развернула, встряхнула. У Нечаева аж дыхание перехватило, как он представил Марину Николаевну... вот в этом...

Мам, я тебе тушь взяла, смотри, — вмешалась Травина. — Там сегодня если покупаешь, вторую в подарок.

Настоящая Шанель, — подхватила Комарова. — У меня такая есть, но не деменшон, а маскара. Я думаю, себе тоже такую возьму...

Красавица четко отыгрывала роль прилипалы-жадинки, которая попала под водопад неслыханной щедрости, и готова воспользоваться ситуацией по полной программе. Она тоже понимала, что у матери Ани непременно возникнут вопросы по поводу всех этих покупок, на умопомрачающую сумму.

Если бы Ира и Аня пошли вдвоем, то они бы не купили и половины этих богатств. Комарова в полной мере воспользовалась расцветающей славой Марата. Она, вращаясь в довольно высоких сферах со своим ухажером Сергеем — прекрасно слышала разговоры о персоне Нечаева. К ней даже подходили пару раз — спросить, правда ли она одноклассница Зуболома? Если бы девушка не знала ситуацию, то она тоже бы недоумевала, и строила догадки.

Такие, что Марат внебрачный внук или даже сын всемогущего Деда. Что Дед собирается со временем передать этому отличнику бразды правления, пусть не все, но значительную часть. Сам ведь Марат ничего не рассказывал — просто потому, что ничего не знал.

Конечно, он наверняка догадывался, но пока все укладывалось в рамки мальчишеского мировоззрения. Да, он долго тренировался. Он превратил свое тело в идеальный механизм для борьбы, а мозг — в совершенную вычислительную машину, способную решить самые невероятные задачи. И поэтому его все вокруг знают.

Это далеко не шутка, выигрывать на протяжении двух лет зачин перед битвой. Ну, честно говоря, не выигрывать, а «не проигрывать». Ведь так и было установлено в условиях — не проиграть. Не крикнуть «Сдаюсь» или «Хватит». Не стукнуть рукой по земле в извечном жесте позорной сдачи. Не попасть на болевой прием, не упасть без сознания, не

побежать на свою половину. И он не просто ни разу так не сделал — но более того — все его одиннадцать соперников по всем уличным, пацанским и даже взрослым понятиям — проиграли, сдались. Ему, маленькому уличному бойцу!

Конечно, это приносит любому человеку серьезную славу. Для Марата то, что его знают все и везде — было как нечто само собой разумеющееся.

Ира с Аней, сообразив, что никто не собирается их выгонять из дома и сдавать все богатства обратно — прошмыгнули в маленькую комнатку, вместе с пакетами. Шофер, который помог ребятам все это донести — учтиво кивнул головой, и исчез.

Марат и Марина остались в прихожей одни.

Юноша смотрел на Марину Николаевну, и слова застревали в горле. Их было так много, этих слов, что он не понимал с чего именно начать.

В какой-то момент он понял, что банально боится. Он и раньше испытывал некую робость в общении с девушками, но как сам считал — давно сумел это преодолеть. Но это же совсем не девушка. Это женщина, почти вдвое его старше! Наверняка опытней, и намного.

Марина Николаевна тоже смотрела на мальчика, стоящего перед ней. В какой-то момент она поняла, что ещё секунда — и залетит краской, как неопытная девчонка. Настолько пристально и внимательно этот мальчик ее рассматривал. И, похоже, прямо через одежду.

Я прошу прощения за прошлую ситуацию, — вдруг сказал этот юноша, и Марина поразились глубине этого спокойного голоса. — Я вас просто перепутал. Но это и не мудрено. Вы поразительно красивая женщина.

Сказав эти заранее заготовленные, отредактированные и отрепетированные фразы, Марат почувствовал, что его щеки загорелись. В голове же у Марины Николаевны промелькнула мысль, что впервые в жизни она слышит столь прямой, и тем не менее — чрезвычайно изящный комплимент.

Спасибо, — растерялась она. В голове промелькнула мысль, что мальчика неплохо бы напоить кофе...

Там девчонки разной помады накупили, просто ужас, — как ни в чем ни бывало продолжал Марат (кто бы знал, чего стоило ему это показное спокойствие!). — У вас какой цвет любимый?

Выдав эту, уже совершенно неподготовленную фразу, Марат своим инстинктом борца вдруг понял, что сделал что-то очень правильное и верное. Все его чувства просто кричали: ты молодец! Правда, что делать дальше, и что означает его "правильное" действие, и как им воспользоваться — Марат не понимал.

Марина Николаевна, поняв, что диалог завязался, с облегчением вздохнула:

Даже не знаю. Мне всегда нравились спокойные тона. Но сейчас бы с удовольствием попробовала что-то...

"Необычное", — закончил про себя Марат. Она сейчас попробовала бы что-то, необычное... Сейчас.

Это, как понял юноша, какая-то чрезвычайно важная информация, он узнал нечто очень ценное. Сейчас бы развить успех, и просто понять, что именно необычное хочет попробовать эта женщина. Опробовать одну из покупок? Или попробовать... его?

Знаете, я столько сейчас помотался по магазинам, и все настолько... странно... Что,

знаете, я бы с удовольствием что-нибудь выпил. Например, кофе, — тотчас уточнил юноша.

О, да, конечно, — тотчас согласилась Марина. — Сейчас поставлю чайник.

Она скользнула на кухню, взяла почти пустой чайник в руки, и пока наливала в него воды — обессилено прислонилась плечом к стене. Что происходит? Этот сильный, глубокий, мощный голос, который как будто говорит слова, а на самом деле в каждом звуке слышится: я тут хозяин... Этот спокойный, пронизывающий взгляд, который пошел бы больше сорокалетнему мужчине. Эти уверенные, спокойные, гибкие и исполненные мощью движения. Да у нее руки дрожат! Если он сейчас войдет, и обхватит ее за талию, то она растает и обмякнет в его руках как теплое мороженное. Да она просто мечтает об этом...

С вами все в порядке? — раздался за спиной все тот же голос с завораживающими интонациями. Марина чуть не подпрыгнула от этого вопроса. Все ли в порядке? Далеко всё не в порядке, мой мальчик...

Марат же, судорожно вспоминая, что он читал по психологии общения и допроса, судорожно пытался выстроить стратегию. Этого самого общения. А лучше — допроса. Допросить эту женщину, с пристрастием, что она чувствует, что она хочет, как она хочет? Но как, черт побери, это сделать? Стандартным способом, как в учебниках-пособиях? Три-четыре ничего не значащих вопроса, и потом основной? Ваше имя, фамилия, место проживания..., а не хотите ли потрахаться со мной? Черт!

Кто бы научил! Кто этому вообще может научить — узнать, что человек думает, и притом, чтобы жертва даже не догадалась, что именно ее спрашивают. Ведь это возможно, совершенно верно, и многие это умеют делать. А что делать ему, шестнадцатилетнему пацану?

Да, со мной все в порядке, — ответила Марина Николаевна. — Просто на работе немного устала...

Они сидели на кухне, разговаривали о пустяках, Аня и Ира время от времени забегали, поодиночке или вместе, чтобы похвалиться очередной обновкой.

Одно было ясно — бури не будет. Марина Николаевна не будет задавать лишних вопросов: что это, откуда и зачем. Их маленькая шалость — удалась.

Марат же, чувствуя, что сегодня он сделал еще один шаг к пониманию женщин, быстро сообразил, что ему пока не хватает знаний. Он не стал форсировать ситуацию, просто немного посидел, через десять минут попрощался, и скоро стоял в дверях.

Я как-нибудь еще зайду? — спросил он хозяйку квартиры.

«Обязательно», — чуть не выкрикнула Марина. Но сдержалась:

Да, конечно, — сказала она вслух, и подала руку.

Марат поймал тонкую ладонь. Глядя прямо в глаза женщине, он накрыл эту хрупкую ладошку своей рукой. И почувствовал, что никто и не пытается вырваться из захвата, а скорее всего — и наоборот. И будет совершенно уместно (пока никого нет) — притянуть эту женщину к себе, обхватить за талию, и поцеловать, без всяких языков, но чуть-чуть прикусив ей губу, как учила Алёна...

До свидания тогда, — сказал Марат, и вышел в темноту подъезда.

Марат чувствовал себя художником, осваивающим новые и новые приемы искусства. Он давно прочитал Фромма, и тоже был уверен, что любовь — это не предмет и не наука, а искусство. Если раньше, как начинающий, он владел только базовыми приемами, то теперь постепенно улучшал их, стремясь к совершенству. Его арсенал пополнялся новыми знаниями

и умениями — и они тоже совершенствовались, сначала в воображении юноши, а затем и в реальности. Словно в той же живописи...

Марат поставил себе цель — научиться понимать, что говорят женщины. Не пытаться самым банальным способом отгадать их мысли, нет. Научиться задавать правильные вопросы. Как тот, что он задал Марине Николаевне, про её любимый цвет.

Проштудировав гору источников, он, наконец, напал на нужный.

Это были так называемые тесты по Фрейду. Имел ли к ним отношение сам Зигмунд — неизвестно, но метод казался вполне рабочим.

Суть в том, чтобы спросить у человека так, чтобы ответ формировался в глубинах подсознания. А человек вынужден отвечать осознанно, то есть сознанием и человеческой речью формировать правдивый ответ. Просто потому, что не очень понимает — что именно его спросили?

Например, спроси у человека цвет — и узнаешь его настроение. Но... На самом деле важно то, с чем именно тестируемый человек этот цвет ассоциирует. Что именно он говорит об этом цвете.

То есть, тогда Марина Николаевна совершенно определенно ответила, что у нее сейчас необычное настроение. И можно было уточнить — какое именно «необычное». Уточнить прямо по цвету помады! Надо было только спросись почему именно красный!

Конечно, спросить подсознание можно не только по поводу цвета. Животное (не обязательно любимое) — обозначало, как человек воспринимает себя. Как относится к себе? В своих глазах? Это мог быть тот же лев, тигр или волк. Но, опять же, главное — не сам зверь, а что с ним ассоциируется.

Человек мог сказать, что его любимое животное — мышь. Сейчас эта мышь была робкая, пушистая, беззащитная. Через пять минут — этот мышонок был храбрецом со шпагой, этаким Рипичипом из Хроник Нарнии. Как человек меняет свои настроение и ощущения — так и подсознание выдает правдивые и достаточно четкие определения, но только на текущий момент.

Затем Марат узнал, что обозначают ассоциации с дорогой, домом, сундуком, стенами, лесом.

И, наконец, добрался до самого восхитительного — до воды...

Это было необыкновенно. Юноша чувствовал, что он освоил совершенно необычную технику. Как мудрый и опытный психолог, он мог теперь с отсутствующим незаинтересованным видом задавать как будто ничего не значащие вопросы, и узнавать чуть ли не подноготную о собеседнике.

Все это он прочитал и изучил через планшет, постоянно находясь на мостике «вперед» или «назад». О да, он прекрасно понимал, что последняя схватка не за горами. И противник у него более чем серьезный. Гораздо сильнее его, быстрее в реакции. Может быть даже более ловкий. Куда более опытный, например, в размене ударами. Марат понимал, что никакого размена быть не должно. Что он упадет — после первого же удара. Руку соперника, и даже ногу — ему теперь поймать не удастся. Оставалось только одно — держать его как можно ближе. В захвате, в клинче. Бить головой, как и сказал Стром. Это единственный вариант, других нет.

Поэтому он качал на мостике шею. Мог стоять, уперевшись головой в паркетный пол, без рук, — не минуту, а десятки минут. Кости черепа скоро станут такими твердыми и прочными (хотя они уже и были такими), Марат это чувствовал, что, даже ударив головой в

кирпичную стену — еще неизвестно кто выдержит — его череп, или стена.

Когда шея и лоб уставали — он висел на одной руке. На правой он мог провисеть уже десять минут. На левой — только восемь...

Каждый вечер они отрабатывали клинч-захват со Стромом. Огромный Стромов двигался удивительно быстро и пластично, иногда ему удавалось высвободиться.

Он боксер, — говорил Стром. — При этом гораздо сильнее тебя. Поэтому примет твой рывок грудь в грудь. Не попытается убежать, скорее всего, еще и шаг вперед сделает. Даже руки твои не попытается откинуть. Потому что знает, что выдержит любой твой удар. Вот на этом мы и сыграем, мелкий. На этом мы его и подловим...

Все это время Марат читал, впитывал как губка, проигрывал ситуации в голове, снова и снова. В школе у него недостатка в подопытных не было. Очень скоро он узнал о своих одноклассниках много интересных вещей. Что худющая волейболистка Ольга Чуланова ассоциирует себя с коровой — толстой и неповоротливой, с грустными глазами. Что весельчак Алексей с очень веселой фамилией Любимый — видит свою будущее как дорогу через лес, со многими препятствиями, а его веселье — лишь попытка заполнить пустой сундук, в затянутом паутиной доме... Что сексуальность красавицы Ирины Комаровой — похожа на озеро, в лесу, отгороженная ото всех, на берегу которого можно расслабленно лежать, но не залезать, потому что вода очень холодная...

В тот день было все как обычно. Как будто — обычно...

Подъем, утренняя пробежка, домой, под душ.

В ванной Марат заметил, что дышит как-то неглубоко, и слишком часто. Он заставил себя успокоиться, и дышать полной грудью. В школу он шел в какой-то странной тишине. Как будто люди смотрели ему вслед, но без малейшего слова и звука. И даже веселые синицы переставали чирикать, когда он проходил мимо. Перед входом в вестибюль стояла толпа — но она распалась, расступилась, тоже без единого звука, в молчаливом почтении — образовала широкий проход. С ним сегодня не здоровались, старались вообще не подходить, чего Марат и не заметил сначала. Девчонки глядели с испугом. А парни — как то чересчур нахмуренно. Учителя не задавали никаких вопросов мрачному Нечаеву, который пересел сегодня за последнюю парту.

После уроков, уже по дороге домой, Марату преградила путь тройка друзей: Граф, Комбат и Мурый.

Юноша остановился, вглядываясь в хмурые лица.

Готов? — спросил внезапно Граф.

Я же пионер, — отозвался Марат. — Последний чертов пионер в этой гребанной школе. Я всегда готов...

Друзья молча расступились, и Марат пошел дальше.

В шесть вечера он был на заднем дворе. Все как обычно. Вот только вывернув из-за угла школы, Марат чуть не вскрикнул от удивления.

Здесь собралось человек двести, не меньше. Бойцы стоят кружочком. Вокруг них — взрослые ребята. Несколько дорогих машин. Стайки девушек. Мальшня какая-то. Их классная руководительница, Вера Борисовна — она тоже здесь!

Все, как только Марат появился — затихли. Только десятки глаз вглядывались в его лицо.

Взгляд Марата стал каменным. Он без какого либо страха посмотрел в эти глаза. Всем, каждому. И увидел то, что не доступно остальным.

Они в него — верили!

Они пришли не прощаться, не пожелать удачи, не пожалеть. Они пришли потому что верили в маленького уличного бойца.

Он не должен их подвести.

И он не подведет.

Давай, мелкий. Не подкачай. Устрой им там всем, — проворчал в тишине Стром, который стоял с какими-то квадратными мужиками ближе всех. — Кто сильней?

Мы — сильней, — отозвался Граф, но не криком, а вполголоса, чуть ли не шепотом.

Мы — сильней! — взвился голос Комбата.

Мы — сильней!! — заорали на все басы мужики около дорогих иномарок, за ними взвизгнули девчонки, подхватили бойцы.

Мы!!! Сильней!!!

То же самое футбольное поле. Только теперь там не гоняли мяч.

Оно было пустынным, ровным, как гладиаторская арена. Еще Марат отметил огромное количество зрителей. Которых раньше вообще почти не было. А сегодня тут куча людей: от плечистых мужиков в дорогих костюмах, до странных личностей в драной дешевой джинсе. Марат мог поклясться, что все они держали наготове мобильные телефоны — чтобы непрерывно снимать все, что ни попадет на глаза.

Славу-Слона он выделил сразу. Это был уже не растерянный мальчик. Даже издали, по его движениям, было понятно — чемпион прошел суровую школу не просто боев без правил, а подлых уличных потасовок. В его движениях не было спортивной сосредоточенности. Зато появилась вальяжная расхлябанность, этакая непредсказуемость опытного уличного воина. Способного и готового ударить из любого положения и позиции. Он тоже вел беспроигрышную серию — уже четыре победы подряд. Повергал провинциальных противников двумя ударами, обычной прямой двойкой, которую никто не мог выдержать.

Таким же расхлябанным, почти легкомысленным шагом — Слон двинулся на середину поля, не дожидаясь никакого сигнала. Которого, честно говоря, никто и никогда не подавал.

Марат ощутил тяжелую руку на плече. Повернув голову, он понял, что это их крейсер, Геннадий Беседа. Квадратный весельчак на этот раз был молчалив и угрюм, и крайне сосредоточен. Не отрываясь, он смотрел на противника Зуболома, словно хотел повергнуть гиганта одним своим мрачным взглядом.

Давай, не подкачай нас, — сказал Беседа беззвучно, одними губами.

Марат пошел вперед, совершенно не ощущая страха. Слон смотрел на своего маленького противника с неприкрытым изумлением, и некоторой капелькой презрения. Как он мог позволить победить себя этому... недоразумению?

Не дойдя пяти метров до Слона, Зуболом встал в почти идеальную боксерскую стойку. Слава даже покачал головой. Противник решил сдаться, в честном бою? Однако его предупреждали, и много раз — этот парень очень и очень непрост. Где то раскопали информацию, что этот мелкий ночью убил собаку, здорового сторожевого пса — одним ударом ножа в сердце. А потом отпилил собаке голову, положил под тряпку на скамейку, и хозяин пса на следующее утро обнаружив такое — слегка двинулся рассудком. На какой-то момент у Слона пробежал холодок между лопаток. А если его противник действительно пронес на поле нож? Или остро заточенную отвертку? Шило? Да нет, не может быть...

Чемпион рванулся вперед. Маленькая тень, почти распластавшись по земле — ему навстречу...

Слон почувствовал, что между руками проскользнуло щуплое тело. Тонкие плети легли чемпиону на шею. Классический клинч... Сейчас он его просто отбросит, и ударит, вдогонку. Один раз, наповал... Но твердые холодные руки соскользнули с толстой шеи вниз, и Слон с изумлением понял, что у него остались свободными только ноги... Странное ощущение. Зуболом вцепился в противника мертвой хваткой, захлестнув свои руки в борцовском захвате «пальцы в пальцы» у того на спине.

А еще через долю секунды Слон понял, что проиграл. Удар, который на него обрушился — можно было сравнить с ударом кузнечного молота. Мелкая тварь ударила его головой, в самое мягкое и незащищенное место. В нос. Сам Марат не пострадал никак — этот удар он

отрабатывал десятки тысяч раз, и в голове, и в реальности. Брызнула кровь. Еще один тяжелый удар — теперь под глаз. Под левый. Через мгновение — под правый. Еще раз — в нос. И теперь в лоб — со всего размаху. Противнику — в переносицу, а тебе — в надбровные дуги, в самое твердое и прочное место на голове. Марату показалось, что он слышит треск костей. Чемпиона повело, они упали в пыль футбольного поля. Зуболом поправил хват — и ударил еще раз. Зубы чемпиона затрещали. Еще удар. И еще. Теперь уже все гораздо проще. Перед глазами — месиво из плоти и крови, Слон метался, напрягая все силы, пытаясь вырваться, извиваясь как червяк.

Голова Марата равномерна была по потерявшему от боли рассудок чемпиону — равномерно, сосредоточенно, спокойно, как молот забивает сваю.

На четвертом десятке ударов все кончилось. Чемпион захрипел, и обмяк.

Не веря сам себе, Марат разжал хват. Отскочил, готовый ударить еще раз. Мир перед глазами слегка плыл. Вытоптанная земля залита кровью. Машинально Марат протер свое лицо. С пальцев тоже капала кровь. Это плохо. Если придется еще раз входить в хват — то мокрые пальцы могут соскользнуть. Как можно быстрее и тщательней он стал вытирать руки об штаны, каждую секунду ожидая крика: «наших бьют».

Но крика не было. Вокруг стояла мертвенная тишина. Зуболом поднял глаза, думая что его просто оглушило, ожидая увидеть надвигающиеся шеренги противника. Но перед ним стояла только толпа, совершенно не готовая к бою.

Внезапно на поле раздался звон колокола. Спартакотцы растерянно расступились от своих ворот, и Марат увидел, что человек, который ударил в колокол — это их крейсер, борец по кличке Арслан.

И тут звуки появились. Мир снова ожил.

Сначала раздался знакомый голос, донеслись слова Комбата. Смысл сразу утонул в шуме десятков других голосов. Марат окружили, хлопали по плечам, Гена Беседа взял его обеими руками за щеки, и безумными зрачками смотрел в глаза. Крейсер что-то кричал, Марат не мог понять — что именно. В уши ворвался шум, а потом он почувствовал странную легкость. Десятки крепких рук подняли почти невесомого для них Марата — и он увидел море голов, сотни открытых ртов, широко раскрытые глаза.

Слон, — пытался сказать Марат. — Слона затопчите. Да помогите парню!

В какой-то момент он увидел, как бывшего чемпиона волокут под руки к «скорой».

Да погодите вы! — заорал Зуболом, его отпустили, и он стал пробираться сквозь толпу к бывшему сопернику.

Кое-как нагнал его уже у самой машины:

Слон? Ты живой? У тебя все нормально?

Шволочь ты, — добродушно и басом отозвался чемпион, а у Марата отлегло от сердца.

Шволочь мелкая, — продолжил Слон, и что-то выплюнул, бело-красное. — А у меня все нормально, не волнуйся, и не такое бывало... Зубов, правда, недошгаёт. Иди уж, ждут там тебя...

Марата действительно ждали. Четверо очень крепких взрослых мужчин на огромном черном джипе. Марата подхватили под руки, и повели к машине — аккуратно, но твердо. Толпа бойцов вперемешку с зеваками — расступалась перед этими черными людьми в костюмах.

Куда это мы? — спокойно спросил Марат, очутившись в прохладном нутре машины, ни к кому особо не обращаясь.

Не бойсь, мелкий, к Деду едем, — с хохотком ответил мужчина на сиденье рядом с водителем. — Просил тебя самолично, и как можно быстрее доставить, сразу после победы.

Мне бы вытереться чем-то, — сказал Нечаев.

Ему всучили в руки огромное махровое полотенце. Марат начал тщательно оттираться от крови, прислушиваясь к организму, пытаясь определить свои повреждения.

«Повреждений нет. Никаких. Вообще», — изумленно отрапортовал мозг.

Машина все набирала и набирала ход. В затемненном стекле мелькали знакомые городские пейзажи. Мимо которых джип проносился с ревом и скоростью, достойной болида Формулы-один.

Вот они сбавили скорость, и едут вдоль набережной, в центре города, сворачивают на незаметный переулочек, вдоль дороги — столетние липы. Железные ворота разъезжаются в сторону. Они на промышленной территории. Вокруг — ни души... Хотя нет, охранники присутствуют, просто стараются на глаза не попадаться. Машина ползет уже со скоростью черепахи, и останавливается перед высоченным, четырехметровым бетонным забором.

Вылезай, герой, — командует тот, что рядом с водителем.

Марат выбрался из машины, и та исчезла, вместе с шофером, и другими двумя охранниками. Как будто трехтонная громадина испарилась в воздухе.

Юноша с сопровождающим прошли сквозь неприметную калитку в заборе. И оказались в совершенно другом мире. Там, за забором, остались кривые липы и тополя — а здесь идеально подстриженные можжевельники образуют причудливые узоры. Дорожка из полированного камня. Бордюры из шлифованного гранита. Чистота такая, что кажется, здесь не подметают, а протирают тряпочками. Каждый камешек.

И чуть впереди — большое здание, с готическими колоннами, но все равно больше похожее на восточный дворец неведомого падишаха.

Все здесь кричало о роскоши и невообразимом богатстве. Даже потолок в здании, томно сверкая, будто предупреждал: «я вам не побелкой беленный, а покрыт мраморной крошкой, прямиком из греческого Акрополя».

Марат почувствовал, что он как будто раздваивается. Точнее, еще не отойдя от горячки боя и буйных чувствований, он словно бы развалился на несколько кусков. Пытался собраться — и бесполезно. Слишком много событий. Очень серьезных событий.

Одна часть сознания была все еще там — на футбольном поле, среди друзей. Вторая часть его сознания восхищалась увиденным пейзажем. А вот третья... словно смотрела в суть вещей.

Вот эта картина на стене. Обычный натюрморт с яблоками и кувшином. Быть может — проба кисти именитого мастера, из запасников Эрмитажа.

Но золоченая рамка картины отливала красным. Ради этого куска холста кого-то убили. Кто-то умер, ради того, чтобы она тут висела.

Роскошная ковровая дорожка под ногами словно блестела. От мелких капелек пота. Их, этих капелек, были миллиарды, целый океан. Среди которых Марат мог даже выделить несколько. Вот капли, которые оставил могучий Стром, работая в горячем цеху на железном заводе. Вот эти — от матери Ани Травиной, от Марины Николаевны, задыхающейся в душном офисе без кондиционера. Вот эти кресла в углах — это работа многих бригад лесорубов, кого-то задавило столетней сосной ради этого подлокотника. Кто-то потерял глаз

и ногу ради вот этой изящной ножки стула. Кто-то проклинал судьбу и бился как зверь на трех работах — чтобы вставить в окно пуленепробиваемое стекло...

Это было странное здание. Каким-то совершенно непонятным образом Марат чувствовал, что хозяева, то есть те, кто здесь живут — не коснулись этой роскоши и пальцем, ни разу не ударили молотком по гвоздю, не брали в руки малярной кисти или шпателя. Все здесь было сделано чужими руками, и за чужой счет, зачастую кровавый. Просто тот, кто здесь ест, пьет и ночует — сумел каким-то образом все это отобрать у других.

Юноша помотал головой, отгоняя наваждение. Пока это не важно. Ведь он сам, Марат Нечаев, сейчас и есть творец дальнейшего благосостояния для здесь живущих. Как-то постепенно до него стало доходить, мозаика сложилась в общую картину. Все эти разговоры, намеки, шепотки, уважительное отношение, быстрое нахождение выгодной работы, особая позиция, неприкасаемость, охранник в Голден Паласе...

Он был ставкой. Серьезной ставкой, на серьезные деньги — как он теперь понимал. Не тысячи, и даже может и не миллионы... Дед и его ребята на миллионы без прибавки двух-трех дополнительных полей — даже размениваться не станут. Они такие суммы «без дополнительных нулей» за вечер спускают, в подпольных казино. Как теперь понимал молодой человек — вся его череда побед только увеличивала и увеличивала ставку. Он, Марат Нечаев, сейчас на вершине триумфа, множество людей искренне радуются его победе. И, наверное, еще больше — огорчаются. А большинство, быть может, и не знают сути.

Ставка сыграла. Он устроил этим людям шикарное представление, заработал невероятные суммы, еще больше обогатил кого-то. Других, быть может — разорил. И еще больше... обездолил остальных.

Как? Как это могло произойти? Как он вообще допустил такое? От этих мыслей Марат даже встал, так что сопровождающему пришлось его подтолкнуть.

Проходи, не робей, — с усмешкой сказал мужчина.

Подняв голову, Марат понял, что стоит перед высокой, двустворчатой, обитой металлом дверью. Она распахнулась, и юноша вошел в большой кабинет. После дневного света из широких окон Марат с трудом разглядел посередине помещения большой круглый стол, заставленный сейчас бутылками с дорогим спиртным, и просто заваленный закусками. В воздухе висел сизый дым от сигар и явно ощущался запах марихуаны.

Вокруг стола сидело около десятка мужчин. Сильнее всех, конечно, выделялся сам Дед. Он был гладко выбрит, очень широк и тяжел в плечах, на лице играла легкая задумчивая улыбка. Остальные тоже, судя по лицам, были в благодушном настроении.

Единственный, у кого на лице было написана озабоченность — сидел по правую руку от хозяина города. Марат вдруг понял, что это знаменитый Двадцать Четвертый. В свое время — командир вертолетного полка, расквартированного в городе.

Ежик седых волос, неожиданно тонкая шея, сутулые плечи — этаким мужичок с ноготок, совершенно, казалось, неуместный среди собравшихся «быков». Но вот Марат поймал изучающий взгляд бывшего вояки — и чуть не вздрогнул от жестких, внимательно изучающих лучей, которые, казалось, вышли из глаз Двадцать Четвертого и, ударив в голову, едва не уронили Марата.

Кличка Двадцать Четвертый (а зачастую просто «Четвертый») прикрепилась к бывшему полковнику летной службы не просто так. Он, еще курсантом, сел за рычаги «двадцать четверки», советского ударного вертолета, и всю службу провел именно на этом воздушном чудовище.

По рассказам очевидцев, этот довольно шуплый старик оказывал на любых оппонентов и слушателей какое-то странное психологическое давление — интонациями голоса, уверенностью движений, железным взглядом. Возражать и спорить с ним не хотелось. Поэтому кличка «Двадцать Четвертый» закрепилась за полковником и не отлипала никогда. Да и сам вертолет МИ-24, благодаря внешнему виду и характерному звуку при работе винта — тоже оказывал на любых людей аналогичное воздействие. Поговаривали, именно Двадцать Четвертый, еще безусый лейтенант, первым применил в бреющий вертолетный полет при полном израсходовании боеприпаса. От огромной машины, увешанной оружием, пролетающей в пяти метрах над головой с клеточкой железного птеродактиля... от такого абреки и душманы в панике выпрыгивали из укрытий, прямо под огонь наземных частей.

За столом говорили тихо. Вполголоса. Когда Марат зашел — все звуки так и вообще стихли. На боковой стене кабинета висел огромный телевизор — метра три в диагонали, не меньше. Марат взглянул на трансляцию. На экране шел последний его бой со Слоном.

Вот и наш герой, — раздался бархатистый мягкий голос. При этом губы Деда почти не пошевелились. — Иди сюда, герой.

Марат сделал несколько шагов и оказался в двух метрах от Деда, действующего губернатора области, главы Братства, всего лишь чемпиона города по боксу черт знает в каком году...

Как себя чувствуешь, мальчик? — спросил Дед. — Голова не болит?

Нет, — просто ответил Марат. — Я же тренировался, специально. Полгода один захват и один удар отрабатывал.

Похвально, — одобрил Дед. — Но сила твоя не в этом, мальчик. У тебя есть способность. Эти остолопы, — он окинул взглядом присутствующих. — Эти дураки мне не верили. А я вижу, понимаешь, Зуболом? Вижу ваши способности.

Марату конечно ужасно захотелось узнать, что за способность видит этот человек. Но тот молчал, только буравил юношу глазами.

Басмач, — дед наклонил голову влево. — Награди героя. Сколько не жалко.

Тот, кого называли Басмачом, полез в карман брюк, вытащил потрепанный бумажник, и, недовольно морщась, достал из кожаного нутра несколько купюр. Марат взглянул на протянутые деньги. Сумма большая, но не дотягивает даже до той, которая у Марата лежит в нижнем ящике домашнего письменного стола.

Юноша без страха перевел взгляд на Деда, глаза в глаза. Марат даже в самых смелых мечтах не представлял тех сумм, которые сегодня заработали люди, сидящие за столом. Но где то краем души понимал, чувствовал, что здесь есть подвох. Что его пригласили, оказали честь, и одновременно это было развлечение. Привели как породистую бойцовскую собаку, просто посмотреть, как она ест с рук.

Сегодня я дрался и победил, — сказал Марат громко и четко. Адреналин схватки все еще кипел в его крови. — И то и другое я сделал ради уважения друзей, ради страха для врага, ради чести района и школы. Я это получил. В полном объеме. И уважение, и страх, и честь. Но не ради денег. Их в этом уговоре не было.

Марат упрямо склонил голову, но не потерял взгляд Деда. Он, Марат Нечаев, отличник и шпана, по прозвищу Зуболом — никакая вам не собака, даже бойцовская. И эти высокопарные и, может быть, не очень уместные слова он произносил четко и внятно:

Денег в том уговоре не было, — повторил юноша еще раз. — Я их не заработал. И поэтому я их не возьму.

Глаза деда помертвели. Старик словно решал, что же делать с этим мелким наглецом.

А ты хорош, реально хорош, — вдруг сказал Дед, и широко улыбнулся. Улыбнулись и одобрительно заворчали и люди вокруг него. — Наша закалка. А? Владимир Владимирович? Твой ведь парень, точно! К тебе в бригаду пойдет.

Тот, кого называли Владимир Владимировичем опять внимательно смотрел на Марата, тем самым взглядом, сшибающим с ног, который заставлял робеть даже самых храбрых.

Марат в безнадежности уцепился за одну из разбегающихся мыслей. Все-таки ему было страшновато, то есть не понятно, что последует за его маленьким гордым выступлением.

Мысль была о том, что юноша довольно часто видел Двадцать Четвертого по телевизору. Тот ведь был депутат, и глава местного отделения коммунистической партии. Голицын — подсказала память. Владимир Владимирович Голицын — так звали Двадцать Четвертого.

Получив определенное знание и уверенность, мозг облегченно вздохнул.

И продолжил работать дальше. Если Дед говорит, что Марат пойдет в бригаду к главе местных коммунистов, под его руку, то значит что Марат сказал что-то... правильное? Можно не сомневаться — очень мало людей отказывались от денег. Тем более протянутых из рук Деда.

Выпьешь? Покушай? — спросил вдруг Марата Басмач, с довольной улыбкой убирая купюры обратно в бумажник.

Думаю, мы отпустим нашего чемпиона домой, — оборвал его Дед. — Парень молодец, и заслужил немножко отдыха.

Марат понял, что аудиенция закончена, и не дожидаясь еще каких-то слов, пошел к двери. Он не мог видеть, как Дед кивком указал Двадцать Четвертому сопроводить Марата.

Оказавшись вне прокуренного кабинета, Марат облегченно вздохнул. Все-таки слишком много впечатлений за один день. Много еще только предстоит понять.

Юноша! — окликнул Нечаева голос сзади. Марат на пятках развернулся к говорившему. Двадцать Четвертый с легкой улыбкой смотрел на него.

Неплохо, очень неплохо, — говорил меж тем Владимир Владимирович. — Ты несомненно произвел впечатление. Пойдем на воздух...

Оказавшись на улице, на широком крыльце под верандой, Двадцать Четвертый вновь обратился к Марату:

Видишь ли, юноша, Виктор Андреевич, то есть наш Дед, абсолютно уверен что владеет неким даром, сверхспособностью. Говорит, что умеет видеть людей, насквозь. Ну да это дело не очень сложное, если честно. Человечка очень часто видно насквозь, особенно в условиях опасности. Но вот на счет тебя у него ошибочка вышла. Он сначала думал, что твоя способность — непобедимость.

Двадцать Четвертый взял молодого человека за плечо, и повел по дорожке к воротам. Остановившись в десяти шагах перед черным джипом, по всей видимости ожидающим отвезти домой маленького зачинщика, Владимир Владимирович продолжил:

Непобедимость, она, молодой человек, разная бывает. Что-то непобедимо, по сути и содержанию. Как любая стальная коса скосит любую траву. Но как только вместо травы пойдут деревья — коса любой закалки почти бесполезна. Каждое дерево такой косой месить рубить надо. Вот и получается что бензопила — это лучшая коса. Однако никто не косит траву бензопилой...

Двадцать Четвертый как фокусник достал из кармана сигарету и закурил.

Понравился ты ему, что-то увидел Виктор Андреевич в тебе. Когда ты на соревнованиях начал проигрывать, он сильно переживал. Потом поручил узнать, что тренера тебе говорили перед схваткой, — Четвертый смотрел прямо в глаза Марату, совершенно не мигая, и от этого было неуютно. — Наконец сказал, что ошибся. Но не так уж много ошибся. Непобедимость твоя появляется, если только ты ради кого-то борешься. Как только начинаешь для себя что-то искать — сразу проигрываешь. Сначала тренер говорил тебе: выиграй схватку, чтобы школу не опозорить. А потом, когда уж пошел финал, начал внушать: еще чуть-чуть, и ты чемпионом станешь. Чемпионом целой страны, а это серьезная ступенька и заявка. И ты... сразу проиграл.

Марат не сразу понял, что ему протягивают. Это было похоже на какой-то толстый рулон бумаги. Только бумага даже на вид казалась дорогой, со многими нулями на картинках. Теплая, розово-красная, с прожилками, как сырой мясной рулет... Как лицо Славы-Слона, с которого только что смыли кровь.

Бери, — без единой усмешки сказал Голицын. — Ты это заработал, парень. Старался ради всех, и от всех же получил и оплату. Здесь не только мои деньги. Дед сказал проявить уважение, и от всех понемножку... Есть у него такой бзик, на уважение. Братство таки...

Марат протянул руку и взял из рук пожилого коммуниста этот рулон. Даже на вес было понятно — там много, очень много денег.

Езжай уж, чемпион, домой, — сказал Двадцать Четвертый. — Сходи в душ, полежи немного, радуйся жизни дальше. Девчонка то есть у тебя?

Марат неопределенно пожал плечами.

Найди, — серьезно сказал Владимир Владимирович. — На первую же попавшуюся не бросайся, ищи друга и товарища, только девчонку. Ну и нас не забывай, — добавил он, уже закрывая дверь машины за Маратом.

Забудешь вас, пожалуй, — проворчал Нечаев под нос, с удобством устраиваясь на заднем сиденье джипа.

И он был совершенно прав. Судьба свела его с «правой рукой» деда чуть ли не на следующий же день.

У Строма, как всегда вечером — было многолюдно, и немного накурено. Как обычно — включен телевизор, и конечно — с девками из Плейбоя. Но сегодня посреди большой комнаты стоял непривычно длинный стол, вокруг которого в беспорядке приютились разномастные стулья. Когда Марат вошел, то поразился новым лицам. Нет, конечно, и его товарищи здесь были. Комбат и Граф. Вдвоем. Точнее — втроем, потому что на коленях у Комбата, премило всем улыбаясь, сидела красавица Грошева. Граф же был один, и о чем-то увлеченно беседовал с явно крутыми мужиками, расположившимися на диване.

У этих мужиков были смутно знакомые лица, и Марат понял, по разговорам, что это тоже «графы». Из их школы, только некоторые закончили свою карьеру задолго до того, как сам Марат пошел в первый класс.

Еще был человек в кресле. Тот самый Голицын Владимир Владимирович, которого Нечаев видел у Деда, и с которым разговаривал после аудиенции с хозяином города. Необыкновенно странно было видеть его здесь. Откуда он взялся?

Ах, да, конечно, сообразил через минуту юноша. Стром же говорил, что вступил в организацию к коммунистам, а этот «Четвертый» — и был у здешних коммунистов за главного. Конечно, все просто и ясно...

Сам же хозяин гремел посудой на кухне. Слышались еще несколько женских голосов — очевидно, Строму помогали. Скорее всего — жены крутых мужиков.

Раздался короткий, тревожный звонок в дверь. Как будто человек, там, за дверью — до последнего сомневался — звонить или нет.

Марат сразу, восьмым чувством понял: это она. Выдохнул с облегчением. Пришла таки. Он все порывался прийти с Аней вместе, проводить и проконтролировать. Но на этот раз Травина уперлась намертво: нет, и всё. А если попробуешь — никуда не пойду.

Пришлось уступить, ради друга. Хотя как раз Стром посмотрел очень укоризненно, когда понял, что Марат пришел один. Пришлось довольно долго доказывать (хотя и сам сомневался) — придет. Обязательно. Не сомневайся...

Послышались щелчки замка, звуки открывающейся двери. Еще Марат услышал смех Травиной. Немного нервный, но вполне раскованный.

Юноша почувствовал, как внутри него всё подбирается. Он не знал и не представлял, как может выглядеть Аня. Воображение рисовало ему картинку, как войдет голенастое недоразумение, в коричневом бочкообразном платье, с непонятной прической, аляповатыми молодежными браслетами, и мамиными бусами из крупного янтаря на тощей шее...

Аня оказалась в проеме двери в зал. Марат понял, что потерял дыхание, что он, черт побери, вообще не может дышать! Перед ним была вовсе не та зачуханная одноклассница, которую он видел на протяжении многих лет. О, нет... В комнату пружинистой походкой вошла юная девушка, уверенная в себе, в маленьком черном платье, по которому водопадом рассыпались волосы в мелких кудряшках. А ноги то какие! В черных изящных высоких ботиночках, и колготках со скромным узором, но выглядело это так, что все черти в тихих и глубоких омутах поперхнулись бы...

Наконец Марат поймал дыхание, и втянул воздух так глубоко, как только мог. Он затрепетал от того запаха, который ворвался в комнату вместе с Травиной. Так могло пахнуть только лето, настоящее, с васильками и колокольчиками в наливающейся пшенице.

Не смотря на то, что Травина была вся в черном, от нее, казалось, исходило сияние. Как это делают женщины — Марат не представлял. Но они словно бы это могут. Непонятное древнее волшебство... Засиять даже в темноте ночи так, что виден, по настоящему заметен — свет...

Над Аней нависала какая-то туча, и только спустя секунду молодой человек понял, что это — Стром. Громадная фигура боксера на две головы превышала хрупкую фигурку. Огромные закорузлые ладони словно лежали на плечах девушки — но при этом совершенно не касались ее. Взгляд Стромового был сосредоточен и хмур, но губы зашевелились, и словно сквозь силу послышались слова:

Знакомьтесь. Вот и виновница нашего торжества. Аня. У нее день рождения, — словно в бочку сказал Вячеслав.

Очень рады. Очень приятно, — раздался сбоку спокойный голос, и «Четвертый» вскочил с кресла, пододвинул его во главу стола. — Присаживайтесь, сударыня.

Стром перестал быть тучей, сдулся как минимум вдвое, засуетился. В его руках появились тарелки. Еще две женщины помогли ему расставить посуду по столу. Наконец, все уселись.

Выключите эту порнографию, — проворчал один из «крутых», указывая на телевизор. Тот сразу погас, и установилась тишина. Марат невольно подумал, что сейчас присутствует за одним столом в самой странной компании из всех, в которых ему довелось побывать. А уж как Травина чувствует себя — и предположить трудно. Хотя держится хорошо, уверенно.

Комбатик, открывая шампанское, — промурлыкала в тишине Грошева. — Пьем за Анечку. Сколько тебе? Шестнадцать? Боже, как мило... Все, и до дна!

Шампанское хлопнуло... и понеслось.

Марат с перепугу тоже «хлопнул» водки, два раза по полстакана, хотя потом осознал, что это было ошибкой. Его сразу повело, еще сверху шампанское... Скоро разговоры слились в один звук, пол под ногами стал немного кружиться. Как и потолок над головой.

«Срочно что-то съесть. Желательно мясное. Много», — скомандовали остатки мозгов.

Марат начал обжираться, в прямом смысле этого слова.

Когда первое ощущение надвигающегося опьянения прошло, Нечаев с удовольствием включился в разговор. Все как обычно. Спорт, машины, кто-как-где устроился, нашлись даже общие знакомые, в большинстве своем — учителя...

Не вижу, почему бы благородному дону не посмотреть на ируканские ковры? — вдруг раздалась знакомая фраза.

Марат с удивлением обвел взглядом присутствующих. Это была его фраза! Этими словами он зачастую провожал очередного брательника напару с девушкой, если те вдруг решали уединиться в одной из комнат стромовской квартиры. Нечаев и не подозревал, что кто-то из сегодняшних гостей читал хоть что-то из Стругацких. Тем более не думал что хоть кто-то из присутствующих знает эту фразу.

«Двадцать четвертый» прямо и с насмешкой смотрел Марату в глаза. Это он сказал, сообразил юноша. Чем больше он вглядывался в лицо «Четвертого», тем больше замечал того, что было недоступно другим. Высокий открытый лоб, сжатые в нитку губы, глаза с хитрым прищуром.

Да, понял Марат, этот «Двадцать четвертый» наверняка читал и Стругацких, и Лема, и

Дюма... Вполне возможно — и многое из того, что Марату только предстоит прочитать.

При этом два места рядом с «Четвертым» оказались пусты. Стром вместе с Аней исчезли.

Марат чуть не подавился очередным бутербродом. Вот заразы! Прямо посреди праздника, да еще как-то успели сговориться. Хотя, наблюдая за обоими, Марат мог дать руку на отсечение, что Стром и Аня за вечер не обменялись и десятком фраз. Любовь страшная штука, улыбнулся юноша.

Между тем у «Двадцать четвертого» зазвонил телефон. Некоторое время мужчина разговаривал, и его лицо из благодушного превращалось в озабоченное. Явно, что разговор «Четвертому» не нравился.

Через некоторое время он отключил телефон, потом стал смотреть на каждого за столом, по очереди, тяжелым, испытывающим взглядом. Но было видно, что ни один из возможных кандидатов для непонятого пока дела — не подходит.

Наконец взгляд «Двадцать четвертого» остановился на Марате. Лицо мужчины застыло. Было件нятно, что там, глубоко внутри себя, он взвешивает и решает, делает выбор.

Наконец, человек, выполняющий функции правой руки Деда — решился. Одними глазами он указал Марату:

«Пойдем».

Не задавая никаких вопросов, не испытывая никакого внутреннего трепета Марат встал из-за стола, и направился за Двадцать Четвертым на улицу.

Там, ни слова друг другу не говоря, они уселись в неприметную легковушку — «Четвертый» — за руль, а Марат — рядом.

Также в полном молчании они выехали со двора, и только потом мужчина начал объяснять:

Тут такое дело, товарищ Зуболом...

Из объяснений Двадцать четвертого выходило так, что несколько дней назад, несколько (а именно — четверо) братков завались попить и поесть в центр города, в китайский ресторанчик «Бао Си». Заведение это стояло на отшибе, и пользовалось определенной популярностью, в связи с обильной кухней и более чем демократическими ценами.

Но, не смотря на такие цены, четверо братков не обладали нужной им суммой. Честно говоря — у них с собой вообще денег не было. После поедания заказа они попытались объяснить местной официантке, что им нужен «кредит». Будут деньги — занесут-отдадут. Пока же денег нет.

На шум вышел повар ресторана. Он тоже попытался объяснить, что кредитов его заведение не выдает, не тот профиль. На что братки, стремясь как можно быстрее уйти от неприятных разговоров — позвали повара на улицу. Мол, там гораздо удобней разбираться с такими проблемами, да и посетителей нечего пугать.

Повар вышел за безденежными гостями, которые практически мгновенно попытались поставить человека в белом фартуке на место. Точнее — сбить ног, да пару раз пнуть. Для упрощения дальнейших переговоров, надо полагать.

Однако, план оказался откровенно плох. Пузатенький китайский мужичок каким то фантастическим образом, менее чем за минуту, уложил на землю... Всех четверых загулявших спортсменов — мастеров рукопашного боя. Потом связал полотенцами, вызвал полицию, и сдал всех скопом в местное отделение. И написал заявление, естественно. На

грабеж средь бела дня.

Дело получалось не очень веселым. Тем более что попытки выйти на контакт с поваром натолкнулись на полное непонимание китайскими товарищами текущей ситуации. Более того, повар заявил, что будет говорить с Братством только в присутствии офицера госбезопасности. Китайского офицера, естественно, а не местного...

Ресторанчик, который сейчас от обилия братков вокруг напоминал осажденную крепость — ждал прибытия этого самого официального лица китайской безопасности. И переговоры должен был вести Двадцать Четвертый, как представитель коммунистической партии России. Так как офицер госбезопасности совершенно естественно являлся и представителем Коммунистической партии Китая, в чем сомневаться не стоило. Вот Братство и посчитало, что лучшего парламентаря чем Владимир Владимирович Голицин — не найти.

В качестве сопровождающего Двадцать Четвертый рассчитывал взять Строма. Все-таки спортсмен, браток, одновременно вступил в партию. Однако в связи с днем рождения — получилась неувязочка. А портить вечер влюбленным Двадцать Четвертый не стал. И поэтому Марату придется побыть сопровождающим. Как кандидат на такую роль — мальчишка показался Четвертому самым уместным.

Да и Марат не возражал. Более того, он с самого первого раза, еще в резиденции Деда, проникся уважением и почтением к бывшему полковнику. Почувствовал в нем какую-то силу и уверенность. Не физическую силу, и психологическую уверенность, а нечто большее. Поэтому юноша не стал, и не собирался задавать никаких глупых и дополнительных вопросов.

Надо поторопиться. Встреча назначена на семнадцать ноль-ноль, — сказал Четвертый.

Они здорово опаздывали, как понимал Марат. На часах — без пяти минут пять вечера. Однако Двадцать Четвертый не гнал. Он спокойно влился в общий поток машин, иногда даже пропуская чересчур резвых и нетерпеливых водителей.

Если попасть в аварию, да еще и с неприятным исходом — то мы вообще никуда не доедем, — сказал вдруг мужчина, заметив взгляд юноши. — И вообще — если понимаешь, что уже опоздал — так лучше и не спешить...

Около «Бао Си» они оказались на десять минут позже обусловленного срока. На крыльце, держась рукой за перила, стоял приземистый китайский повар. Весь в белом, как приведение, и в высоком белоснежном колпаке.

Вокруг ресторанчика, на скамейках, под деревьями и даже на газонах собрались братки. Человек тридцать, не меньше. Марат видел большинство мельком, но чаще не в жизни, а на фотографиях, на досках почета и достижений — как призеров, в тех или иных видах спорта.

Все они ожидали прибытия «официальных лиц». Лицо китайца было непроницаемо, и совершенно спокойно. Марат вылез из машины и пригляделся к потенциальному сопернику. Нечаев был поражен, если честно.

Повар производил впечатление совершенно неспортивного человека. Было абсолютно невозможно представить, что этот круглощекий, грузный и чересчур толстый в поясице человек может хоть что-то сделать против даже одного профессионала. Ну, разве что на кухне, без сомнения.

Однако именно этот несуразный китаец умудрился, совершенно не размахивая руками и

ногами, без всяких травм, что с одной, что с другой стороны — уложить четверых. И не просто четверых сторонних людей, а спортсменов, готовых и подготовленных к нападению и сопротивлению.

Марат не поверил. Этого не может быть. Этот повар был точно не один. Ему должны были помогать — как минимум два призера олимпийских игр — борец и боксер. Как минимум! А это пухлое недоразумение разве что полотенца держало, чтобы ими связывать загулявших братков.

Но повар, не смотря ни на что, был абсолютно спокоен. Вот он повернул голову к вновь прибывшим. И в этот момент Марат услышал в голове звон, словно его что-то ударило. Что-то очень большое, мягкое, но тем не менее, всё равно — чрезвычайно опасное. Зрение словно сместилось, как будто Марат снова попал в «транс». Как будто организм сам вошел в боевое состояние, не спрашивая хозяина, без всякой видимой причины.

Но теперь на крыльце рестораника стоял отнюдь не повар.

Этот мужчина, теперь было отчетливо видно — только один из многих, частица от неодолимой силы. И рука его, которая держалась за вертикальную перелину крыльца — была рукой воина, держащего древко знамени. А вычурная красная вывеска, с золотым драконом и иероглифами — на мгновение превратилась в полотнище знамени, алого, как кровь.

В какой-то момент, проваливая всё глубже в «боевой транс», Марат вторым зрением увидел, как за плечами человека в белом встают колонны и шеренги людей, бесконечное количество. Как разворачивается горизонт, открывая второму взгляду невообразимое количество зданий, среди которых можно различить заводы, фабрики, порты, непонятные депо, немислимое количество техники, энергии и возможностей.

Что это? — глупо спросил Марат.

Аккуратней, — словно из-под воды донесся голос «Двадцать Четвертого». — Если что-то пойдет не так — беги. Этот человек — коммунист, как и я. Он всех здесь порвёт, если потребуется.

Марат отвел глаза от крыльца, пытаясь сбросить наваждение, но оно не отступало. Подсознание требовало полной концентрации всех сил, а бессознательная часть и рефлексy заходились в истерике: Опасность! Опасность! Крайняя опасность!

До сознания доносился лишь голос Двадцать Четвертого. Тот словно читал лекцию:

Коммуниста нельзя победить. Хотя можно убить. Но даже смерть для нас не является оправданием. Будь в стороне и просто смотри. Этот человек крайне опасен. Но мы можем с ним что-то... сделать. Но то, что стоит за ним... То что придет спросить нас, за него... это куда гораздо опасней. И это не остановить, никому.

В этот момент раздался рев мотора. Глухой рокот, который возвещал скорое прибытие чего-то очень быстрого и мощного.

А вот и они, — сказал Четвертый. Марат повернул голову к мужчине, и поразился выражению лица. Улыбка, одобрение, спокойствие и немного гордости — вот что было на лице Двадцать Четвертого.

Позже Марат очень много раз вспоминал эту встречу. Восстанавливал в памяти каждый миг.

Марку машины, которая подъехала, Марат не знал. Да и не было на этой машине никакой маркировки. Не красовался на радиаторе вычурный шильдик или эмблема. Словно

те, кто её создавал, вообще не придавали значение никаким условностям, а уж тем более торговым маркам и знакам. Это был не джип, или седан, или купе. Не смотря на то, что весь кузов машины, казалось, был сделан из черного пластика, «это» больше было похоже на снаряд на колесах. Или на атомную подводную лодку — тоже на колесах, и в миниатюре. Все здесь было подчинено не каким-то условностям или определенным параметрам. Нет, здесь, похоже, поработала настоящая идея. Внешне автомобиль был великолепен, но под плавными обводами без единого острого угла угадывалась мощь и скорость «Формулы 1». Не смотря на обманчивое впечатление приземистости, Марат был уверен, что эта машина пройдет по любому бездорожью. И даже по лесу, если потребуется. Ломаю стволы деревьев как спички. Было ощущение, что при столкновении с любым другим автомобилем этот кусок совершенства останется стоять на колесах и даже не будет поцарапан. По этой машине, понял Марат — может проехать танк, и хозяин авто даже не пострадает, только поморщится...

С легким «пффф», как будто внутри действительно было герметично — дверца машины открылась. В салоне оказался только один человек.

Это была женщина.

Она легко выпорхнула, как будто мимоходом поправляя обтягивающее серое платье. И улыбнулась так, что юноша облизал вмиг пересохшие губы. Неужели это китаянка? Да нет, подумал Марат, наверно она все-таки европейка, только где-то примешалась восточная кровь. А когда она поправила волосы — такое ощущение что она вообще из южных стран — испанка, или итальянка. Сколько ей лет, интересно? На первый взгляд — не более двадцати пяти. Хотя, приглядевшись, можно понять что далеко за тридцать... Да нет же, ей едва двадцать стукнуло — если посмотреть очень внимательно.

Девушка без возраста миновала кучки братков и подошла к повару, держащему безмолвную оборону у двери своей крепости. Они обменялись парой фраз на китайском, а потом женщина повернулась к оппонентам.

Здравствуйте, — сказала она. — Добрый вечер. Извините за опоздание.

И тотчас же Марат почувствовал, как выходит из «транса». Столько было непосредственности, доброты и мягкости в ее голосе.

Абсолютно никакого акцента. Такое ощущение, что она вообще родилась и прожила всю жизнь в Туле или Смоленске, местная отличница и надежда родителей, а потом закончила какой-нибудь педагогический или даже театральный в Москве. Настолько сильно было ощущение «русскости» в ее голосе. Правильные слова, правильные паузы, идеальные ударения, восхитительные интонации и неуловимый, родной акцент.

Наваждение какое-то. Марату захотелось даже встряхнуть головой.

И вам добрый вечер, — отозвался через секунду Двадцать Четвертый. — Как добрались?

Как ни странно, почти без пробок, — отвечала офицер госбезопасности, и юноша почувствовал, что ему тоже очень хочется задать ей какой-нибудь вопрос. Пусть не важный, пусть даже глупый — но чтобы услышать в ответ её голос, и при очень большой удаче — смех. Очень хотелось послушать, как она смеется, наверно, от этого аж мурашки по коже, если представить.

И девушка засмеялась...

Дальнейшее происходило как в туманном сне. Огромные братки окружили миниатюрную женщину, не подступая, однако, к ней ближе чем на три, а особо отважные —

на два метра. У всех на лицах совершенно глупые улыбки.

А что это за марка машины у вас? — раздался совершенно неуместный вопрос.

А-а, это особая модель, — тотчас же отозвалась девушка. — Такая только у меня. И у Джеймса Бонда, — добавила она через секунду, и улыбнулась так лучезарно, что даже небо стало чуть более голубым. Так, по крайней мере, показалось Марату.

Эта фраза, маленькая переделка из древнего сериала — растопила вообще весь лед между собеседниками. Марат смотрел на это представление, и улыбался сам. Он видел, как большие и серьезные мужчины прямо на глазах превращаются в хвастливых мальчишек. Да что там! Самому Нечаеву очень хотелось подойти к китайке поближе, и спросить что-нибудь. А еще лучше, рассказать что-нибудь. Серьезное и важное. Ужасное или смешное. Таинственное и страшное, чтобы чуть-чуть выделиться в ее восхитительных глазах, чтобы она еще раз улыбнулась, но только ему, одному, лично... Желательно рассказать ей даже не историю, а что-то такое важное... какую-нибудь... государственную тайну. Черт, почему он не знает ни одной государственной тайны? Он бы сейчас с удовольствием ей рассказал! Только для того, чтобы она смотрела, улыбалась и восхищалась.

А в чем суть проблемы, господа? — вдруг спросила китайка, и на ее лицо набежала тень серьезности. Она обвела всех взглядом, и каждый вдруг захотел посмотреть — что у него под ногами. А еще больше хотелось, чтобы этой тени на ее лице не было.

Как-то в одно мгновение братки выстроились из круга в полумесяц, и только четверо из них остались стоять в стороне. Сейчас они походили на провинившихся детей, полных раскаяния. Один из них кривил лицо так, что казалось, что он сейчас хочет упасть на колени и заплакать, простирая руки и вымаливая прощение.

Абсолютно никаких проблем, — строго сказал Двадцать Четвертый. Выждал две секунды и добавил:

Если мы все придем к мирному соглашению...

Насколько я поняла, несколько ваших друзей, мужчин, — офицер выделила последнее слово. — Не захотели заплатить за еду. И почему то хотели избить вот этого достойного человека, — маленькая рука указала на повара на крыльце.

Ну что вы! — вдруг подал голос один из четверки «отверженных».

Молчать! — голос «Двадцать Четвертого» по жесткости и холоду казался стальным клинком на морозе. Охотничьим ножом, которым можно легко резать замороженное мясо — таким был его голос.

Марат непроизвольно сжал плечи, постарался стать ниже ростом. Теперь он боялся взглянуть на китайку. Вместо этого он старательно смотрел на ее ноги, и вдруг ему пришла в голову мысль... Что если сейчас начнется драка, то единственные ноги, которые покинут поле боя, переступая через тела и лужи крови — будут как раз вот эти. Обутые в тоненькие серые босоножки на высоком каблуке.

Нечаев усилием воли заставил себя перевести взгляд с ног женщины — чуть повыше. Её тело было прекрасно, само совершенство. Ничего лишнего, и все на месте. Но мысль не отступала. Это совершенное тело обучено и подготовлено так, что обладательница его убьет любого присутствующего здесь. Одним ударом, отмахнувшись как от мухи. Его, Марата, и этих братков — учили побеждать. Учили годами, хорошие тренера.

Но её обучили не побеждать. Её обучали — убивать. И не хорошие тренера, а лучшие...

Самый здоровенный из провинившейся четверки (Марат вспомнил его, это был боксер по кличке Апач) — торопливо достал из карманов штанов пухлый потрепанный бумажник, и стал трясушимися руками вытаскивать разноцветные купюры.

Отставить, — металлическим голосом скомандовал Четвертый.

Он повернулся к женщине и совершенно другим, ласковым и доверительным голосом начал говорить:

Произошло полное недоразумение. Мы приносим свои глубочайшие извинения, и готовы возместить любой ущерб. И материальный и моральный. И чтобы впредь такого не повторилось, Братство обещает и дает слово, что господин Лю Сянфэй, — Двадцать Четвертый указал на повара. — Будет в совершеннейшей безопасности в этом городе. Ему будут оказаны высочайший почет и уважение. Про него даже напишут в местных газетах. Соответственно, виновники недоразумения, — рука Четвертого указывала уже в другую сторону. — Понесут суровое наказание.

Китаянка кивала с легкой улыбкой, а Двадцать четвертый продолжал:

Естественно, мы крайне надеемся, что инцидент будет исчерпан. И не будет нести никаких последствий, кроме добрых и дружественных отношений. Мы можем на это рассчитывать?

Офицер госбезопасности теперь смотрела вниз, словно раздумывала, и принимала какое-то важное решение. У Марата от этой её позы, и легкого раскачивания из стороны в сторону (как громадная и при этом чрезвычайно ядовитая змея выглядывает из норы, ей богу! — подумал он) — поползли холодные капли пота по спине. Юноша вдруг понял, что находится на волоске от таких неприятностей, что все беды, которые были в его жизни — это не более чем пыль на ветру.

Да, — кратко ответила китаянка, и по рядам мужчин пронесся облегченный выдох.

Да, — повторила она. — Конечно. Я слышала вас. Спасибо за понимание. Мне конечно, пора... Прекрасный вечер...

Мозг Марата чуть не взорвался. Ему показалось, что еще чуть-чуть, и эта женщина выберет его из всех, предложит продолжить прекрасный вечер, сначала у нее в машине а потом... Какая то идиотская идея, безумная надежда на неосуществимое счастье... Ведь чудеса случаются!

Но машина взревела, и офицер госбезопасности уехала.

Некоторое время все стояли, в молчании и неподвижности. Казалось, что само солнце помрачнело, и мгла заполнила улицу.

Что это было? — спросил вдруг чей-то голос. — Что это, черт побери, было?

Все они стояли, потные и растерянные, у крыльца китайского рестораника. Повар ушел, зато вышла мамаша с двумя детьми. Недовольно окинула взглядом собравшихся.

Это была коммунист, — вдруг сказал Двадцать Четвертый. — Она — одна из тысяч, из миллионов. Это не талант, не какая-то тайная технология, не супер-пупер спецслужба. И уж тем более это никакая не супер-героиня. Это труд, подготовка, упорство и терпение. То, что вы видели сейчас..., - голос Двадцать Четвертого на несколько секунд замолчал. Словно он подыскивал слова, или наоборот — давно их знал, но боялся произнести.

Это была энергия, воля и мощь целого народа, — произнес он, чеканя и рубя каждое слово.

Когда то и мы были такими же, — горько и гораздо тише добавил полковник.

В конце мая и начале июня время поползло так медленно, что казалось, оно превратилось в гигантскую неторопливую черепаху. Но вовсе не потому, что дни стали длинней, а ночи — короче. Нет, просто наступила пора экзаменов, выпускных и переводных. За эти дни Марату предстояло сдать их аж десять штук, подготовка и ожидание тянулись как резина, хотя сама сдача происходила быстро. Он получал только высшие баллы. Но у Ани Травиной все было куда хуже. Нечаев по мере сил старался ей помочь. Чаще всего это удавалось, и в табелях напротив ее фамилии кроме «троек» нет-нет да и мелькала «четверка».

Травина не готовилась вообще. Для нее мир перестал существовать, сузившись до размеров большой квартиры и одного человека, живущего в ней. Сразу после школы она бежала на улицу, но шла в совершенно другом направлении от дома. Девчонки шушукались, парни (помня крутой нрав Строма) — важно и снисходительно улыбались. Марат же постоянно ломал голову над проблемой как вывести Аню из любовного тумана хотя бы на время экзаменов. Во время сдачи он садился сзади нее. Она передавала ему билет и он расписывал вопросы сначала ей и только потом — себе. Это было довольно трудно, учитывая, что время на подготовку жестко ограничено. Сама проблема была в том, что отвечая по бумажке (которую даже не удосуживалась переписать) она иногда спотыкалась на почерке Марата. Много раз он пытался ее убедить, что надо переписать ответы самой, и прочитав заранее вслух шепотом но, похоже, с таким же успехом можно было метать горох в стену...

Наступил день, когда последний экзамен остался позади. Это был английский, но как раз его то Нечаев не боялся. Все экзаменационные тексты и диалоги давно были выучены наизусть. Марат вышел из здания школы, вдохнул теплый воздух полной грудью.

В кармане зазвонил телефон. Номер неизвестный. Марат немного нахмурился, но нажал: «Принять вызов».

Здравствуйте. Марат? Это мама Ани Травиной, Марина... Николаевна...

Юноша весь превратился в слух. Даже во рту пересохло. Наверно, взяла мой номер у Аньки — промелькнула в голове догадка.

Да, я слушаю, — сказал он как можно спокойней.

Аня рядом? — спросил голос в трубке.

Нет, она еще сдает экзамен, Марина Николаевна, — говорил Марат. — И она сдаст, все будет хорошо, не беспокойтесь.

Да как же не беспокоится? — голос женщины стал раздраженным. — Если увидишь ее, скажи, чтобы немедленно шла домой. Это вообще ненормально! Она дома не ночует, уже который день. Что не спрошу — молчит и улыбается. Что там у нее происходит, ты не знаешь?

— Марина Николаевна, — произнес Марат как можно мягче. — С Анечкой все в полном порядке. Даже больше. Как бы вам сказать...

Юноша замешкался. То, что он собирался сказать — это не его тайна. Но с другой стороны — какая же это тайна? Вся школа знает. Весь район. Да и Стром с Аней не скрываются.

Ну! Говори, что замолчал? — потребовал голос в динамике.

Аня влюбилась, — сказал Марат глухо и спокойно.

— В одного очень хорошего человека. Он мой друг. У них все хорошо. Они счастливы.

Теперь голос в трубке молчал.

Если вы хотите, — Марат выделил эту фразу. — То я могу к вам прийти, и все рассказать. Не волнуйтесь. Мы с вами сядем и подумаем над этой ситуацией. Как взрослые люди...

Ей же всего шестнадцать, — вдруг сказала Марина Николаевна. Это прозвучало так устало и разочаровано, что юноша сразу сообразил, в чем дело. Не надо быть гениальным математиком, чтобы произвести несложный расчет. Марине Николаевне сейчас тридцать два, Аня ему не раз говорила. Значит, забеременела старшая Травина...

«Да, дела...», — подумал Марат.

Вслух же сказал:

Так мне прийти? Когда?

Сегодня вечером приходи. Я сейчас на работе. Часов в восемь. Приходи, — и тотчас же за этими словами раздалась гудки разорванной связи.

Марина же Николаевна пребывала в полном смятении. Конечно, она дико беспокоилась за дочь. Она пришла чуть пораньше с работы и сейчас металась по квартире, не совсем понимая что делать. Слова этого мальчика по телефону совершенно ее не успокоили.

Шестнадцать лет. Какая любовь? Какой друг? Они вообще понимают, о чем говорят и что делают? И она, как и многие женщины, в своем беспокойстве села к трюмо — навести порядок на лице. Благо сейчас с косметикой проблем не было. Затем сходила в душ чтобы расслабиться под струями воды. Потом выбрала белье. Зачем? Она поймала себя на этом вопросе. Зачем она это делает, практически автоматически? Готовится к серьезному разговору? Или хочет произвести впечатление на мальчика? Марина почувствовала, как внутри появляется какое-то тепло, начинает ее заполнять, всю ту пустоту, с которой она уже срослась за множество лет. Женщина не чувствовала этого уже давно, но знала что это такое. Конечно, любовь в ее жизни была. Любовь к Анечке, к ребенку. Но эта любовь чаще всего отбирала, а здесь....

Сейчас придет кто-то, кто хочет не отобрать, а наоборот, отдать. Сколько есть тепла в том железном юноше, строгом не по годам, похожем на скалу, внутри которой так легко укрыться от любой непогоды?

По его голосу, уверенности, спокойствию, движениям и, надо сказать, поступкам — Марина понимала, что встретила кого-то очень необычного. Конечно, она, несомненно, была бы рада, если бы такой человек оказался рядом с ее дочерью. Но куда больше она бы обрадовалась, если бы этот мальчик стал с ней... но он же в два раза младше! Боже, сколько бы она ему показала, открыла, сколько бы воплотила фантазий и желаний. Ее лицо горело, но это еще ничего. Внутри бушевал целый пожар...

Звонок в дверь застал женщину врасплох.

Она засуетилась, поднялась со стула, опять села... Звонок прозвенел второй раз. И теперь на кнопку давил не палец неуверенного юноши, а полновластная и требовательная рука настоящего хозяина...

Марат шел домой, и пытался разобраться в собственных чувствах. Был ли он влюблен во взрослую женщину? Нет, скорее всего. Он не чувствовал ничего такого, никакого безумия,

толкающего на сумасшедшие поступки. Он даже не думал о ней, тем более — целыми днями. Иногда вспоминал, но не более. Она не имела никакой власти над юношей — ни в его мечтах, ни в реальности. Скорее это он хотел приобрести власть над ней, взять под свою защиту. Если честно, то Марат, пытаясь разобраться во взаимоотношениях между мужчинами и женщинами, для себя сделал несколько неожиданных выводов. И первый, самый неожиданный из всех: женщинам секс не нужен. Нет, конечно, в какой то мере нужен, без сомнения. Но первостепенное, что необходимо женщине от мужчины — это безопасность. Именно она. Безопасность в физическом плане, безопасность от других мужчин, от общества, финансовая безопасность для семьи и детей. Короче — мужчина должен для женщины стать крепостью, стеной, за которой она может спрятаться.

А вот мужчинам... да, мужчинам от женщины нужно удовольствие. Сексуальное, в первую очередь. Удовольствие от хорошо сваренного борща, от хорошо прожаренного мамонта. И от всего другого..., но все-таки удовольствие от женского тела, от секса с ним — в первую очередь.

Совсем недавно ему попала под руку книга «Алмазная колесница». Как и всякая полезная книга (почему-то) на Марата она сначала не произвела впечатления. Первой своей частью, по крайней мере. Но вот вторая часть... О, это было совсем другое. Нечаев перечитал вторую часть уже раз пять и знал наверняка, что перечитает еще десять.

Из всего многообразия японской философии Марат выделил для себя сейчас пока только и исключительно искусство любви, дзёдзюцу. Все эти подробно расписанные, четко следующие друг за другом фазы: «случайное знакомство», «двое на острове», «запах персика»...

Сегодня Марат собирался устроить Марине Николаевне встречу в стиле фазы «Тайфун». Они будут совершенно и абсолютно точно только вдвоем, вечер, лето, тепло и окна, выходящие на закат.

Готов ли Марат к этому? Несомненно. Как сказал однажды Комбат: на самом деле влюбленный должен быть чуть более настойчив, чем свидетель Иеговы.

И Марат будет настойчив, и даже куда более.

Ожидания и предчувствия его не подвели. Он пришел секунда в секунду, как обычно. Точность — вежливость не только королей. Ровно в двадцать ноль-ноль нажал на кнопку звонка в квартиру. Марина Николаевна открыла дверь не сразу, только после двух звонков, но одетая в тот самый восхитительный шелковый розовый халатик, который так настойчиво пыталась умыкнуть Комарова. Халат и впрямь был шикарен и великолепен.

Юноша не сомневался, что если распахнуть полы, то он увидит белье, то есть трусики и бюстгальтер — одинакового цвета.

Ему безумно захотелось сказать какую-нибудь совершенную пошлость, типа издевательски-тонким голосом фальшиво пропеть: «...у кого-то сегодня будет сеекс...». Он, естественно, сдержался и вместо слов расправил плечи, приподнял голову.

Проходи, — довольно неуверенно произнесла Марина.

Я взял пирожные, — Марат показал принесенный пакет. — Я не знал, какие вам нравятся, и поэтому выбрал несколько, для опробования.

И он спокойно, с достоинством улыбнулся, и кивнул головой так, чтобы было ясно — никакие отговорки не помогут. Опробование состоится.

День был одним из самых длинных в году, когда солнце в их широтах хоть и исчезало,

но все равно было видно, как оно катится ниже линии горизонта. Ночь обещалась быть жаркой. Балкон открыт настежь, на нем с бокалами сока в руках стояли Марат и Марина Николаевна.

Юноша рассказывал про их компанию, про привычки и нравы. Про «ужасного» Строма, который на самом деле был совсем не ужасный, и даже не страшный. Сначала женщина слушала с недоверием и хмурилась. Но рассказчиком Марат был прекрасным, причем совершенно незаметно вводил в свою речь комплименты, которые научился делать так тонко и изящно, что зачастую человек и не понимал этого.

...а она такая хрупкая. Ручки белые, нежные, как вот у вас... И она прыгает, и я ее за ногу ловлю, в захват, бросок, снова захват, и по ковру ее раскатываю, как мягкую игрушку, но не сильно. Она встает, а на глазах слезы, — рассказывал Марат историю, когда его водили на занятие к каратисткам, чтобы показать насколько мастер борьбы сильнее любого мастера удара. — Захожу потом к ним в раздевалку, они сидят. Угрюмые, даже не завизжали, как обычно. И она тоже, такая несчастная, и красивая. Гляжу ей в глаза, говорю: «Хочешь научиться бороться?». Она мне кивнула, и я ей даю совет. Как мне первый тренер сказал: «Тогда сожми зубы, учись и борись»...

Солнце почти задело краем горизонт, когда Марат решился. Он не стал спрашивать Марину Николаевну про цвет-настроение. Не решился поинтересоваться — какое ее любимое животное, то есть — собственное внутреннее ощущение. Он понял, что надо спрашивать сразу, и самое важное.

Вы знаете, — начал он, взглядываясь в горизонт с восьмого этажа. — Я бы хотел жить у океана. Не у голубого, веселого и мелкого моря, а именно около седого стального океана. Глубокого, мудрого, и полного тайн. Наполненного неожиданными и сказочными существами. Рядом с древней водой, которая даже дышит легендой и мощью. Которому нет равных... А вы бы? Вот если бы вам предложили выбрать, где жить и поселиться около любой воды, у любого водоема, что бы выбрали?

Марина Николаевна задумалась. Она чувствовала женской интуицией в этом вопросе какой-то маленький подвох, какую-то недосказанность. Этот мальчик рядом с ней — что-то хотел узнать, что-то очень важное для него. Тем не менее, она решила ответить как есть, без всяких уловок и глупых вопросов.

Около горного озера. Не высоко в горах, нет. Горы, покрытые зеленью. И озеро это, хотя вокруг холод и часто мерзкие туманы — всегда теплое. Потому что там, глубоко, есть теплые источники, которые его питают. В любое время дня и суток, в любую погоду — можно спуститься к этому озеру, и окунуться в его зеркальную гладь, и оно обнимет тебя, как родное, примет в свои объятия...

Она была ошеломлена своей собственной речью. Никогда в жизни так красиво она не говорила. И понимала, что сказала от самой души, что-то очень сокровенное, необыкновенно откровенное и чрезвычайно важное.

Она обернулась посмотреть на Марата, смущенная и дерзкая одновременно, и встретила с зелеными глазами. Такое ощущение, что этот могучий океан, которому нет равных, наполненный неожиданными и сказочными существами — смотрел на нее глазами вот этого совсем еще безусого мальчишки.

«Зеленые глаза — глаза убийцы» — вдруг вспомнила она фразу, которую прочитала давным-давно, в какой-то глупой книге по эзотерике... И почувствовала, как уверенная мужская рука обняла ее за поясницу.

Океан пришел в движение. Марина даже не попыталась отстраниться. Наоборот, через мгновение она поняла, что ее собственное тело, вопреки разуму, подалось, и приникло к мужскому так плотно, как только смогло.

Их губы были так близко, что казалось, что она уже чувствует их тепло. Левая рука Марата легла ей на затылок, и Марина чуть не застонала от этого мощного, властного и одновременно нежного прикосновения. Она больше не могла сдерживаться, закрыла глаза и почувствовала, что ее затапливает странным чувством, которое рождается на губах и волной спускается вниз, заставляя твердеть грудь и живот. Сильные руки подхватили ее, и голова закружилась, а в следующее мгновение женщина поняла, что она уже в комнате, на чем-то мягком. На Марате почему то уже нет рубашки, а её пальцы дрожат, путаясь в ткани, которую она пытается отбросить прочь. Он напоминал горячий оживший камень, ее ладони гладили спину, покрытую буграми напряженных мышц. Губы впились так, что уже больно, но ей хотелось еще, и еще, чтобы стало еще больней.

Язык мужчины проскользнул между ее зубами, и вот теперь она застонала, глухо, с рычащими нотками, обхватывая его за бедра своими ногами. Буквально втягивая его в себя и желая, чтобы этот камень теплого тела обхватил ее всю. Она вскрикнула, пронзительно и ясно, всего одно слово: «ещё!» А потом бормотала, словно в горячем бреду, перемежая нежность и брань, не понимая что говорит: «глубже», «мой мальчик», «как же хорошо», «давай»... Он тоже бормотал что то в ответ, рычал, и ворочал ее, вбивал женщину вглубь дивана, рвал и стискивал до хрипа, не понимая даже что он делает — ласкает, или борется с ней... Она царапала его спину твердыми ногтями, обхватывала тонкими руками так, что сдавливало дыхание, и даже ногами обхватила, что словно он не между мягкими бедрами, а зажат в корнях дерева...

Марат понял, что еще несколько мгновений — и он взорвется. Тогда он остановился, и словно застыл, содрогаясь от нетерпения, над горячим и влажным телом. А Марина, чуть приоткрыв глаза и прикусив губу, за пять минут уже привыкнув к мощным толчкам внутри, подалась к нависающему над ней юноше, и мягко, как змея, начала раскачиваться под ним. Чтобы остановить мгновение, Марат прижал женщину. И она, уже полностью погруженная в себя, застонала, однако — не прекращала своих движений. Улавливая эти движения, он также мягко стал двигаться, но в совершенно противоположных направлениях.

Марина, чуть не задыхаясь, вдруг почувствовала, что вот этот жар по всему телу, и особенно внизу живота — это еще только начало, запальная нить, бикфордов шнур...

И в это же мгновение тренированная мощь над ней — снова ударила. Туда, в сокровенное, прямо между ног. Да с такой мягкой силой, что женщина застыла, словно опасаясь за себя. Марат же, поняв, что сдерживаться уже не может, просто обнял свою соперницу (союзницу? любовницу?), и уже не стесняясь, и никак не стесняя тело, уверенно вел себя к кульминации. Но и Марина, застывшая, погруженная в себя — почувствовала, что бикфордов шнур уже дошел до взрывчатки...

Никогда в своей жизни она такого не ощущала. Тем более — с первого раза. Да и вообще такого быть не может... Но Марину Николаевну внезапно изогнуло так, что Марат с огромным трудом смог удержать ее в руках. Женщина запрокинула голову, стиснула зубы, и из ее губ срывалось только рычание.

Марат зарычал сам, и уже совершенно потеряв голову, вонзился в нее так глубоко, как только смог.

На какой-то миг ему показалось, что он потерял сознание, потому что очнулся только

тогда, когда они лежали рядом, обессиленные и мокрые от пота, как загнанные лошади. В голове звенела легкость. Марина Николаевна повернулась на бок, мурлыкнула, и провела указательным пальцем по влажному телу Марата.

Какой шустрый мальчик, — прошептала она, указывая взглядом куда-то вниз. — Очень шустрый.

Марат проследил за ее взглядом, а потом негнушимися пальцами снял презерватив. Завернул на нем узелок. Надеть его он успел в самое последнее мгновение, уже на последнем краю сознания, если честно.

Сейчас придем в себя. Женщине надо полежать хотя бы немножечко после такого, — слабым голосом сказала Марина. — А потом сходим в душ, попьем кофе, и пойдем за Аней, — продолжила она.

— Ты ведь никуда не торопишься? Вот и посмотрим на твоего не очень страшного и совсем не жуткого Строма... И, вполне возможно, отпразднуем ваш последний экзамен в этом году. И, в конце концов, мне не терпится увидеть своего возможного будущего зятя.

Хорошо, — сипло ответил Марат. —

Конечно, пойдем.

Ровно через час они вышли из подъезда, и, легко шагая по летней жаре двинулись в сторону дома Строма. На часах — чуть больше десяти, и Марат был уверен, что, скорее всего, у Травиной и Стримова веселье в самом разгаре. Второй, а возможно и третий «заход». Звучит пошловато, зато верно.

Марат долго звонил, упрямо нажимая кнопку.

Да я знаю, что вы там, уродцы, — весело сказал юноша, полуобернувшись к Марине Николаевне.

Наконец за дверью послышались звуки, она чуть-чуть приоткрылась, и в узком проеме показалась голова.

Мелкий, я сейчас тебе руки оторву, и запихаю тебе же в задницу, обе, — прорычал Стром.

Себе в задницу чего-нибудь запихай, — беспечно и дерзко отозвался Марат, не отступая ни на шаг. — У меня тут гости. Травина Марина Николаевна. Знаешь такую?

Стром зарычал от ярости, но попытки высунуться за дверь не сделал.

Пошел ты, мелкий...

Иди штаны надевай, — посоветовал другу

Марат. — Это мама Ани. Она самая. Знакомиться пришла с тобой.

Стром глухо булькнул, и исчез за дверью.

Если бы не заранее подставленная нога Марата, то дверь бы закрылась.

Стром, я не шучу, твою дивизию. Иди, одевайся, и Аньку зови, а мы пока на кухню. Поищем чего-нибудь на ужин в вашей пещере...

Лето катилось и веселилось на полную катушку. Стояла умопомрачающая жара, электронные градусники и часы глючили, показывая странные цифры на своих табло. Словно бы электроника и заодно само время сошли с ума. Передвигаться по улицам начиная с полдня можно было только в шортах, перебегая из тени в тень, и при этом желательно с зонтиком от солнца.

Они вчетвером поселились в одной квартире, как то странно и совершенно органично вписались в интерьер, уставленный дорожкой деревянной мебелью, с пушистыми коврами и всевозможной техникой. Постепенно, усилиями двух аккуратных женщин и двух горящих желанием мужчин — нора загнанного зверя превратилась в невообразимо уютный уголок, очищенный от грязи и пыли.

Стром разворачивал вон всех бывших вечерних завсегдатаев. Исправно работал тряпкой на самой верхотуре, снял и перемыл люстры, починил проводку и заменил всю посуду на кухне. Хрустальные же стопки и бокалы, которые можно было отыскать в этой квартире в самых невообразимых уголках — перекочевали в положенное им место. Все лишнее было безжалостно вытряхнуто, шкафы прошли полную ревизию, и теперь вместо заплесневелого тряпья неизвестного назначения — там искрились стопки белья и чистой, аккуратно сложенной одежды.

Уже на второй день у Марата и Марины состоялся странный разговор, в котором они расставили все точки. Марат тогда сбегал до своего дома, и принес тот самый рулон денег, который ему передал Двадцать Четвертый.

Вот, — сказал он, доставая тугой сверток из кармана. — Эти деньги я заработал. Честным трудом.

Слово за словом рассказал всю историю от начала и до конца. Некоторые моменты Марина знала. Она сейчас смотрела со все возрастающим восхищением и даже капелькой ужаса на мужчину, который сидел перед ней. Да, этот шестнадцатилетний юноша казался ей теперь не мальчиком (мальчиком он был для нее в постели), а самым настоящим мужчиной. Мужиком, который с самого начала — твердо, упорно, через боль, слезы, кровь, «не хочу» и «не могу» — шел к намеченной цели и достиг ее.

Тайком Марина пересмотрела все бои Марата, которые были доступны в интернете. Она бы никогда не подумала, что этот маленький человечек, её худенький и зеленоглазый мальчишка — способен на такое.

Просто прошу понять меня, — говорил Марат. Слова он произносил без малейшей усмешки. Но и без напускной юношеской мрачности. В некоторые мгновения опытной женщине казалось, что этот юноша — совсем не юнец, а какое-то очень древнее создание, наподобие навсегда запечатленного в юном теле вампира. А она сама — героиня истории, которые так любят молодые девушки, когда, например, столетнее существо в образе прекрасного Эдварда Каллена влюбляется в провинциальную простушку...

Было бы очень здорово и полезно, если бы ты ушла со своей работы. Денег здесь достаточно, чтобы прожить целый год, ни о чем не думая. И этот год потратить на куда более полезные вещи, нежели опостылевший офис с самодуром начальником. Так ведь? Искать новую, интересную работу. Обустроить Ане жилье и жизнь. Ты ее мать. Я — взял

за нее ответственность, по уличным законам и понятиям. Стром работает на хорошей, настоящей мужской работе. Любит Аню. Она же не может дня без него прожить... Мы все связаны, и никуда от этого не денешься.

Во время этой речи Марина почему-то не могла и слова произнести в ответ. Все, что говорил этот мужчина укладывалось в рамки, грезились в мечтах и подкреплялось делом — той самой невообразимо толстой пачкой купюр высшего достоинства. У нее просто не было аргументов против. Она согласилась, просто и непринужденно, коренным образом изменила свою жизнь на все сто восемьдесят градусов.

Где-то в глубине души первое время она думала, что это не совсем правильно. Что подумают люди?

«Да какие люди?!» — рассердилась на себя в конце концов Марина Николаевна.

Где были эти люди, когда она одна, на нищенские пособия тянула дочь? Когда им буквально иногда не было что поесть, и нечего надеть в холодный день? Где были и что делали эти люди, когда Аня пришла домой из школы, и с ее новых, только что купленных дешевых сапог — отлетела подошва? Кто пришел, когда у них сломался душ, и мыться приходилось в ванной под краном на четвереньках? Да какое ей дело до этих неведомых людей и что они подумают?

Она хотела здесь и сейчас. Целый год! Жить. С двумя сильными, надежными мужчинами, под одной крышей. Готовить и стирать, ухаживать за ними всеми. За собой — в первую очередь! Напевать что-то красивое, занимаясь разбором покупок и глажкой новых хрустящих рубашек. Закрыться за железной дверью. Прикрыться широкими спинами, и выходить только вечером, гулять по изнывающим от жары улицам, заходить в ночные кафе. Стоять у перил пристани, слушая, как мимо, по реке, гудя двигателями, проплывают баржи и теплоходы, с одного конца страны на другой... А потом приходиться сюда, и падать на кровать, на чистые простыни, пахнущие альпийскими взгорьями. Поддаваться уверенным рукам, широко расставлять ноги, и изгибаться, извиваться, стонать и кусать зубами подушку, покоряясь неодолимой силе над собой.

Марат же не мог нарадоваться, как все вышло удачно. Он жил от Строма буквально в двух подъездах. Родители, конечно, играли в его жизни очень серьезную роль, но сейчас они здорово отделились. Отец вообще, и не без оснований, полагал, что сумел воспитать настоящего человека, который способен большинство вопросов решить самостоятельно. Этому, надо сказать, способствовало и то, что Марата, начиная с первого класса не надо было усаживать за уроки или требовать, чтобы он занимался спортом, больше читал или больше (или меньше) гулял. Все это было интересно Марату и самому, и зачастую родителям приходилось наоборот сдерживать пылкие порывы своего чада.

Еще немаловажный пункт — Марат всегда говорил родителям только правду. Почему то не мог соврать даже в малости. Он не без основания считал, что более близких людей в его жизни нет. И они, родители, должны знать все, только объективно и фактически, без всякой лжи или приукрашиваний.

Поэтому в один из вечеров он прямо и без утаек рассказал отцу, что встречается с взрослой женщиной, матерью одноклассницы... Отец сначала улыбался, но потом стал серьезным, поиграл желваками. Марат же знал, что в данном случае шила в мешке никак не утаишь. Рано или поздно их увидят вместе, слишком уж близко все живут. Лучше уж так, чем с чьих-то третьих слов. Тем более, как ни странно, рассказывать о ситуации, победе младшего над старшей... оказалось... легко и приятно.

Вот что, сын, — сказал, наконец, отец. — Все это крайне занимательно, и где-то в глубине души я прямо горжусь тобой. Ценю, что ты все рассказал. Но к внукам, да тем более от нашей ровесницы, — он покачал головой, — мы еще не очень готовы. Будь осторожен, первое время уж точно. Поверь, в твоей жизни будет еще очень много девушек и женщин.

Пап, конечно, — сразу отозвался Марат. — Я очень осторожен. Поверь...

Деньги нужны? — в лоб спросил отец. — Подарки при ухаживании за женщиной важны. Ну и там мелочи всякие. Противозачаточные, презервативы.

Не, — теперь Марат помедлил с ответом, как будто раздумывая. — Пока обхожусь, работаю же потихоньку. Хватает. Если что, я попрошу, не бойсь...

В конце июля месяца погиб Дед. Смерть его была довольно обычной и банальной — автокатастрофа. Никого особо это известие не поразило и не удивило. Люди погибают в автокатастрофах каждый день.

Бронированный лимузин Деда столкнулся с другой легковушкой. Не лобовое столкновение, а просто чиркнули — бортами, летя друг навстречу другу.

В легковушке находилось целое семейство — отец, мать, ребенок. Они не пострадали никак, отделались испугом. А вот пятитонный бронированный Мерседес не удержался на дороге, улетел в кювет, много раз там перевернулся, и, в конце концов — загорелся. Дед и водитель погибли.

Но Братство, пережив грандиозные похороны, спокойно продолжало здравствовать. Бразды правления принял Басмач, почти единогласно выбранный советом Братства на пост главы.

Через три дня Басмача застрелили. Два выстрела сзади. Прямо около дома. Одна пуля перебила позвоночник, вторая — пробила череп... Стреляли из пистолета, две обычные пули калибра девять миллиметров. Но стрелка никто не видел. Как доложила полиция — выстрелы были произведены с расстояния более сотни метров. Попасть со ста метров, дважды в яблочко, в движущуюся мишень, из пистолета... может далеко не каждый.

Братство заволновалось. Куда-то пропал Двадцать Четвертый, как растворился.

Несколько лет уже канули в Лету времена бригад и братств, организованных преступных группировок, которые возникли в каждом городе России после того, как на Россию (как на свое время и на СССР) — опустился железный занавес, созданный коллективным Западом. Почувствовав слабость власти после множества экономических неудач — возродились «Волговские» в Тольятти, «Слоны» в Рязани, «Мальшевские» и «Тамбовские» в Санкт-Петербурге, «Уралмаш» в Екатеринбурге, «Подольские», «Солнцевские», «Ореховские», «Измайловские» — в Москве. Десятки, и даже сотни — они были мрачной памятью о девяностых, но с новой силой воспряли в двадцатых-тридцатых годах нового тысячелетия. Просуществовали они всего ничего — три-четыре, максимум пять лет. Власть прекрасно знала, какое лекарство применять против них.

Только в городе, где жил Марат, «Братство» продолжало жить и властвовать. Никто точно не знает, почему это произошло, и как. Может быть, потому что оно было организовано чтобы одолеть преступность. Может быть, Дед был слишком умен и хитер, имел не просто пудовые кулаки и поддержку криминала, власти и спортсменов по отдельности, но и дар изящной дипломатии. С помощью которой удалось примирить и соединить непримиримое и неприсоединимое.

В свое время эти грозные банды — и много лет назад и сейчас — сначала серьезно

ослабили друг друга в междоусобной борьбе. Потом официальная власть, пусть изначально слабая и неустойчивая, начала потихоньку ликвидировать их, одну за другой.

Только Братство процветало, охватив собой весь город. Никакого беспредела, никаких беспорядков — все строилось на строгой дисциплине, подчинения младших старшим, на понятиях, полуспортивных-полукриминальных: о чести, жизни, традициях.

Но там, наверху, решили, что незапланированный эксперимент затянулся. Тем более что Дед и его Совет осторожно, но очень уверенно и без осечек стали брать одну ветвь власти за другой. Братству были подконтрольны все — и бизнес, частный и государственный, и суды, и полиция, и даже тюрьмы. Не говоря уже о начальниках и даже журналистах всех типов. Они не крышевали все это как раньше — а владели на полных правах.

К этому времени, а точнее — два года назад была ликвидирована предпоследняя подобная банда. Братство осталось одно.

Для ликвидации таких организованных преступных группировок было создано специально подразделение, на военной базе. Самых ликвидаторов было немного — человек двадцать. Среди которых были и старики-ветераны, и совсем еще безусые студенты-выпускники военных училищ, и даже женщины и девушки, способные попасть в монету из пистолета за сто метров. Команда поддержки и обслуживания была просто огромна. Несколько тысяч человек, целая дивизия обеспечения. Средствам, которыми они обладали — могла позавидовать любая разведка в мире. У них было все. Чего не было — покупалось за любые деньги. А если и этого не было, то целые научные институты и исследовательские команды получали распоряжения — придумать, изобрести, и воплотить.

Марат еще только продумывал, как убить Альму, когда первые люди из команды поддержки группы «Зеро» — уже прибыли в его город. Сняли квартиры, дома, офисы, расположили и подключили оборудование, получили доступ ко всем камерам и микрофонам в городе. Они не контактировали с официальными службами правопорядка и правосудия в городе, справедливо предполагая, что все они «подключены» к Братству. Группа «Зеро» действовала только и исключительно самостоятельно.

У них были списки. Первый список, обязательный — включал около полусотни фамилий. Люди из первого, обязательного списка — были обречены. Второй список — дополнительный. Там числилось около двухсот фамилий и досье. Этих людей могли и не убить. Их можно было просто, как это говорилось: нейтрализовать. Заразить, очень сильно покалечить, посадить в тюрьму, просто скомпрометировать так, что никто и руки не подаст. Но обычно группа «Зеро» не церемонилась. Чаще всего фамилии в обоих списках к концу операции были зачеркнуты. Жирным красным маркером.

Во втором, дополнительном списке, почти в самом конце — стояла и фамилия Строма. Там, где то далеко наверху, посчитали, что бывший крейсер тоже может быть опасен, тем более что шпана постоянно обитала в его квартире, а подорванный авторитет быстро восстанавливался. По мнению кого-то из сильных сего мира, Стромов Вячеслав тоже обладал потенциалом для восстановления Братства, даже если основная часть его членов погибнет.

Ничего этого они не знали и не подозревали. Ни сам Стром, ни Марат, ни уж тем более Анна или Марина Николаевна Травины.

В тот вечер Марат обнаружил, что в квартире не осталось молока. Он не мог терпеть кофе без молока. У Строма был выходной день, женщины тоже были здесь, и Марат, крикнув, что скоро придет, спустился в магазин.

Гуляя вдоль прилавков и выбирая что бы вкусенького взять для Марины, он улыбался сам себе. Ситуация, которая складывалась, чертовски его восхищала и возбуждала. И ему явно казалось, что не его одного. Слушая все эти скрипы, стоны-вздохи за стеной по ночам, Марина и сама приходила в возбуждение. А уж когда слышалось громоподобное рычание Строма — от такого и Марат заводился не на шутку и порой терял голову. Просто представляя на миг, как там, в полуметре от него, за стеной — его одноклассница. С которой он с садика вместе. С которой сидел за одной партой.... К тому же — дочь той, кто лежит сейчас рядом, а точнее — под ним... в которой он сейчас глубоко внутри. А там, за стеной, извиваясь и поскуливая — действительно, любящая дочь и смешная девочка с косичками, какой он ее помнил в первом классе — занимается любовью с огромным напряженным телом взрослого, куда более старшего человека.

Это казалось невозможным. Но это было.

Они постоянно что-то выдумывали, все вчетвером. Какие-то умопомрачительные наряды из прозрачной ткани. Строму сшили настоящую набедренную повязку, из махрового, пятнисто-коричневого полотенца. У самого Марата появились штаны, где вместо карманов были просто дырки, и иногда, в процессе, например, общего просмотра фильма, Марина запускала туда, вглубь, потную горячую ладошку. Марат сидел с каменным лицом, прижав нижнюю губу зубами... и как будто не замечал, что и рука Строма как то подозрительно глубоко под коротеньким сарафаном Ани...

Вот и сейчас у женщин случился очередной бзик, и они решили, что надо сделать пару махровых простыней и наволочек. Обязательно из махровых полотенец, из разных. Для чего вчера Строма и Марата послали в магазин тканей с дурацкой инструкцией — купить всего, и побольше. Просто махровое белье женщин не удовлетворяло...

Еще Марат понял, что он влюбился. Может быть, несомненно, на первом месте у мужчин и стоит — получение удовольствия. Но дальше начинает работать правило: мужчины начинают любить то, во что вкладываются. А вложил Марат немало. Финансов и труда, упорства и терпения, и времени, и много-много всего-всего. Вот эта маленькая, совершенно невообразимая, странная семья, где мальчик любит взрослую, а дочь её любит того, кто ровесник матери... Эта восхитительная запутанность превращалась в гармонию, и какую-то нереальную привязанность, переходящую в любовь ко всему и всем сразу. Строма он любил как друга, как брата, надежного товарища. Аню — как сестру и подругу. Ее маму — как самую безумную и щедрую любовницу. Слово бы жизнь усмехнулась, и дала ему сразу все, и полной ложкой. Еще год назад в юношеском максимализме он думал, что никогда не сможет найти просто девушку, которая поймет его. Теперь у него даже не один, а трое людей, которые вовлечены в тайну любви, в безумие, и не скрываются, и не скрывают ничего, тем более нежности и заботы. Здесь он, Марат, гармонично и взаправду занял свое место.

Юноша понял что не отрываясь смотрит на цветочный отдел в магазине. Да, правильно, надо взять цветов, подумал он. Прежние лилии, которые принес Стром, почти высохли. Вообще, честно говоря, первое время они очень сильно пахли, но Вячеслав оборвал почти все пыльники, оставив в каждой цветке по одному. Тогда вместо убийственного запаха, от которого постоянно хотелось чихнуть, по квартире разносился нежнейший аромат, непонятный, волнующий и нежный. Да, решил Марат, надо купить. Одну лилию в большую комнату. И, конечно, розы к ним с Мариной в спальню. Пять роз, с посылом признания в любви. Обязательно темно-красного, рубинового цвета. Но не цвета «бордо», то есть не бордовые, ни в коем случае. Бордовые розы дарят пожилым женщинам, со значением увядающей красоты. Нет, цвет должен быть красным, только очень глубокого оттенка. Такие розы еще называют — бургундские, эта расцветка специально создана для одного-единственного посыла: «я от вас без ума, и не могу жить без вас...»

В искусстве любви, которое Марат продолжал осваивать в теории и на практике, довольно большой раздел был посвящен именно цветам. Число цветов, их сорт, расцветка — все это имело значение. Над этим занимались много веков подряд очень хорошие люди с очень серьезными намерениями. Но самое главное, как он понял — это посыл, мысль, которую ты хочешь передать. Как ни крути, любой цветок — это половой орган растения, и мужчины дарят цветы обычно именно женщинам, а не другим мужчинам. Смысл этого дара всегда прост — признание в чем-то. Обычно — в очень сокровенном, что далеко не просто выразить и сказать словами. Сейчас язык цветов знают и понимают единицы. Поэтому каждый подарок в виде цветов можно и даже нужно объяснить, и это действие-объяснение, подкрепленное распускающимися бутонами, превратится в нечто очень восхитительное, по смыслу и содержанию.

Где то на краю слышимости, уже на очереди в кассу, Марат вдруг услышал странный звук. Как будто циркулярная пила вошла с размаху в неподатливое дерево. В какой-то момент юноше показалось, что это женский крик, очень далекий, исполненный отчаяния и ярости. Еще показалось, что это кричит Аня. Или Марина. Марат даже тряхнул головой. Наваждение — подумал он, нетерпеливо ожидая, пока пробьют его покупки. Позабыв про цветы, Марат поспешил на улицу.

На выходе из магазина ощущение опасности усилилось. Мир словно потемнел, словно какая-то мгла напозла на солнце, и воздух стал как будто тяжелей.

Марат ускорил шаг, почти побежал. В подъезде он столкнулся с женщиной в сером костюме. Потом, много раз, он вспоминал, понимал, что именно это его и смутило. Жара — и одновременно строгий костюм, с застегнутым наглухо пиджаком. То, что она спускалась, а не ехала на лифте... То есть, значит, вышла откуда-то со второго этажа, где они и жили... Следом за ней — какого-то совершенно невзрачного вида мужичонка, в обыденной майке и синих штанах ремонтника, с карманами на коленях и бедрах, с ящиком для инструментов.

Квартира была закрыта, и в ней царил мертвая тишина. Дальше по коридору, на входе в спальню Строма и Ани лежал какой-то мешок. В воздухе стоял едкий туман, пахло кисло-сладким и очень терпким...

Марат подошел.

Стром, как сдутый воздушный шар, уцепившись корявыми пальцами за косяк — лежал

совершенно неподвижно. Внутри спальни Марат побоялся заглядывать. Он уже понимал, что там увидит.

Сейчас он смотрел на Строма. У которого прямо на голую спину кто-то накидал цветков роз. Розовые бутоны, ярко-бордово-красные, с беленькими прожилками и точками на лепестках.

Марат коснулся одного из цветков. Он был теплый и влажный.

Пули, которые входили в грудь боксера — выходили из могучей спины, выворачивая куски мяса. Марат насчитал шесть таких «цветков». И еще два отверстия в голове.

Первая пуля, именно в голову, почему то не смогла убить Вячеслава. Он сумел встать, с кресла, где сидел. На подгибающихся ногах, уже проваливаясь во тьму и пустоту — уперся бессильными руками в проем двери, защищая своих женщин. Без единого звука и стопа, глаза в глаза — принял на себя весь свинцовый дождь, всю обойму от оторопевшего стрелка.

Потом убийца перезарядил пистолет, вошел, переступив через сползшее по проему двери тело. По две пули — дочери и... матери. В голову, и в грудь, в самое сердце.

Свидетелей «Зеро» предпочитало не оставлять.

Марат же, не понимая, что делает, метнулся на балкон, который выходил во двор, чуть не вырвал ручку, потом зачем-то пригнулся, осторожно высунулся. Тишина и спокойствие. Даже бабок на скамейках нет — они выползут попозже, ближе к вечеру, почти ночью, когда жара спадет.

Звонить? Куда? Кому? И зачем?

Марат отложил телефон.

Тут уже никак не поможешь. Ничем и никак. Чудес не бывает, волшебников — тоже. А машину времени еще не изобрели.

И тут он почувствовал.

Вот то, чему он учился, чему выучился... Это восхитительное чувство, вся его любовь, все эти приемы, уловки, все мастерство и всё искусство, которое в него вошло и поселилось — стало меняться. Он очень любил, их, кто лежал сейчас в спальне. По-настоящему любил, весь мир замкнулся на этих людях, в них было его прошлое, настоящее и будущее.

И вот их нет.

Но то, что осталось — это тоже была любовь. Только наоборот. Мысли как будто покинули Марата, и он прислушивался лишь к тому, что происходило внутри него самого.

Он вслушивался, чувствовал каждой клеточкой, как происходит это таинство, как великая Любовь превращается в великую Ненависть.

Ей уже были не нужны уловки, правила и приемы.

Она была огромна и поглотила все и сразу.

Разум Марата понимал, что это чувство его не оставит, что оно должно быть обращено. Но не на ту женщину в сером костюме, не на того мужичка в ремонтных штанах.

Марат за секунду, за какую то долю мгновения научился ненавидеть весь мир, который их породил. Он был умный мальчик и понимал, что двое в подъезде — это лишь инструменты. Он слышал о гибели Деда, об убийстве Басмача, и многих других, но думал, что смерть пройдет, не заметив их. Даже дураку было ясно, что за Братство взяли серьезные люди и силы. Многие из «смотрящих» и «крейсеров» при первых признаках рванули за границу, или в подготовленные к такому случаю тихие места... Где их и находили — кого утонувшим, кого с остановкой сердца, а кого и просто застреленным. Но кому потребовались мелкий школьный чемпион и изувеченный, изломанный крейсер,

работяга на заводе? Что они, и кто они? У них даже денег нет нормальных!

Но кто-то там, в системе, совершенно трезво и равнодушно решил, что так должно быть. Что они — какое-то препятствие. К чему? К власти, к деньгам? Почему этим людям всегда мало? Что им мешало найти свое счастье? Разве для этого нужно так много? Зачем они это сделали? Ради чего, ради каких денег? Или какой мифической власти? Где и в чем эта власть?

Да этого быть не может!

Этого быть не должно!

Эти люди, эта система, эта власть — не должны существовать. Не должно быть никого, кто может просто в мирной жизни ради непонятно чего — и сказать двум профессионалам — убейте того и этого, просто убейте, без вопросов, без суда, следствия и совести, без всякой справедливости.

Да, этот мир суров. В нём мало места для слабости. Но сегодня тот, кто стал очень силен — вышел с балкона с твердым решением внести в него, в этот суровый мир — справедливости столько, сколько сможет.

Прямо посередине зала стоял Двадцать Четвертый. Марат сразу напал на него, автоматически, не разбирая — кто и что перед ним. Но старый вояка легко отбросил парня в сторону, и, прижав к дивану, приложил палец к губам Марата.

Тихо, пацан, не шуми...

Четвертый затравленно оглянулся и продолжил:

Кто-то жив остался? Нет? Мы одни? Никто там в подсобке не завизжит?

Марат отрицательно помотал головой. Говорить он не мог — горло до сих пор сдавливало так, что воздух с трудом проходил. Какое тут говорить?

Сам не ори, и слушай. Бери деньги, наличку сколько есть. Еды, одежду какую — и уходим. Документы и телефон не бери. Не надо.

Уже на улице дар речи вернулся к Марату:

А куда пойдем, — просипел юноша. — Убьем тех?

Никого мы убивать не будем. Забудь об этом, — спокойно ответил мужчина. — Уходим, лесами. Сейчас на дачу, к одному моему другу, там уже нас трое таких. Жалко, конечно, хороший парень был, свой, надежный...

Двадцать Четвертый глянул на балкон покинутого жилища. Марат посмотреть туда не смог.

А как же родители? — спросил он.

Все поймут твои родители, будут молчать. Весточку дадим, что жив — и только. Не шутки все-таки. Три трупа, в соседнем подъезде. Светиться тебе точно нельзя, эти ребята не шутят, они вообще шутить не умеют...

Двадцать Четвертый был явно на взводе, и говорил много и быстро, хоть и с напускным спокойствием. Одет он был в яркую и грязную оранжевую майку, потрепанные шорты. На ногах — выдавшие виды сандалеты. Подбородок как минимум неделю не знал бритвы, и вообще бывший офицер производил впечатление опустившегося шепутного мужичка, вечно стреляющего на выпивку. На которого второй разглядеть не хочется. Еще пристанет, как банный лист, и не отвяжется...

Четвертый вел Марата знакомыми районами, но по какому-то совершенно

немыслимому маршруту, какими-то тропками и закоулками, избегая асфальта и вообще держась подальше от любых дорог.

Это только в фильмах из города уходят по дорогам. Поездами, попутками да еще и на самолетах... — говорил меж тем Двадцать Четвертый. — А на самом деле, брат, теперь думать надо — как идешь и где идешь. Камер сейчас повешано — ужас какой-то. А программы к ним — так и вообще труба. Засекли на одной, угадали направление — и все, считай, готово. Не дошел. Если и уходить сейчас из города — так только лесами, даже тропок сторонясь. На открытое пространство если вышел — капюшон подними... а то ведь неровен час.

Куда мы? — спросил Марат.

Вот это уже не твое дело, — ответил старый офицер. — Но пойдем далеко, недели две идти, как зверям. Ночевать среди деревьев и комаров будем. Людей сторониться будем. Иначе не дойдем. Теряться нельзя. Рациями пользоваться нельзя. Ничего нельзя. Только идти да идти. Придем — и там уже на месте ориентироваться будем, пока главное — дойти.

Марат где-то краем сознания понимал, что сейчас, именно вот в эту минуту и даже секунду для него начинается новая жизнь. Что все круто поменялось в этом мире для него. За плечами — рюкзак, впереди — только неизвестность. И куча опасностей. Был ли он готов к этому?

Если бы Марат знал, что впереди его ждет три года жизни в строительном вагончике, с какой-то совершенно дурацкой справкой вместо паспорта... Что ему придется мерзнуть долгими холодными ночами, кутаясь в натуральное тряпье... Что придется работать грузчиком, каждый день перекидывая десятки тонн непонятных мешков, и получать за это натуральные копейки, потому что остальное приходилось отдавать за еду, непонятное жилье-крышу, за зыбкую безопасность. Что он не будет видеть книги и компьютеры месяцами, а телефон у него будет маленький, кнопочный, на котором всего две игры — «тетрис» и «змейка». Забитый в нору, отгороженный от всего мира, не знающий новостей, оторванный от родителей, друзей и знакомых...

Одним из немногих его развлечений на все три года стала электронная книжка, которую Двадцать Четвертый взял с собой. На первой же ночевке Марат вцепился в нее как клещ. Ему нужны были знания, ответы.

Читалка была древней, под стать самому Четвертому, без всяких вай-фаев и блютусов. Экран и два порта — один для подзарядки, другой для подсоединения к компьютеру. Фильмов и картинок там не было. Зато книг... этих там было предостаточно, тысячи и тысячи.

Так уж получилось, что сначала Марат нашел папку "Революция" и первое что сделал — открыл «Катехизис революционера», написанный однофамильцем, тоже Нечаевым, но Сергеем, почти двести лет назад. Когда Марат прочитал первые строки, то ему показалось, что он слышит чей-то голос: сильный, железный, уверенный. Такое впечатление, что слова, которые он читал, и были мыслями Марата, только уже записанные, оформленные. Революционер — человек обреченный? Обязательно и естественно! Революционер обречен на успех, на победу. Без этого человек не революционер, а простой мятежник, которого легко победить. Проглотив и почти выучив наизусть «Катехизис...», Марат сразу же перешел к «Манифесту». Да, коммунистической партии. Вот здесь он увидел, пока зыбко, к чему надо стремиться. Каким будет общество справедливости.

Третьим, и самым важным из прочитанного в тот вечер, стала статья Ленина «Задачи отрядов революционной армии». Совсем коротенькая, она перевернула сознание Марата еще раз, обозначив задачи, которые ему только предстоит решить.

У Марата возникла куча вопросов, которые он немедленно обрушил на Двадцать Четвертого и продолжал задавать каждый день. Кто такие большевики? А кто меньшевики? А чем отличаются от оппортунистов? Можно ли провести революцию без качественного скачка, без смены власти? Какие революции были успешными? Как они проводились? Как подготавливались? Почему газета? Что такое пролетариат и чем он отличается от рабочего класса? Каковы принципы построения эффективной коммунистической партии?

Четвертый отвечал, разъяснял, вдумчиво, часто с улыбкой, но больше — серьезно, давал наводки — где искать ответы, и как правильно формулировать вопросы. На что стоит заострить внимание, а что стоит пока отложить в сторону.

Стоит ли прочитать «Капитал»? — спросил Марат однажды, оценивая трудоемкость работы над огромным, фундаментальным произведением.

Видишь ли, Мелкий, в чем дело, — медленно отвечал Двадцать Четвертый. — Не просто стоит, а нужно. Но читать и понимать его надо по особенному. Хотя каждый понимает по своему...

Некоторое время они молчали, пытаясь осознать сказанное.

И как? — наконец не выдержал Марат.

Видишь ли, — Четвертый достал сигарету, предложил юноше. — Для меня «Капитал» — это не экономика. Это не идеология. Это даже не совсем знание. Это, как говорил сам Маркс, руководство к действию. Это, я бы сказал..., - Четвертый глубоко затянулся дымом. — Для меня это оно и есть. Как бы тебе объяснить, мальчик? Попроще... Это, представляешь, если бы ты был агрономом? Вот ты изучаешь насекомых, вредителей. Их бесконечное множество, и все они для тебя — враги. Хотя есть среди них и друзья, хотя вернее сказать — союзники. Ты изучаешь их. Долго и вдумчиво. Как они устроены. Как выглядят. Изучаешь нервную систему. Их строение. Повадки, предпочтения. Законы размножения, законы существования... Какие у них общие черты. А какие — различные. Они вроде бы разные, но одновременно — очень одинаковые. На одних воздействуют одни факторы. На других — другие. Но это все — насекомые. С которыми ты должен уметь бороться. Побеждать. Держать их под контролем. Далеко не факт, что один агроном, будь он самым одаренным агрономом во все времена — и вдруг сможет победить вредителей хотя бы в своем хозяйстве. Зачастую это и невозможно. Но держать их в узде, контролировать, просчитывать. Понимать которые разовьются в жару, а которые в холод. Какие придут в дождливое лето, а какие в солнечное. Быть готовым к этому, понимать... вот, наверно, и есть функция агронома. И «Капитал» — это руководство к действию. Только не для агронома. И не про насекомых...

Хорошо, — ответил Марат. — Я понял...

Он прочитал и осознал «Капитал» за две недели. И понял окончательно, что его путь — это путь революционера. Путь обреченного человека.

Усомнился ли Марат в своем выборе и положении?

Нет. Ни на секунду. Обращенная любовь — эта чистая, кристальная ненависть повела его через все преграды и лишения. Это чувство загорелось в Марате и очистило его душу и сознание от всего наносного и лишнего. Что бы не происходило с ним с тех пор — Марат знал, что цель его высока, а плата за победу — огромна.

Может быть, в этот момент он сошел с ума. А может наоборот — его мозг стал чист и полностью рационален, как искусственный интеллект, управляющий боевой машиной, которой поставлена определенная задача. Все помыслы и мечты, все мысли, все возможности Марата устремились на решение этой задачи.

Мир должен измениться.

Ведь он, Марат, изменился...

В городе шел дождь. Мелкий и промозглый. И вообще, нынешнее лето было самым дождливым и холодным за последние двадцать лет наблюдений, если верить синоптикам.

Да, и с той поры, когда в городе было ликвидировано «Братство» — прошло двадцать лет. Уже давно и никто не помнил, кто такой «Дед», кто такие «крейсера», «графы» и «зачинщики». Они остались в истории как легенда, сказка. Исчезли куда стремительней, чем появились. Для большинства жителей города это вообще прошло незамеченным. Об этих смертях не писали в газетах, не показывали по телевидению. Просто каждый день на протяжении нескольких месяцев в областном морге было на десяток трупов больше чем обычно, чем среднестатистически.

К зданию лесомеханического колледжа подъехала старая, темно-фиолетовая «Волга». За рулем сидел крепкий, круглоплечий парень, а вот когда открылась дверь пассажира, то тот, кто знал положение вещей — вздрогнул бы от неожиданности.

Легко перепрыгивая лужи, к крыльцу колледжа стремительной походкой устремился Марат. Он ничуть не изменился за прошедшие два десятилетия. Может быть — только прическа стала чуть короче, да и несколько волосков седины прибавилось на висках.

В остальном это был все тот же юноша... хотя, может быть, на скулах прибавилось чуть-чуть резкости, пропала юношеская округлость.

Одет он был в самую популярную в последнее время одежду — синие джинсы, черная кожаная куртка. На ногах грубые ботинки с рифленой подошвой. Они называли этот наряд — штурмовой костюм.

Марат на сегодняшний момент занимал пост командира подпольной организации «Штурмгруппа». Они называли себя так, потому что взяли себе в качестве флага — знамя Победы. Да, тот самый штурмовой флаг, так и записанный в любой энциклопедии, 150-й ордена Кутузова II степени Идрицкой стрелковой дивизии...

Штурмгруппа не была организована никакой коммунистической или социалистической партией, и тоже, как и Братство — возникла словно бы из ниоткуда. Хотя на самом деле ее постепенно, шаг за шагом создали Марат и Двадцать Четвертый, которые вернулись в родной город после трех лет добровольного изгнания.

Занималась эта группа очень странными и подозрительными делами, но никто ею пока не особо интресовался, а они сами не особо афишировались. Да, есть ребята, которые качают железо в полуподпольных качалках, в подвалах. Которые работают в сфере жилищно-коммунального хозяйства, предпочитая ночное время суток — быстрая уборка мусора или снега от зданий, которые интенсивно посещаются обывателями днем.

Стать штурмовиком было довольно сложно. Каждый кандидат проходил индивидуальную трехступенчатую проверку, крайне своеобразную. За время которых было нужно совершить какое-то героическое действие, потом административное правонарушение, затем и уголовное преступление. Только после этого боец становился штурмовиком. Получал или выбирал кличку, и входил в свою тройку или пятерку, обычно по месту жительства.

Это все было бы похоже на детство и детский сад (как это принято говорить в народе), если бы этим не занимались очень серьезные люди. Которые прекрасно знали, что лежит в основе работы любой политической организации. Эти два краеугольных камня, две точки

опоры, выделенные самым выдающимся революционером человечества, Владимиром Лениным, назывались так: Конспирация и Дисциплина.

На вопрос же Марата, почему дела обстоят именно таким образом, что Штурмгруппа, состоящая из коммунистов и крайне левых политических активистов, и при этом стоит как бы особняком от всех политических групп, движений и партий, Двадцать Четвертый ответил:

Армия всегда в казармах. Это же стандарт, товарищ Маузер. Есть казармы, есть территория военной части, есть полигоны. В политике также. Есть горлопаны, есть легальные любители популярности. Кто-то добрые дела хочет делать. А мы — армия, и порядок у нас должен быть армейский. Поэтому ни официально, ни легально, ни даже нелегально мы к какой-то политической силе не относимся. Понимаешь, не управляет министерство образования солдатами. Хотя солдаты только и заняты тем, что повышают свой уровень образования, в определенной области. Всем этим занято другое министерство, государство в государстве, так сказать. Максимально эффективная система на сегодняшний момент устроена так, а не иначе, и не надо ничего выдумывать, надо просто брать, и делать. Понял?

Понял, — отозвался Марат. — Но какая мы армия, если ничего не делаем?

Двадцать Четвертый глубоко вздохнул, потом выпрямился, встал во весь рост, расправил плечи, и в этот момент показалось, что он чуть ли не на голову выше Марата:

Солдат может за всю службу не разу не вступить в бой. Полковник за тридцать лет ни разу не поднимет свой полк в атаку. Маршал за всю жизнь никогда не будет командовать фронтом. И армия никогда не вступит в войну за сто лет. Значит ли это то, что они лентяи и бездельники? Что они делают, мелкий, все это время? Просто ждут? Нет, дорогой мой. Они тренируются. Настоящая армия тренируется столь много, долго и упорно, что в случае реальной войны даст хороший отпор кому бы то ни было. А вот когда настанет война — это мало кому известно. Если уж мы считаем себя солдатами Революции — будь добр подобрать слюни, закрыть рот, и быть готовым к любому развитию событий. Знать, где ты будешь во время революции. Понимать, что ты будешь делать и, главное — как ты это будешь делать...

И вот сейчас командир Штурмгруппы, Марат по прозвищу Маузер — вошел в здание лесомеханического колледжа, чтобы узнать и встретить очередного кандидата. Причем, что было довольно необычно, этот кандидат в бойцы, и, соответственно — в штурмовики, уже имел кличку. Причем совершенно невообразимую, которую можно получить только за реальные, очень серьезные заслуги.

Люгер — так просил называть себя этот кандидат.

Человек, который передавал Марату сведения, усмехнулся, когда произнес это прозвище. Но ничего более не сказал. Марат же не спрашивал. Маузеру на самом деле было все равно — откуда приехал кандидат? Как жил и какие у него реальные имя и фамилия? Неважно.

Для товарища Маузера было важно только одно — способен ли ты стать оружием Революции, или нет. А кличка Люгер уже подразумевала, что человек считает себя оружием.

Поднявшись на второй этаж, Марат развернулся к вестибюльному окну в конце коридора, и сразу увидел Люгер. Она была одета точно так же как и Марат — в парадно-рабочую форму штурмовика. Синие джинсы. Легкая кожаная куртка, черная как вороново крыло. Офицерские берцы, высокие и жестко зашнурованные. На голове ее горел настоящий

костер — ярко-рыжие волосы были аккуратно причесаны, но на фоне серых стен выделялись неимоверно.

Она стояла с невозмутимым лицом, и пилочкой полировала ногти. Было видно, что девушка явно скучает. Проходящие мимо студентки и студенты коллежа не вызывали у нее никакого интереса. На мгновение Марату показалось, что Люгер одного возраста с ним, но через пару секунд он понял, что совершенно ошибся. Она была настолько молода, что с трудом можно было дать и восемнадцать.

Она подняла голову, как будто прислушиваясь к реальности, и в этот миг их глаза встретились. Марат почувствовал, что вокруг сгустился туман. Бетонные стены превратились в зыбкую пелену, люди стали тенями, пол из жестких досок превратился в мягкую поверхность борцовского ковра.

Еще через миг Маузеру почудилось что мир стал не просто зыбким — он обрушился вокруг него, разбился на тысячу осколков, и погиб. В оставшемся пространстве, словно повиснув у закрытого окна — осталась только эта девушка, с горящим взглядом огромных голубых глаз, и скулами, высеченными из мрамора. Она едва заметно улыбнулась, тоже увидев и поняв — кто этот приближающийся мужчина, и на гладких розово-белых щеках явно проступили восхитительные ямочки.

Марат понял, что он пропал. Совсем. Окончательно и безоговорочно. Он уже побежден, и победа сомнению не подлежит.

К тому времени наш герой был уже женат, и имел двух детей, девочек. Он не собирался их бросать.

Просто знал, что вот это длинноногое чудо, стоящее перед ним — он никому не отдаст. Пусть она будет пока в роли товарища. Тайная страсть, выставляемая напоказ. Боевой друг и сестра, которая всегда рядом, под рукой.

Но никому он ее не отдаст, никогда. Не повезет никуда на квартиру к другому штурмовику. Это теперь его женщина, его валькирия, дарующая победу настоящим воинам. Его... любовь.

Марат протянул руку:

Товарищ Маузер, — представился он твердо. — Марат.

Товарищ Люгер, — прозвучал в ответ такой же твердый голос, словно полковой горн пропел сигнал к атаке. — Юта.

Рука оказалась тонкой, но очень твердой, по-мужски сильной, и ее ладонь ответила на нажим твердым ответным усилием.

«Точно не бокс. Не борьба. Единоборствами вообще не занималась» — мгновенно определил он.

Какой разряд по стрельбе? — спросил Маузер Люгера.

Кандидат, — ответила она, сверля его глазами. — В мастера.

Хотя в голове у Марата все звенело, но кое-что он все же продолжал соображать. Три, а то и четыре года занятий стрельбой — очень немало, чтобы этого не заметить.

Марат, давно и успешно изучивший искусство любви, прекрасно понимал, откуда этот звон, и почему мир вокруг перестал существовать. Включился инстинкт и режим охотника. Из всего стада людей вокруг, его глаз хищника выявил предстоящую жертву, и сосредоточился только на ней. Все остальное стало лишь отвлекающими факторами, словно

ушло в туман. А сама девушка словно окружена сверкающим ореолом, который был замечен иногда даже через стены.

Утопая в голубых глазах, Марат почувствовал в них яростный жар. По тем мельчайшим движениям, которые проскальзывали на лице, он пытался определить, откуда столько огня, да еще в столь юном возрасте?

Какое необычное имя, Юта...

Что на этом чудесном лице вызывает столько чувств? Просто ее открытый взгляд так работает?

Совершенно автоматически мужчина начал работу с телом, задержал руку Юты-Люгера в своей ладони чуть больше, чем нужно, и погладил. Едва прикоснулся, чуть заметное движение большого пальца по чужому запястью...

Она мгновенно вырвала руку. Марата словно ударило невидимым пламенем, прямо в лицо. Но теперь он видел, что это не просто адское пламя — это была раскаленная, пылающая ненависть. Которая не извергалась вулканом, а горела в душе Люгера ровным потоком, текла из бесконечности в бесконечность. Точно также, как и у него.

Марат был заморожен таким зрелищем. Он понял, мгновенно осознал. То, что стояло перед ним в образе прекрасной валькирии — это тоже раненное и что-то потерявшее существо. Которое хотело любить. И любви было так много, что когда произошло что-то... очень нехорошее — любовь со знаком минус отодвинула в сторону все другие чувства, выжгла и очистила душу и разум. Он словно смотрел в зеркало, и видел отражение. Понимал, что перед ним пламя, в котором плавится железо — под стать тому огню, который есть и в его душе. Такое пламя не потушить. Эти чувства надо соединить, в одно. То, что получится, управляемая термоядерная реакция — способно пробить любую стену, уцелеть в любой опасности, сокрушить любого противника и преодолеть любые препятствия. Это промелькнуло в голове за один короткий миг, но уже в следующее мгновение Марат твердо знал будущее. Которое предстоит прожить и пройти ему... (а точнее уже им обоим), и это грядущее простиралось на много лет вперед.

Сам не понимая особо, что он делает, Марат применил один из своих коронных приемов. Давно, казалось, забытый, сто лет не репетированный. Уловку, которую женщины всего мира отработывают годами, а кое-где, обычно на востоке — и учатся такому десятилетиями, совершенствуя до немислимых высот.

Марат замер, заметив, что Люгер его тоже изучает.

Лицо его приобрело оттенок явного презрения. Глаза еще раз встретились с глазами. Марат и Люгер даже не дрогнули. Куда там, наоборот! Марат поймал и приковал к себе взгляд девушки. Презрение в его глазах сменилось холодом. Потом — отрешенность, спокойствие. И, наконец, холод перешел в легкое узнавание. Откуда он ее знает?

«Да не знает, и откуда? — пронеслось у Юты в голове. — Просто делает вид...»

Словно прочитав ее мысли — губы мужчины едва дрогнули. Глаза все также, не мигая, смотрели в глаза Юты. А вот улыбка... Она стала теплее, а выражение бровей приобрело едва заметный игривый изгиб. Он уже улыбался, и оценивал. И на лице было видно, что оценка идет очень серьезная, уже видно как он мечтает, думает, представляет. И под конец — простодушная, широкая улыбка искреннего человека, давно знакомого, с облегчением узнавшего того, кому можно доверять, с кем можно провести вечер... и остаток жизни...

Мир перевернулся.

Юта с трудом оторвалась от этого гипнотизирующего захвата. В голове звенело, ноги

ватные, и такое впечатление, что стены вокруг покачиваются и немного кружатся.

Девушка перевела дух.

Она, как ни странно, знала, что это было. Хотя даже не думала, что когда-нибудь увидит и испытает.

Это был «взгляд гейши, сбивающий с ног».

Но применил его мужчина!

Это был настоящий, отработанный даже не месяцами, а годами — взгляд сильного, опытного и уверенного в себе мужчины, выбирающего себе девушку, и уже наметившего спутницу. Юта заметила и поняла, что дыхание у нее стало мелкое, учащенное, с маленькими всхлипами, как будто не хватало воздуха.

Ого, да этот Маузер хорош, несомненно хорош.

Вот только жалко, что больше не смотрит в ее сторону...

Марат, отвернувшись от Юты, осматривал вестибюль, пытаюсь определить — видел их маленькое представление кто-то еще, или нет?

Поедем ко мне, у меня дом. За городом, километр от ближайшей автобусной остановки и магазина. Но там полная автономия, можно сказать. Построил сам, своими руками, от фундамента до выгребных ям... Помогали, конечно, ребята. Называем все это хозяйство База. База номер один. Там у меня жена, и две дочери... Пока будешь жить в гостевой комнате. Найдешь работу или пойдешь учиться — снимем тебе жилье...

Юта обнаружила, что её держат за руку, и она покорно идет за этим мужчиной, ничего не опасаясь, не подозревая подвоха. Это было настолько странно, необычно, и совершенно не в ее характере, что девушка хотела возмутиться. Но не стала...

Когда они вышли на улицу, миновав охранника на вахте, который с улыбкой понимающе кивнул Маузеру, то солнце на мгновение ослепило обоих. Дождь закончился, и яркие лучи брызнули с особой силой через чистый воздух в проеме облаков. Сразу стало непривычно тепло, даже жарко. И необыкновенно свежо, так что захотелось вдохнуть полной грудью, и как можно глубже.

Спускаясь по ступеням к старой темно-фиолетовой «Волге», Марат заметил, что водитель (штурмовик с позывным Магнум) — приоткрыл свое окно, и брови на круглолицей физиономии стремительно ползут вверх.

На Базу один, — коротко скомандовал Марат, усаживаясь с Ютой на заднем сиденье автомобиля.

Магнум обернулся к ним, переводил взгляд с одного своего пассажира на другого.

Марат, а ты уверен? — спросил он наконец.

В чем?

Что надо ее к тебе домой?

А что?

Марат, на тебе лица нет, дружище, — все также открыто говорил Магнум, совершенно никого не стесняясь. — Да это и понятно. Она же красавица, ты посмотри на нее!

Юта вспыхнула, хотела что-то сказать, но потупила голову. Она явно не привыкла к такому общению. Когда товарищи общаются прямо, честно и без двусмысленностей.

Тебе чего надо, Андрей? — жестко спросил Марат, наклонившись вперед и застыв перед лицом товарища практически нос к носу.

Спрошу еще раз, Маузер: ты уверен?

Я уверен, — твердо сказал Маузер.

Что пойдешь с ней? До конца?

Пойду, товарищ Магнум, — жестко ответил Марат. — До самого конца...

Дело твое, — пожал плечевыми плечами тот, кого звали Андреем, потом завел двигатель, и очень скоро темно-фиолетовая молния, сверкая пижонскими хромированными бамперами, заскользила по дороге, легко обгоняя все машины на своем пути...

Больше книг на сайте - Knigoed.net